

СВЯТИЛИЩА И ОБРЯДЫ
ЯЗЫЧЕСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ
ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ,

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ СОВРЕМЕННЫМЪ И ПРЕДАНІЯМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

SREZNEVSKII
ИЗМАИЛА СРЕЗНЕВСКАГО.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по определению 1-го Отделения Философского Факультета 17-го Октября
1846 года.

Деканъ, М. Протопоповъ.

BL
930
57

**ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ
АРТЕМОВСКОМУ-ГУЛАКУ**

и

ВЯЧЕСЛАВУ ВЯЧЕСЛАВИЧУ

ГАНКЪ,

первымъ своимъ руководителемъ въ изу-
ченіи Славянскихъ древностей и нарѣчій,

посвящаетъ

Сочинитель.

ВВЕДЕНІЕ.

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы вполне, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представлялъ ихъ тотъ, кто имъ вѣровалъ; потому что изучать ихъ мы должны — или изъ сказаній иновѣрцевъ, которыми и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, — или изъ преданій народа, мало по малу отстававшаго отъ понятій языческихъ, привыкшаго бояться язычества, и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и надеждахъ. — Предположивъ ограничить это изслѣдованіе однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я долженъ оставить въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и мѣровъ, съ ними соединенныхъ; могу коснуться вѣрованій только въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Не смотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бореніе Славянъ язычникомъ съ Христіанствомъ—бореніе, могшее содѣйствовать скорѣе усилению тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской, — единобожіе было признаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ, какъ было признаваемо ими въ VI вѣкѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшимъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Прокопію Кесарійскому: «Они исповѣдуютъ—говоритъ онъ—единого бога, производителя молній, господа міра, и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совсѣмъ не знаютъ, и не придаютъ ей ни какой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву обѣщанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»¹. Спустя пять столѣтій послѣ Прокопія писалъ о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія—писалъ онъ—Славяне отличаютъ единого бога на небесахъ, повелѣвающего другими, всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ»². Сравнивая оба сказанія, не можемъ не видѣть разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Прокопія видимъ единого Бога, хоть и безъ яснаго тѣлеснаго образа, но существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, господомъ неба, всемогущимъ и невидимымъ. И тамъ и здѣсь онъ выше судьбы; но тамъ онъ въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человѣкомъ, его желаніями и мольбами, а тутъ онъ да-

¹ Прокопій, De bello Gothico. III, 14.

² Гельмольдъ, Chronicon Slavorum. I. 24.

лекъ отъ людей, онъ поручилъ земную природу другимъ богамъ, ему покорнымъ, и вѣдаетъ самъ только небомъ. Тамъ онъ—богъ грома и молніи, Торъ; а здѣсь онъ—Альфадеръ. Такъ-ли различны были въ самомъ дѣлѣ понятія Славянъ о верховномъ богѣ? Такъ-ли могли Славяне идолопоклонники измѣнить свое понятіе о верховномъ богѣ? Едва-ли! Напротивъ, кажется, Прокопій въ изображеніи верховнаго бога Славянскаго смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми изображалъ Гельмольдъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его—господа міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно отъ Перуна, на это имѣемъ доказательства и въ договорахъ Игоря и Святослава съ Греками: въ первомъ изъ нихъ два раза попадаетъ выраженіе: «отъ бога и (ни) отъ Перуна»; во второмъ читаемъ: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса»: тамъ отличенъ Богъ боговъ отъ Перуна, а здѣсь и отъ Перуна, и отъ Волоса. Впрочемъ какъ Прокопій смѣшалъ Верховнаго Бога съ Перуномъ, такъ и Гельмольдъ смѣшалъ его со Святовидомъ: въ одномъ мѣстѣ онъ назвалъ Святовида Богомъ боговъ (*Deus deorum*), въ другомъ прочихъ боговъ въ отношеніи къ Святовиду полубогами (*quasi semidei*); а между тѣмъ описывалъ Святовида богомъ, который заботится не объ одномъ небесномъ, которому молились и приносили жертвы, отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ бѣдахъ, словомъ—точно такъ-же, какъ описывалъ Святовида и Саксо грамматикъ³. Конечно, не лзя опустить изъ виду этого смѣшенія Бога боговъ съ Перуномъ и Святовидомъ, — смѣшенія, показывающаго, какъ высоко были, чтимы эти послѣдніе; тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожаемъ и отдѣльно, и что понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе

¹ *Несторъ* по Лаврент. списку. Полн. Собр. Лтв. I. Спб. 1846. 23 и 31.

² *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12.

³ *Гельмольдъ*. I, 6. и пр. *Саксо грам.* *Historia Danica*. XIV. (rec. P. Müller. et J. Welschow. Havn. 1839) 823, 826.

къ понятію о Богѣ христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они господа міра, котораго воля правитъ его судьбами, котораго промышль не допускалъ слѣдовательно никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ¹.

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужичане, прибогами (příbohojo)²; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не всѣ одинаково. Не мудрено, что Славянннъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природою, что въ своемъ воображеніи населялъ ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ³; богомъ вѣтровъ почитали Стрибога⁴; богомъ грома и молніи — Перуна⁵; обожая солнце⁶, бога солнца называли Волосомъ

¹ Коларъ, Národní Spiewanky Slowakůw. Budín. 1834. 1. 422. Палковичъ, Böhm. Wörterbuch. Presburg. 1821. II, 1711.

² Сволтикъ, Vocabularium Latino-Serbicum. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ слов: idolum и пр.

³ Смотр. I-ю главу, §§ I и II, также Касторскаго, Начертаніе Слав. Миеологін. СПб. 1841. 130-138, 178-182.

⁴ Несторъ, 34. Слово о Полюжѣ Игоръ въ Рус. Достоп. II, 62 и 214. Юнгмана Slownik Čes. IV. 349. Снегиревъ, Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. Пословица Галицкая: «Витерь-божіи духъ» у Илькевича, Галиц. Приповѣдки. Видень. 1841. 17.

⁵ Несторъ: 20, 23, 31, 34, 50. Слово Христолюбца у Востокова, Опис. Рпсей Румянц. Муз. СПб. 1842. 228 и 229. Вацерадъ въ Словарь у Шафарика и Палацкаго, Denkmäler der Böhm. Sprache. Prag. 1841. 220. Коларъ, ib. I, 67 и 407.

⁶ Восточ. сказанія объ этомъ у Шармуа, Relation de Masoudy etc. Mémoires de l'A. de SPB. VI-ème serie II. 319 и 326. Халкондила у Стри-

и Хорсомъ-Дажьбогомъ, Сварожичемъ и Радагастомъ, Святовидомъ, Яровитомъ и пр.; обожали звѣзды¹, мѣсяць², вѣроятно такъ-же, т. е. и какъ божества, и какъ жипица божествъ. Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество, и по ея дѣйствіямъ, были-ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. Такимъ обоготвореніемъ природы, ея стихій, частей и силъ, начали Славяне циклъ своего многобожія, и потомъ все болѣе умножали его мѣрами объ отдѣльныхъ богахъ, все болѣе примѣняли ихъ къ человѣку, къ его нуждамъ и ожиданіямъ, все болѣе увеличивали число боговъ и число ихъ качествъ и названій, — такъ что наконецъ верховный Богъ представился родоначальникомъ огромной сѣмьи боговъ, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ. Это была настоящая сѣмья, въ которой члены связаны были узами кровнаго родства, сѣмья боговъ и богинь, родителей и дѣтей. — О богиняхъ Славянскихъ имѣемъ различныя свидѣтельства, начиная съ VI вѣка. О нимфахъ, обожаемыхъ Славянами, упоминаетъ Проконій³. У Масуди читаемъ, что противъ главнаго идола, находившагося въ одномъ изъ храмовъ Славянскихъ, стоялъ другой, изображавшій дѣву⁴. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о женахъ и дочеряхъ Славянскаго бога⁵. Титмаръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей хроники о богинѣ Лютичей, а въ другомъ объ изображеніяхъ богинь въ храмѣ Ретрскомъ⁶. О служеніи богинямъ читаемъ въ прибавленіи къ древнему переводу Григорія Назіанзина, въ словѣ Христолюбца,

тера, *Методіае populorum*. II. 1061. Слово *Кирилла* въ Москвитянинѣ на 1844 годъ. I 243. *Кириллъ Туровскій* въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. М. 1822. 19. Особенное изслѣдованіе мое объ обожаніи Солнца древними Славянами помѣщено въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* за 1846 г. N. 7.

¹ *Весифшахъ у Шармуа*, ib. 326. Его слова подтверждаются народными преданіями и повѣрьями.

² *Шафарикъ*, *Slow Starozitnosti*. Praha. 1837. 587. и пр.

³ *Проконій*. III, 14.

⁴ *Масуди*, ib. 340.

⁵ *Френъ*, *Jbn.-Fozzlans Berichte*. SPB. 1823. 9.

⁶ *Титмаръ*, *Chronicon*. VI. 17. VII. 47.

у Длугоша и пр.¹ До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ: Гельмольдъ, Вацерадъ и Прокошь говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютица, Морана, Хлипа; Длугошу—Дѣдилія, Дѣвана, Маряна, и пр.² Древнѣйшее изъ сказаній о сѣмейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнъ-Фоцлану: изъ него узнаёмъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: оно касается верховнаго Славянскаго Бога, и представляетъ его родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ—исполнителями порученныхъ имъ должностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ³. Въ дополненіе къ этому не лѣзя не вспомнить и отдѣльныхъ миеовъ о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страцца—сыномъ Сыгтиврата⁴; въ Словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владимира⁵; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ-же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога⁶; изъ другихъ источниковъ узнаёмъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ о его происхожденіи отъ Сварога⁷. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Славянскихъ боговъ: мало этого для миео-

¹ *Длугошь*, *Historia*. V. 9. *Переводъ Григорія Назіанзина у Кеппена*, Библ. Листы 1825. N 7. 88. *Слово Христолюбца*. ib. 228.

² *Гельмольдъ*. I, 52. *Вацерадъ*. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. *Прокъшиъ*, *Chronicon Slavo Sarm*. Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ *Гримма*, *Deutsche Mythologie* (2-е А.) Gött. 1844. 643.

³ *Гельмольдъ*. I, 83.

⁴ *Вацерадъ*, ib. 211, 223, 225.

⁵ *Слово о Полку Игор.* ib. 28, 62, 78, 92.

⁶ *Ипатьев. Лѣт.* въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. СПБ. 1843. II. 5.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. Письмо св. Бруна къ Генриху II. (*Pertz*, *Monumenta Germaniæ*. Hanover. 1829. V. 812.) *Слово Христолюбца*. ib. 228. Срав. *Časopis čes. Mus.* 1844. 486.

лога; но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ сѣмейную связь божествъ у Славянъ существовало, и было распространено между ними. Оно соединялось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его, и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнію каждого человѣка. Живу считали они богинею жизни¹, а Сыгтиврата—богомъ времени². Кромѣ того они вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ «ројеницами», и рассказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою ројеницу, которая предсказываетъ ему судьбу его³. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаемъ изъ Слова Христолюбца: «молятся и роду и рожаницамъ... беззаконная трапеза мѣнимая роду и рожаницамъ⁴.» Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Даниіла Заточника, духъ или привидѣніе⁵, а словомъ «рожденица» переводится иногда, по замѣчанію Прейса, Греческое слово *τύχη*. Выраженіе «на роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденикъ», по которой всякій можетъ узнать свою судьбу. Въ извѣстнн «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подъ названіемъ Шестодневца: «безумніи людіе вѣрующе и волх-

¹ Прокошъ. 113. Длугошъ. V. 9.

² Масуди, ib. 320. Видукиндъ, Res gestæ Saxoniarum. III. 68. Вацерадъ, ib. 224.

³ С. Вразъ, Glasi iz dubrave Žeravinske. Zagreb. 1841. 118-119.

⁴ Слово Христолюбца, ib. 229.

⁵ Слово Даниіла Заточ. въ Памятникахъ Слов. XII в. 237: «Дѣти бѣгають рода.»

вуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и вазней, въ службахъ и въ кушляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь¹. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать, суженаго конемъ не объѣдешь», или, какъ выражались Боянъ и Данилъ Заточникъ: «ни хитру, ни гораду суда божія не минути»; Сербы говорятъ: «испред божје волје никуд никамо, од суѣнца се не може утеѣи, и т. д.² Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи³. Подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались сироты и всѣ бѣдные. Такъ Малоруссы говорятъ: «за сиротою Богъ съ калитою»; а у Сербовъ сохранилась пословица: «да није сиротинје не би ни сунце гријало». То-же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляють такъ говорить солнце: «jas pa ne man sakati, man w'liko obsjewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'rotice⁴. Тутъ-же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ—убогими, у Сербовъ—божьяками, у Хорутанъ—богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ; вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ⁵.

Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными

¹ *Калайдовича*, Иоаннъ Экз. Болг. М. 1824. 212.

² *Слово о Полку Игор.* ib. 202. *Слово Данила Заточ.* ib. 231 *В. С. Караджичъ*, Српске пословице. Цетинь. 1836. 106, 244.

³ *Краледвор. ртсь.* (4-е изд. Прага.) IV. 145, 158. VI: 136.

⁴ *В. С. Караджичъ*, ib. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зильской долинь въ Каринтін. О ней *Ярникъ*, Versuch e. Etymologikons der Sloven. Mundart. Klagenfurt. 1832. 202.

⁵ *Ибнъ-Фоцланъ у Френа*, ib. 9 *Гельмольдъ*. II, 12. *Сегфридъ*. Vita S. Ottonis. 54. (Acta Sanctorum. Jul. 1).

знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждатель—ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у всѣхъ Славянъ и въ свое время было замѣчено современниками. Ограничусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ¹. «Знаменье бо—говоритъ лѣтописецъ—небеси или звѣздахъ, или въ солнци, или птицами, или етеромъ чимъ не благо бываютъ: ли проявленіе рати, ли гладъ, ли смерть проявляютъ»². У Руянъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее³. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣщатель страшной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валялся по тинѣ⁴. «Овъ кобені пѣтичъ смотритъ, овъ стрѣтениа сѣмнитъса»—говоритъ переводчикъ Григорія Назіанзина⁵. «Вѣруемъ—говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ—въ поткы и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хожемъ поити, которая преди поиграеть, то станемъ послушающе, правая или лѣвая; ли да ще ны поиграеть по нашей мыслѣ, ть мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро ны кажесть, ркуще окаянни, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что ны на пути зло створитьсь, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны потка си додлаше поити, а мы ся не послушахомъ. Аще ны гдѣ будетъ поити, то мы течемъ къ волхвомъ; то вѣруемъ чеху и устряцю; а коли ны будетъ поити на долгій онъ путь, мы послушаемъ поткѣ»⁶.

¹ Масуди, ib. 319.

² Несторъ. 71.

³ Саксо грамматикъ. 827.

⁴ Титмаръ; VI, 17. О знаменяхъ озера Гломачскаго I. 3.

⁵ Переводъ Григорія Наз. ib. 89.

⁶ Слово Кирилла, ib. 242-243.

«Се бо не поганьски ли живемъ — говоритъ Несторъ — аще усрѣсти вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единиць, ли свинью; то не поганьски ли есть? Се бо по дьяволу наученю кобь сію держать. Друзіи же и закыханю вѣрують, еже бываетъ да здравье главѣ¹. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ итичій грай», и пр.². Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо знахарями. О нихъ написано въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидагъ) глядають, и смотрятъ дней и часовъ». — Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр.³. Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія, — вѣры, которая, породивши такія книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожаи полей, по его вѣрованію, зависѣли отъ богини жизни Живы⁴ и отъ бога свѣта и солнца Святoviда. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святoviда занималъ Яровитъ: «я богъ твой — говоритъ жрецъ именемъ своего бога, — я покрываю травою поля и лиетьями лѣса, я оплодотворяю нивы и деревья»⁵. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ пѣснѣ, выше приведенной, —

¹ Несторъ 73.

² Кирилла Туровскій, ib. 19. Уставъ Владимира въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ. Спб. 1846. N. 1.

³ Калаидовича, Иоаннъ Экз. 211-213. С. Строева, Описаніе памятниковъ Слав. руск. литературы. М. 1841. 125.

⁴ Вацерадъ, ib. 217.

⁵ Сефридъ. 129.

и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ земныхъ¹. Подобно земледѣлію и скотоводство было подъ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стадъ и пастуховъ. Яровить заступалъ мѣсто Велеса у Гаволянъ². Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по моленіямъ Русскихъ купцевъ передъ идолами, и по дани, платимой Святовиду кущами³. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи воспѣваютъ, какъ помогли боги Воймиру и Честмиру противъ Власлава а Забою противъ Людека, и говорятъ, что «*bozi nam uicestuie daiu*». Тамъ-же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, поминается Трясъ⁴. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Святовида, который, какъ Сварожичъ, имѣлъ побѣдныя знамена и коня, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ-же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамберскаго Яровита, а Саксо грамматикъ Рувевита. Книтлинга-сага знаетъ его подъ именемъ Черноглава, а Длугошь подъ именемъ Лиды⁵. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перунъ и Волосъ: общія Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не имутъ помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса»⁶.—Все зависѣло

¹ Смотри. Колядныя пѣсни у Паули (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10, 16.—Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. 9-10), Колара (Zpiewanky, I. 409), Корытки (Pesme Krain. porod. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

² Несторъ, 31. Вацерадъ, ib. 229. Сесфридъ. 128.

³ Ибнь-Флоцланъ, ib. 7-9. Гельмольдъ I, 6. II, 52.

⁴ Краледвор. рпсѣ. IV, 204. VI, 140, 181.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем: Histor. Eccl. IV. 12. Гельмольдъ. II, 12. Саксо грам. 826, 830, 842. Сесфридъ, 134. Эббо, 71. Книтлинга Сага, 122 (Historia pirat jomens. Hafn. 1842. 350) Вацерадъ, ib. 226. Длугошь. V. 9.

⁶ Несторъ, 20, 31.

отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр.¹.

Все зависѣло отъ боговъ, — и сознаніе ихъ могущества дѣлало человѣка рабомъ ихъ воли, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ силился познавать и исполнять ихъ; но онѣ были слишкомъ сильны для него, — и онъ иногда упдалъ нередъ ними, упдалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безсиліе. Не мудрено, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, — что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости. «Прощу тебя — говорилъ Князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя передъ ними покорностію; опасуюсь что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я кажется могу ихъ понять изъ того, что твое Кунунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдишь въ капище, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и оттуда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою»².

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, — и признавая бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствій, — и послѣдняго называли Чернобогомъ, а пер-

¹ Гельмольдъ, I, 83. Справ I, 52. Эббо. 65. Андрей, Vita S. Ottonis III. 16. Ипатьев. Лѣт. 5. Книглинга-Сага, 122 (ib. 349-350). Саксо грам. 844.

² Титмаръ. VI, 17. Краледв. рпсѣ. IV, 46.

³ Сага Олава Тригвессона. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).

ваго, вѣроятно, Бѣлбогомъ¹. Кое что подобное встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть бози, единъ небесный, другій во адѣ»². Люнебургскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола³. Въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Будишина, есть гора—Чернобогъ, и подлѣ нея другая Бѣлбогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія⁴. . . . Трудно опредѣлить какое именно мѣсто занималъ богъ зла въ мифологіи Славянской; ясно впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ властиномъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ мифологіи Славянской съ мифологіями другихъ Сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всюду одинаково, одними и тѣми-же страшными чертами рисуются злые духи въ противоположность добрымъ⁵. Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ христіанства; это—общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода чело-

¹ *Гельмольдъ*. I, 52. Malum deum sua lingua Diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant, bonum que Belboch (последнія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ).

² *Густин*. *Лѣт.* въ Полн. Собр. Лѣт. II. 273.

³ *Геннинга*, Рѣсный Словарь Люнебур. нарѣчія подъ слов. Schwarz и Teufel.

⁴ *Л. Штуръ*, Cesta do Luzic. Časop. Čes. Mus. 1839. 476-477. *К. Прейскеръ*, Blicke in die vaterländische Vorzeit. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Бѣлые боги* (лѣсъ и лугъ) находятся у большой дороги отъ Москвы къ Троицъ, не доходя 15-ти верстъ, близъ села Городка.

⁵ Edda Sæmundar hins fróða III. Hafn. 1828. 496 и слѣд. *Нарбутъ*, Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1835. I. 26-29. Ср. *Гримма*, Deut. Myth. 952-954 и слѣд.

вѣческаго. Какъ бы то ни было впрочемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугаль и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благость божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянинѣ язычникѣ было тѣмъ сильнѣе, что онъ вѣрилъ въ свою зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилей: онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, вѣрилъ, что по смерти ждутъ его или блаженства рая, или кара за неисполненіе воли божествъ.— О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства—и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ; сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Краледворской рукописи, воспѣвающія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла, и остается до тѣхъ поръ подлѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Такъ Влаславъ, пораженный Честмиромъ «wstati ne mozes; Morena iei sipase w noc czrnu; kipiese krew ze silna Vlaslawa, po zelene trawie w siru zemiю тесіе; ai a wiide dusa z rswucei hubi, wiletie na druo, a po druech siemo—tamo doniz mrtew ne zzen». Такъ палъ и Людекъ, пораженный Забоемъ: «letie mlat, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista Ludiekowa prsi; i ulecie sie duse tiezka mlata, i mlat i dusu uirazi». И послѣ побѣды «tamo i uiele dus tieka siemo tamo po drsieuech, i ich boie sie ptactuo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie». Такъ и юноша-воинъ былъ пораженъ лютымъ врагомъ: «zewzniechu mutno zalostiui lesi; wirazi z iunose dusu dusicu; sie uiletie pieknim tahlim hrdlem, z hrdla krasnima rtoma»¹. Въ паралель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «единъ-же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье»². Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 года: въ

¹ Краледв. рцсь. IV, 218-224. VI, 161-164, 229-232. X, 17-20.

² Слово о полку Игор. ib. 180.

ней сказано, что жрецы Поморянъ увѣряли народъ, будто они видятъ, какъ душа честнаго человѣка съ дружиной переходитъ къ другой жизни въ небо¹. У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Ретрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ—говоритъ онъ—имѣетъ девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служитъ для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю боговъ, и это есть знаменіе что Стиксъ пролившись девять разъ, смиряетъ погибшія души язычниковъ»². Понятіе о безсмертіи душъ замѣчено и Длугошемъ, который говоритъ, что язычники Поляки молили Нію, чтобы онъ ихъ отвелъ по смерти въ лучшія мѣста ада³. Есть и другія свидѣтельства, касающіяся какъ увидимъ, самаго состоянія души по смерти тѣла.—Изъ древнихъ обычаевъ Славянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной душѣ, вспомнимъ два:—Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если-бы оставшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни⁴.—Въ числѣ доказательствъ, тутъ приводимыхъ, нельзя забыть и того, что въ народныхъ преданіяхъ Славянъ сохранилось много, вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи душъ и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокаиваетъ тѣнь убиеннаго, объ отдѣленіи души отъ тѣла у зна-

¹ *Мацневскій*, *Pamiętniki Słowian*. SPB. 1839. II. 107.

² *Адамъ Брем.* *Historia Eccles.* IV. 11. 65.

³ *Длугошь*. V, 9.

⁴ *Несторъ*. 6. *Краледвор. рпсъ*. IV, 224. *Маврикій*, *Strategicon*. XI, 5. (*Шафарикъ*, *Slow. Star.* 969). *Левъ Діаконъ*, *Historia*. IX, 6. *Винфридъ Бонифаций* въ письмѣ 72 (*Шафарикъ*, *ib.* 843). *Титмаръ*. VIII, 2. *Альберикъ*, I, подъ г. 751. *Масуди*, *ib.* 314, 317. *Димешки*, *ib.* 353. *Ибнъ-Фоцланъ*. *ib.* 11-21.

харей и вѣдьмъ, о превращеніяхъ, ими на себя принимаемыхъ и т. п.

Съ понятіемъ о безсмертіи души не различно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было замѣчено уже Арабами X вѣка. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войти въ рай¹. Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обречшей себя на смерть. «Вонъ, я вижу—говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти,—я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ всѣ мои умершіе родные; вонъ и мой господинъ,—онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подѣй него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальные обряды: «Мы сожигаемъ—говорилъ этотъ Русскій—нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай². По вѣрованію Славянъ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него, только посредствомъ мужчины; и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его женили—говоритъ Масуди—послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, лишь бы войти въ рай со своими душами³. То-же понятіе о недоступности рая должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаемъ изъ Димешки⁴. Съ вѣрованіемъ въ недоступность рая, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самаго значенія⁵

¹ Масуди. ib. 317.

² Ибнъ-Фоцланъ. 17-21.

³ Масуди. ib. 317.

⁴ Димешки, ib. 353.

⁵ Юнгманъ, Słownik. III. 786. Линде, Słownik języka Pol. III. 16-17. Шимкевичъ, Корнесловъ Рус. языка. СПб. 1843. II. 37.

этого слова, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ рассказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ¹. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и та-же участь,—что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ: такъ послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, клялись, что «да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій», если измѣнятъ слову; такъ Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойскаго, никогда не сдавались непріятелю, но вонзая мечъ подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убитые въ сраженіи, по смерти своей, или по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ². Подобныхъ наказаній на томъ свѣтѣ не могли не бояться Славяне и за многое другое, и кромѣ такихъ наказаній боялись въ будущемъ и другихъ бѣдъ. Они боялись мукъ въ неугасемомъ огнѣ «пекла», вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ³. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане рассказываютъ о провальяхъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло назначаютъ пропасти горы Ситна, и злаго духа называютъ духомъ пропасти, пропастникомъ, пре-

¹ Преданія о раѣ сохранились въ сказкахъ. Смолр. Журн. Минис. Нар. Просв. 1846. № 7: тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ преданій.

² *Несторъ* 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій». *Левъ Діаконъ*. IX, 8.

³ У восточныхъ и сѣверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pieklo, pjekuo); у югозападныхъ—пакао (пако, паку, и т. д.); у Литовцевъ—pekla, у Мадырь—pokol.

надникомъ; о пропастяхъ ада говорятъ и преданія Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ'. . . Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянина язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощенье за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслию о благодти боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ сожженія тѣла и обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, отмѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ-же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ вспоминаетъ Левъ Діаконъ, рассказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженіи, когда грѣхи мертвыхъ очищались смертію живыхъ существъ. То-же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи человѣка огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ сожженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ,

¹ Коларъ, *ib.* I, 18, 429. *Его же*, *Wyklad ku Slawy dceře. Pešt.* 1832. 403. Юнгманъ, *ib.* III. 682. Линде, *ib.* II. 1120-1121. и пр.

Слитно-ли съ понятіемъ о пеклѣ или отдѣльно, Славяне боялись, кажется, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: это вѣрованіе уцѣлѣло еще въ народномъ суевѣріи. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!» или: «сгинь ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те вити душе твоје!» У нихъ же поговорка: «изгнуо као неvjерац!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти злодѣевъ со смертію животныхъ. У всѣхъ-же Славянъ есть заклинанія, что бы Богъ наказалъ неправого смертію: «Богъ меня убей, бій ты сила божа, *niech mie ran bóg zabije, zobu mje boh zabiju, da me bog ubije, pravoга boже*» и пр.; подъ смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежит и свидѣтельство Титмара (I, 7,) что по вѣрованію Славянъ временная смерть можетъ оканчивать все.

столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникомъ не единственнымъ, но могшимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычниковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя и сомнѣваться, что въ нее вѣрили Славяне, и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ тайнъ богослуженія.

Таковы были главные догматы язычества Славянскаго вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самаго богослуженія.—Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилищъ, и въ той мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилища. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: ими надѣялся Славянинъ умилоствитъ боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны, и опираясь на вѣрованіи въ благодѣтельность боговъ вели за собою веселья ширшества.—Въ первой изъ двухъ слѣдующихъ главъ мы разсмотримъ святилища, а въ другой обряды богослуженія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Святилища богослуженія.

I.

Мѣста поклоненія стихійнымъ божествамъ воды и огня.

Отличая въ сонмѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ сознавали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитали, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ идолами, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у иныхъ Славянъ простыя жертвенники, подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ, и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Обозрѣвая святилища Славянскихъ боговъ, прежде всего надобно обратить вниманіе на мѣста поклоненія божествамъ воды и огня.

Воду почитали Славяне стихіей, изъ которой образовался міръ, и земля, по ихъ понятію, вышла изъ моря: это видно изъ пре-

даній, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галицкіе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коли было зъ нащада свѣта, втоді не было неба нѣ земли, неба нѣ земли, лемъ сине море». Замѣчательнѣ припѣвъ къ этой пѣснѣ—«Подуй—же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли!», напоминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа¹. Такъ Хорутане, давая морю имя «света вода», рассказываютъ, что когда земля, по волѣ Божіей, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показалась изъ подъ воды гора Триглавъ, а потому—то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть то-же подобное преданіе, примѣненное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, что всѣ онѣ соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторяется море какъ что-то священное; а ключи и озера, почитаемыя священными, можно найти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чудными, язычески божественными, морянами, водянами, водяными мужами и женами, русалками, дунавками и пр.² Не лзя не считать всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотношеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божій водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава Стѣдливаго и другихъ, въ Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ Чешской лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брѣненскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ

¹ *Бирецкаго*, Собраніе колядокъ. № 1. *К. Сементовскаго*, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіяня. СПб. 1843. 56.

² Срав. *Шафарика* статью въ *Čas. Čes.* 1833. 257 и слѣд.

книгахъ Оомы Штитнаго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д.¹ — Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водъ соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослужебные обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Прокопія: «Славяне — пишетъ онъ — обожаютъ рѣки, нимфѣ и нѣкоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ»². Въ свидѣтельствѣ позднѣйшемъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, вѣроятно о тѣхъ-же Славянахъ, къ которымъ принадлежали описанные Прокопіемъ, находимъ: «Онъ рѣкѣ богыниѣ нарицаеть и звѣрь живущъ въ неѣ тако Бога нарицаа трѣбѣ творить»³. У Болгаръ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычай существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуеть между прочимъ народная пѣсня⁴. У Болгаръ есть также обычай, исполняемый то-же дѣвушками, въ день Ивановъ утромъ до зари, бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сплетенное изъ вѣтвей⁵. О богослуженіи при водахъ у Русскихъ упоминаеть Левъ Діаконъ: воины Святослава — пишетъ онъ — погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ⁶. Несторъ говоритъ, что Русскіе «кладяземъ и езерамъ жертву приношаху», — а Лѣтопись Новгородская, что наши «погани жряху идоломъ въ колодязѣхъ»;

¹ Рус. Правда въ Рус. Достоп. II. 17. Пѣсня о судѣ Любуши въ Denkmäler der Böh. Spr. 41, 63. Козьма Праз. I. 110-111. R'ad země Česke. § 68. въ Archivě Čes. Палацкаго II. 113. Prawo Země Česke §. 150. 155. у Кухарскаго въ Давн. пам. Слов. законод. Варш. 1836. 257. Законникъ Стефана Душана. §. 78. у Кухарскаго. 124, 221. и пр.

² Прокопій III. 14.

³ Переводъ Григорія Наз. ib. 88.

⁴ Хорват. пѣсня, записанная мною на островѣ Вельи: «... Сиди дивче доли, те си винце плјете, један винац сплјела, у морје годила.»...

⁵ Машлатка собственно значитъ: остовъ, скелеть, — старуха костлявая, — яга-баба. Срав. Малор. маслаки — кости животныхъ.

⁶ Левъ Діаконъ. IX, 8.

въ Уставѣ Владимира о судахъ упоминается о молящихся у воды; въ Правилахъ Митрополита Іоанна о «еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодеземъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у простаго народа плесканіемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте собѣ бога . . . ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ» и пр.¹. Въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ читаемъ не только о морскомъ царѣ, какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаѣ приносить Волгѣ и морю хлѣбъ-соль, какъ жертву благодарности². Нѣкоторые изъ раскольниковъ и донинѣ поклоняются водѣ, воображая въ ней видѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чанами, и при поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя деньги какъ жертву. Вообще не истребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ³. Изъ пѣсень и обычаевъ Русскихъ — говоритъ Снегиревъ — видно, что у воды совершались гаданья, какъ на примѣрѣ въ Семикѣ. Въ одной старой пѣснѣ, которую поютъ въ Подольской губерніи подъ Межибожьемъ, замужня жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу, и та отвѣчаетъ имъ какъ оракулъ⁴. Въ Малороссіи, въ день Ивановъ рано утромъ, многіе купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей, а по закатѣ солнца приносятъ къ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ всѣ украшенія, кромѣ вѣнковъ, поютъ тѣ-же пѣсни, какъ и на кануни, и съ крикомъ, бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и марену. Иныя спѣшатъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чтобы унести, домой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней⁵. Съ этимъ

¹ Густин. Лѣт. 234, 237. Лѣт. Новг. 1781. 1. Уставъ Владимира о судахъ въ доп. къ А. Н. 1. *Русскія Достоп.* I, 94, 101. Москвитянинъ на 1844. I 243. *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

² *Древ. Рус. Стихотворенія* М. 1818. 266 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолилъ, его въ Волгу пустилъ: «а спасибо тебѣ, Волга матушка рѣка.» — «Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани-пошланны, и въ то синее море Хвалынское хлѣба съ солью не опускавалъ, — по меня Садка смерть пришла.

³ *Снегиревъ*, Рус. праздники. М. 1839. I. 16.

⁴ *Снегиревъ*, *ib.* I, 136-137. III, 113.

⁵ *Пассекъ*, Очерки Россіи. III. М. 1840. 109.

обрядомъ сходенъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромы». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицынъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и выбравъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать¹. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій: одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошъ, и нѣсколько подобныхъ сохраняется до сихъ поръ въ народѣ; изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресенье сырной недѣли въ Силезіи и Польшѣ бросаютъ въ рѣчки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы². Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ рассказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обиталищѣ духовъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее, и почитаемомъ болѣе церквей. Эббо упоминаетъ о священномъ ручьѣ, обтекавшемъ орѣховое дерево, посвященное какому-то идолу; а Гельмольдъ объ обычаѣ клясться ручьями³. Воднымъ божествамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуетъ ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упоминая о поклоненіи потокамъ, о возліаніи и жертвахъ надъ потоками. Послѣднія совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть сравнены съ Великорусскимъ обрядомъ погребенія костромы и съ русаліями⁴. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодцемъ⁵. У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, есть обычай бросать весною въ потоки яства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ. — Изъ всего

¹ Снегиревъ, ів. III. 134.

² Длугошъ. VII, подъ 1278 г. Снегиревъ, ів. II. 131.

³ Титмаръ. I, 3. VII, 52. Эббо, 98. Гельмольдъ, I, 26.

⁴ Козьма Праж. ів. 10 и 197.

⁵ Касторскій, ів. 150.

этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныя вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенныя дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ: у Карпатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь огонь вмѣстѣ съ царицей водою свѣтъ созидали; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ разсказывается что огонь породилъ и солнце и мѣсяцъ, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ, несовсѣмъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъ же родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ, хоть и не древнѣйшихъ, но конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ источниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфеда и Димешки¹.

¹ Казвини, Бакуви и Абульфеда у Шармуа, ib. 340, 358, 361. Димешки у Френа, ib. 136.

Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магизмомъ; а такъ какъ магизмомъ называли Арабы всякую языческую религію¹, то можно было-бы заключать, что и тутъ магизмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразныя свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрьями и обычаями Славянъ современныхъ. Такъ всѣ Славяне, сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огнянамъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блудячихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь вознѣтаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ зничемъ или взничемъ (отъ «нетити—нитити—вознѣтатъ»)². У всѣхъ-же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ къ обиталицу духовъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычай огневозжиганія въ полѣ—почти вездѣ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ—и съ обычаемъ жертвоприношеній огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычай гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старыя памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычай судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ водою, говорится и о судѣ желѣзомъ³. Къ числу этихъ общеславянскихъ обыкновеній надобно причислить и древній языческой обычай сожженія мертвыхъ, показывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ стихіей очистительной: «мы сожигаемъ

¹ Френъ, ib. 137-138.

² Многіе Славяне называютъ этотъ огонь «живымъ огнемъ.» Срав. Ходковскаго Путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

³ См. стр. 22.

мертвыхъ—говорилъ Русскій Ибнъ-Фоцлану—такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»¹. Кромѣ всего этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго поклоненія огню, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огневи молятся, зовуть его сварожіцем... и огневи молятся подъ ови(о)м.»². О Сварожичѣ, сынѣ Сварога, упомянуто было выше: безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварогова сына, а другаго, —во всякомъ случаѣ сына владыки неба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачъ», намекающее на давнее понятіе объ огнѣ, какъ сынѣ бога. Что-же касается до молитвъ подъ овиномъ, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ³; обычны онѣ и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гумнѣ совершаются даже и нѣкоторые обряды, а въ другихъ празднуютъ и именины овина⁴. Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огонь»⁵. У Поляковъ сохранились слѣды огнепоклоненія въ народныхъ повѣрьяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горящихъ угляхъ, кѣмъ украдено что-нибудь пропавшее: отбирая уголь за углемъ, приговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозреваютъ, и чей уголекъ въ это время покроется пепломъ, тотъ и долженъ быть воромъ⁶. У Лужицкихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гаданьяхъ по пламени, и остатокъ этого гаданья существуетъ до сихъ поръ, когда зимою дѣвицы собираются на пряжу: между другими гаданьями о своей судьбѣ, зажигаетъ каждая за себя

¹ *Ибнъ-Фоцланъ*, ib. 21.

² *Слово Христолюбца*, ib. 228.

³ *Уставъ Владиміра*, ib. I.

⁴ *Снегиревъ*, ib. IV, 83. I, 201.

⁵ *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

⁶ *Антонъ*, Collectanea въ Згорельской Библиотекѣ. III. № 15.

лучинку, и чья скорѣе погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорѣе. О почитаніи огня древними Чехами говорить Козьма Пражскій и Византійское преданіе, записанное Халкондилой¹. Въ народѣ Чешскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ, на пеплѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрекающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огнепоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Богиньскихъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ избѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у роци или у воды, раскладываютъ огонь и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поютъ, припѣваютъ: «sweti se, sweti ogenj, sweti se!». Одна изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняетъ должность главной распорядительницы обряда, называясь дѣвою огня—«wogniena deklisa». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываетъ въ день Зевса и Перуна², и что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и по обрядамъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычаѣ гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадни дан» т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «бадняк»³. Обычай креститься при разложеніи огня указываетъ также, что до принятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ-нибудь молились.—Опускаю нѣкоторые другія свидѣтельства, мнѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того-же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее:—Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились—на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, чело-вѣку неясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годо-

¹ Козьма Праж. 10. Халкондила у Стриттера, Memoriae pop. II. 1062.

² Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thurstay; у Люнебургскихъ Славянъ Parandan-Perendan.

³ В. С. Караджичъ, Српски ријечник. Беч. 1818. 16-17.

вые праздники, каковы Коляда и Купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось двѣамъ.

II.

Святѣища богослуженія горнаго и лѣснаго.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію жертвенниковъ богослуженія горнаго и лѣснаго.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества, и по этому не могли не быть почитаемы какъ священныя мѣста богослуженія. «Не нарицайте собѣ бога ни въ каменіи», говорилъ Кириллъ въ своемъ словѣ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. О бѣломъ горючемъ камнѣ Алатырѣ, подъ которымъ сокрыта сила могучая, ей-же нѣтъ конца, сохранились до сихъ поръ мѣбы въ народѣ Русскомъ¹. Корочуновъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія², подобно Коню камню (на островѣ Коневцѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня³; а въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красивой мечи, вокругъ Коня-камня совершается до сихъ поръ опахиванье во время скотскаго падежа⁴. Въ Поволжскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ часто можно найти дироватый камень, повѣщенный на жерди; его называютъ «куриннымъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой однако сохранилось воспоминаніе о прежнемъ языческомъ поклоненіи камнямъ.⁵ Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на

¹ Слово *Кирилла* въ Москвитянинѣ, 1844. № 1. 243.

² *Сахаровъ*, Сказанія Рус. народа. СПб. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36.

³ *Карамзинъ*, И. Г. Р. IV. пр. 387.

⁴ *Исторія Рос. Іерархіи*. IV. М. 1812. 607.

⁵ *Снегиревъ*, *ib.* 1. 15-16.

⁶ *Касторскій*, *ib.* 135.

Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ рассказываютъ и сказки о духахъ горъ «горыняхъ», столь извѣстныхъ въ сказкахъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья, прислушиваясь къ отголоскамъ. У Балтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; ими клялись, говорятъ Гельмольдъ; у мыса Горенскаго, близъ Руяны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божимъ камнемъ—Buskahm (бужь-камъ), а подлѣ Деммина есть другой священный камень; вѣроятно много подобныхъ встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жили или и донинѣ живутъ Славяне: таковы—Соботка (Zobtenberg), Кёнигсгаинскія горы, Прашицкія, Бѣлбогъ и Чернобогъ ипр. О томъ, что горы и камни обожаемы были древними Чехами, свидѣтельствуетъ Козьма Пражскій². Въ пѣсняхъ Краледворской рукописи упоминается о скалѣ, милой богамъ, на которой совершались жертвоприношенія³. У Словаковъ священными горами до сихъ поръ считаются нѣкоторыя изъ вершинъ Татранскихъ; по ихъ повѣрью, тѣни усопшихъ собираются въ Ивановъ день на Матру молиться духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорутанъ имя священной горы носить Триглавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскихъ хребетъ Велебитскій считается обиталищемъ вилъ, горныхъ русалокъ, которыя, по народному преданію; какъ духи добрые, помогаютъ человѣку, предостерегаютъ его отъ опасностей, даютъ ему знать о нихъ своимъ голосомъ, предсказываютъ ему будущее, и требуютъ отъ него жертвъ⁴. У Хорватовъ есть обычай оставлять для нихъ на камняхъ плоды и ленты, обычай превратившійся въ дѣвичью игру, но оставшійся, конечно, отъ временъ языческихъ,

¹ Гельмольдъ. I. 83. Бартольдъ, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. 559.

² Козьма Пражскій, ib. 197.

³ Краледвор. пснь. IV, 143-145. Срав. Стредовскаго, Sacra Morav. hist. 42.

⁴ В. С. Караджичъ, ib. 69—70. Его-же Српске пјесме. Беч. 1841. I. 149 и слѣд.

когда имѣлъ религіозное значеніе. У нихъ есть и пословица:— «узми, вило, ча је теби мило!», употребляемая, когда говорится о вынужденномъ подаркѣ. — Хотя всего этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горнымъ; но и изъ этого видно, что божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и что вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карнатахъ, Судетахъ, Исполнахъ и пр.

ЛѢСА, РОЩИ И ДЕРЕВЬЯ были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ шитали Славяне, и сохранили отчасти доннынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Приходя на островъ св. Георгія— говоритъ онъ— Русскіе совершали жертвоприношенія подъ большимъ дубомъ¹. Въ Уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ, «кто молится въ рощенья»², а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи «дуплинамъ древянымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе»³. Этотъ послѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, называя это приношеніями русалкамъ⁴. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи— о служеніи около куста⁵. И хотя уже Кириллъ Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекутся богомъни древеса»⁶; однако не только Духовный Регламентъ запре-

¹ Константинъ Порфир. De Administrando imperii. 9.

² Уставъ Владиміра, ib. 1.

³ Карамзинъ, И. Г. Р. I. пр 216.

⁴ Касторскій, ib. 134.

⁵ Ипатьев. Лѣт. ib 184, 234, 257.

⁶ Калайдовича, Памятники XII в. 19.

цагъ «передъ дубомъ молитвы пѣть, но и до сихъ поръ народъ Русскій рассказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, и даже кос—какіе обычан, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи.¹ Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «силѣ видимой невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ—то священномъ ипр.² Семицкая пѣсня: «подъ липою столъ стоитъ», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой—то жертвенный обрядъ³. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное ауканье, какъ въ голосъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поводжскихъ есть обычай у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Поляки также чтили деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близъ Штетина; а Сефридъ—о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который почитался жилищемъ, какого—то бога⁴. Народъ считаетъ до сихъ поръ нѣкоторыя роцци священными, и запечатлѣлъ прежне уваженіе къ нимъ въ самыхъ названіяхъ: нѣкоторыя называются по прежнему обычаю «божницами»⁵. О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много современныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Ретрскій, священнымъ и обожаемымъ былъ и Святый боръ (Zuitibor)⁶. Болѣе подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говоритъ о почитаніи лѣсовъ и роцъ, какъ святилицъ, и о запре-

¹ *Снегирева*, ib. I, 39. II, 6.

² *Сахарова*, ib. Заговоры №№ 11, 19, 25, 28, 29.

³ *Снегиревъ*, ib. III, 112.

⁴ *Эббо*. 98. *Сефридъ*. 106, 169.

⁵ *Голембѣвскій*, Lud polski. Warsz. 1830. 278—279. *Ходаковскаго* Донесеніе въ Истор. Сбор. VII. 116: Гай боръ. *Фабрицій*, Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen. Stralsund. II. 1843. 68. № 132: «due arbores que Hagebokin dicuntur.»

⁶ *Титмаръ*. VI, 26, VII, 17.

щеніи клясться деревьями¹; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священныхъ рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали—рассказываетъ онъ—въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и священные дубы, которые были посвящены богу того края, Проне. Они окружены были дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были всѣ мѣстечки, это мѣсто было святиищемъ для всего края, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника, сходился народъ на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ принести жертвы или кто, угрожаемый опасностію смерти, искалъ тутъ убѣжища. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ насъ увѣщевать приступить къ разрушенію святилища, и самъ соскочивъ съ коня, низринулъ большіе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священныхъ деревъ въ костеръ, и зажгли². Арнольдъ Любекскій упоминаетъ о рощахъ Годерака, а Марескалкъ Турій о рощахъ Живы³. До сихъ поръ въ Германіи, гдѣ прежде жили Славяне, нѣкоторыя рощи и боры называются святими⁴. О нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ рассказываетъ какъ о мѣстахъ сборища духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Лужицахъ Саксонскихъ говорятъ, что въ такихъ «святыхъ гаяхъ» являются тѣни стародавнихъ князей, и молятся тамъ неизвѣстному богу, принося жертвы. О существованіи лѣснаго богослуженія у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Пражскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ раска-

¹ Гельмольдъ. I, 52, 83.

² Гельмольдъ. I, 83.

³ Арнольдъ Любек. Chronicon Slavorum, IV, 24, (Сравн. *Лива*, Jahrbücher des Vereins für Meklenb. Gesch. VI. Schwerin. 1841. 70). Марескалкъ Турій. Annales Herulorum. I, 4.

⁴ На пр. Heiligenhai или Swent. Schwarz, Einleitung zur Geschichte Nord. Deutsch. Slav. 204.

зываетъ, что вторая изъ трехъ дочерей Крока, Тэтка, научила народъ обожать дриадъ, и что въ его время еще было въ простомъ народѣ религиозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Князь Брѣтиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которыя были еще почитаемы простымъ народомъ во многихъ мѣстахъ¹. Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честмиръ, посланный Княземъ Некланомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «pode wsie druha wzlozie obieti bohom». Въ другой пѣснѣ «о великомъ поражени», тамъ-же, Забой, жалуюсь на иновѣрцевъ, угнѣтавшихъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «posiekachu wsie druha i rozhrusichu wsie bohi»². У Славяковъ есть много воспоминаній о священныхъ рощахъ. Кромѣ суевѣрныхъ рассказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычай, довольно распространенный, содержать полѣ селеній заповѣдныя «гаи», большею частію на возвышенныхъ мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа» который шопотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ поражени», какъ собираются судить и рядить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса, въ такую чащу, куда-бы не могъ дойти лучъ солнца³. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще занято повѣрьями объ обитательницахъ лѣсовъ, вилахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чащѣ, и пр. У Хорутанъ не лѣзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у липы, которою украшается середина главной сельской площади. Уваженіе къ липамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ⁴. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычники Славяне

¹ Козьма Пращ. 10, 197.

² Краледвор. рпсь. IV, 22—23. VI, 50—51.

³ Краледвор. рпсь. VI, 15—19.

⁴ Коларъ, Zpiewanky. I. 429—431.

хоронить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Оттонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ Князь ихъ Брѣтиславъ'. — Изъ всего, что сказано выше о лѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можемъ вывести слѣдующее:—Служеніе богамъ совершалось—или подѣ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви,—или около куста,—или—же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

ГОРОДИЩА.

Не лзя не согласиться, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ.—Городища, какъ памятники язычества, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогѣ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною сдѣланныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковского². Городищемъ³ называется старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильною дугою или угловато въ цѣльнй кругъ или полукружіе, и иногда обведенная кругомъ—ли или съ какой—нибудь стороны

¹ Андрей, V. От. II, 82. *Козьма Праз.* 112.

² Ходаковского, Планъ Путешествія по Россіи, въ Сынѣ Отеч. за 1820. N. 33—40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникѣ Евр. 1820. N. 17—18. *Его-же*, о *Słowianszczyźnie przed Chrzescianstwem*. Krakow. 1835. *Его-же*, Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникѣ. I. М. 1837, кн. 3.

³ Рус: городище, городиско; Поль. grodzisko; Луж: *rodzišće*; Чеш: hradiště.

не ровнѣмъ, а другою подобною насыпью или даже многими. Изъ городищъ одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ которыхъ валъ образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на внѣшнюю сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валъ всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; иныя-же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ угловатыхъ валъ образованъ по четвероугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бывають также со входами и безъ входовъ. Отъ городищъ полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода,—и валъ у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покоемъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половиной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насыпи кругомъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва-ли можетъ быть подведено подъ какія-нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую-нибудь особенность, которой не имѣетъ никакое другое, и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что-нибудь значили, насыпались не случайно, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлить на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлить главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валъ—то съ задней стороны, то почти кругомъ; иногда-же, получая самыя разнообразныя формы, примыкають болѣе всего ко входу городища. Городище имѣетъ свой тылъ

¹ Примеры городищъ разныхъ формъ можно найти у *Ходаковского* (Истор. Сист.), *Калайдовича* (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ М. 1824), *Ваг-*

или заднюю сторону тамъ, гдѣ валъ поднимается выше, и свою переднюю сторону или лице тамъ, гдѣ валъ ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковскій считалъ лице или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устройства городища¹; есть однако много городищъ, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку не лѣзя не замѣтить, что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. Притомъ-же, лице и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лице въ отношеніи къ тылу находится съ боку.—Ни одно изъ городищъ не сохранилось, быть можетъ, вполне въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одни осѣли, другія разрыты водою или людьми, и всѣ такимъ образомъ могли потерять хоть что-нибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, не лѣзя не обращать вниманія и на величину городищъ, т. е. на длину вала по его вѣнцу, на толщину и вышину его, наконецъ на обширность завалы или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣнцу вала. Высота вала не соразмѣряется съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже,—можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толстоты вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышиною, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90–110°. Во внутреннемъ пространствѣ городища имѣеть поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не

нера (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elbufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland Leipz. 1833), *Прейскера* (Blicke in die vaterländ. Vorzeit Leipz. 1841—1843. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

¹ Ходаковскій, Истор. Система. II, 27, 93.

болѣе 10.—Такъ разнообразны городища, встрѣчаемыя въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ впрочемъ Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковскій и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря¹. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западѣ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шумавы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балтійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва-ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгарь, Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Моравиѣ, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва-ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, по сѣверному склону Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполиновыхъ горъ, городища не большая рѣдкость, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы, — и на сѣверъ доходятъ они до широты Берлина и Варшавы, такъ что за 53° не попадаютъ уже, кажется, нигдѣ. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище². Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковскій, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что не лзя видѣть двухъ-трехъ на одной верстѣ³. Факты противурѣчаютъ этой догадкѣ: въ Лужицахъ, на примѣръ, чѣмъ глубже идти

¹ Ходаковскій, Плавъ путешествія. Сынъ От. N. 33. 296.

² Ravensbug. *Bartsch*, Jahresbericht d. Vereins für Meklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110—117.

³ Ходаковскій, Истор. Сист. 11—12.

на югъ въ горы, и чѣмъ ближе подходитъ къ такъ называемому Болоту (Bloto, Spreewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторыя порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройти большое пространство, напримѣръ въ Степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ и на востокъ, и на западъ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Шпревѣ и ея притокахъ одно отъ другаго отстоитъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ. — Ходаковскій былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ водою, съ себя и на себя давая открытій, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды. Это мнѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищъ, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниной, болотами, лугами, холмами, и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южнорусскихъ—на совершенно ровныхъ мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текучей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащей. Вообще мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытыхъ, могли быть всегда видны хоть съ какойнибудь стороны;—и таковы степныя не только видныя но и приступныя; таковы же и пагорныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой кручею ската, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими вмѣстѣ.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять внѣшній видъ и положеніе городищъ; остается слѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами

• Ходаковскій, ib. 11.

богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказывалъ уже Ходаковскій, еще не обращая вниманія на то, что можно въ нихъ найти, разрывая почву, ихъ покрывающую¹. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительнѣе. Въ городищахъ, при разрытїи оконечностей вала и внутренняго пространства завалы, находимы были: а) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалы; б) въ углѣ и золѣ недогорѣвшія головни, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; в) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завалы — ножи, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., д) каменныя основанія костра и между камнями недогорѣвшіе бруссы². Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что слѣдовательно это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, носившихъ на себѣ тотъ-же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Не лзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убѣжищъ, какими были и священныя рощи и храмовыя города, во время мира совершенно пустынные³; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе-бы не то можно было находить въ нихъ. Притомъ-же, нѣкоторыя изъ городищъ такъ малы, что ихъ какъ военныя укрѣпленія упогреблять было-бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь-же обще извѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ-бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ не лзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактическаго. Наконецъ, и въ народѣ хоть они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священнѣйшій характеръ, пробуждая собою религіозный страхъ или приковывая къ себѣ какія-нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужбное значеніе городищъ видно изо всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что

¹ Ходаковскій, ib. 53 и слѣд.

² Смотри. вышеознач. статьи *Прейскера* и *Вагнера*.

³ *Гельмальдъ*. I, 83. Сравни ниже о храмовыхъ городахъ.

нѣтъ пока возможности дознаться не по однимъ догадкамъ, какого именно рода богослуженію посвящены были они, какіе обряды были въ нихъ совершаемы, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

ХРАМЫ: ИХЪ УСТРОЙСТВО И ПОЛОЖЕНІЕ, ХРАМОВЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ БОГОВЪ, БОГАТСТВА ХРАМОВЪ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно—по своей архитектурѣ,—по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ,—по отверстіямъ въ кровлѣ,—по настройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца,—по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся,—по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоценными камнями прежде, чѣмъ они случились,—по звукамъ, раздающимся сверху зданія,—наконецъ по тому, что бываетъ съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца. . . тамъ-же есть странныя изображенія различныхъ Абиссинянъ и Эфіопянъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ: оно построено было изъ краснаго коралла¹ и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой куполь, подъ которымъ стоитъ идолъ. . . а противъ него другой изображающій дѣву.

¹ По другому списку: «изъ мрамора».

Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними»¹. Не лѣзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но не лѣзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: какимъ Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ предѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣденій, какъ нѣтъ свѣденій и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было-бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. — О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ впрочемъ только краткія напоминанія. О третицахъ помпиааетъ Новгородская лѣтопись; о капищахъ — Митрополитъ Иларіонъ въ «Словѣ о Законѣ Моисеомъ даннѣемъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей — Кіевскій Патерикъ²; и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвесонѣ: Олавъ — сказано тамъ — ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы³. — О храмахъ Польскихъ Славянъ есть извѣстія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи поминаютъ

¹ Масуди, ib. 319—321, 340, 358.

² *Новгор. Лѣт.* въ Продолж. Рос. Вивліюе. II. 111. Творенія Св. Отцевъ. М. 1844. II. 204. *Карамзина*. И. Г. Р. I. пр. 225. *Трѣбище* — храмъ, жертвенникъ (Иерем. VIII, 31: создана трѣбище — Vulgat: excelsa. — Павла Посл. I къ Коринѣ. VIII, 10: въ третици возлежаща — Vulgat: in idolio). *Трѣбити-терebить* — щипать, выщипывать, вырѣзывать, вычищать; *трѣба* — нужда, обрядъ. — *Капище* — идолъ, — жертвенникъ. (Исходъ. XXIII, 24: сокрушиши капища — Vulgat: statuas. Дѣян. Апост. XVII, 23: обрѣтохъ капище — Vulgat: agam. Срав. *Карамзина*, И. Г. Р. I. пр. 458. *Капище*, по Добровскому (Грамм. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ кап-ати: не правильнѣе-ли отъ коп-отъ (срав. Греч. *καπνος*).

³ *Сага объ Олавѣ Тригвесонѣ*. Руск. Истор. Сбор. IV. 46—47. стр. 96—97.

Длугошь и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живцѣ—хроника Прокоша, о храмахъ земли Колобрежской — хроника Титмара¹. Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ о храмахъ Штетинскихъ. «Были въ Штетинѣ—пишетъ Сефридъ—четыре «контины» (continae, concivæ), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была вышуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились разныя драгоценныя вещи, оружія и пр. Въ ней-же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ. . . Три другія континны были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, сюда сходились въ извѣстные дни и часы шировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ»². Изъ Эббона можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штетинскихъ, самой высокой³. — Всего болѣе извѣстны храмы Балтійскихъ Славянъ. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей—говоритъ онъ—есть городъ, по имени Ридегость, трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ

¹ Длугошь. V, 9. Прокошь, 113. Титмаръ. VIII. 52.

² Сефридъ. 105. Онъ объясняетъ слово континна отъ Лат. continere: puto ab eo quod est continere continas esse vocatas. Иные производили это слово отъ Гонтъ—Schindel (Карамзинъ. И. Г. Р. I. 68. Бартольдъ, ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ конъ-конецъ, думали, что онъ стояли на концахъ города, или-же съ конъ-законъ, воображали, что онъ были мѣстами храненія законовъ (Wiener Jahrbücher. XXVII 90. Раковецкій, Prawda Ruska. Warsz. 1822. I. 113—114). По моему мнѣнію, contina-concina то-же,—что Старослав. кѣтина—Поль: kącina: корень—кѣтъ (кутъ, уголь); отъ него Старослав. кѣща, Срб. куѣа, хрт: коча (домъ),—срав. Нѣм. katschen. Такъ и храмина отъ храмъ-хоромъ (домъ, кѣтъ).

³ Эббо. 64. 97.

лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третья, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ нѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извиѣ украшены чудесной рѣзьбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри-же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцыри; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ. . . Въ храмѣ хранятся священныя знамена. . . Сколько краевъ (regiones) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомнутаго городъ повелѣваетъ всѣми ими»¹. Тотъ-же самый храмъ, но позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—столица идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Редигастъ (Радигастъ, Радагастъ). Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту, но по нему идти позволено только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это въ знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. Отъ Гамбурга до Ретры четыре дни пути»². О храмѣ Ретрскомъ поминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту—очень славнымъ³. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирципановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Руянгъ, замѣчая знаменитость его и богатство⁴. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской Исторіи Саксона грамматика:—«Городъ Аркона—пишетъ онъ—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной за-

¹ *Титмаръ*. VI, 17—18. Прибавка выраженія: quæ nulli facile patet o восточ. входъ сдѣлана по Брюссельскому списку, слѣдую мнѣнію *Гизебрехта*, *Wend. Geschichten*. Berl. 1843. I. 69.

² *Адамъ Брем.* II. 65. *Гельмольдъ*. I, 2.

³ *Гельмольдъ*. I, 21.

⁴ *Гельмольдъ*. I, 36, 38, 52, 71, 83. II, 12.

щитой—утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый впрочемъ не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнуть кумиръ. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей; внутренняя—изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовид), а подлѣ него были узла, сѣдло, мечъ и пр.... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядвей, то упалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно было ее вырубивать, чтобы вытащить его изъ храма... Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже истлѣвшею; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ... Тому-же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ¹. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Рујевита, на томъ-же островѣ Руянъ:—«Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, онъ былъ полонъ жилищъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ не упалъ—бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не

¹ Саксо грам. 822, 823, 826, 837.

имѣя стѣнгъ, завѣщена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однихъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова, то лубовый идолъ Рујевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ»¹. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокѣ². О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо³. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамберскаго. Такъ Сефридъ рассказываетъ, что въ Гуцковѣ, у Цирципановъ, былъ храмъ удивительной величины и красоты; такъ Эббо говоритъ о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ и Юлинѣ, а Андрей—о храмахъ Юлинскомъ и Гавельбергскомъ⁴. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Браниборѣ намекаетъ Пулкава⁵ и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительно извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры.—Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части—переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю—иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Рујевитова храма какъ особенность, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлично отъ храма Святовидова, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣнія, потому что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если-же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было, конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Арконскомъ храмѣ Святовидова: идолъ перерубленный по лядвеямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ немъ самомъ вышины отъ головы до середины лядвей. И хотъ идолъ

¹ Саксо грам. 841—842.

² Саксо грам. 842—843, 763.

³ Хронографъ Саксо подъ 1148.

⁴ Сефридъ. 136. Эббо. 37. 73. 80. Андрей. II, 15. III, 181.

⁵ Пулкава, Chronicon подъ 1156. Добнеръ, Monumenta Bohem. III. 167.

былъ выше человѣческаго росту, положимъ такъ-же высокъ, какъ и идолъ Рујевита, т. е. до пяти аршинъ¹, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую упалъ, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все-же не лѣзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстояніи были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксо грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ. Притомъ и самъ Саксо, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣну, а на ближнюю стѣну (*propinquo parieti supra incidit*), тѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли². Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а во кругъ него расположены были другіе идолы и священныя вещи. — Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно гораздо пространнѣе. Стѣны, ее окружавшія, были украшены рѣзными изображеніями священныхъ предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровыми тканями, — и рѣзба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на вѣншей, рѣзба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающеюся изъ стѣнъ, вшуклою (*sculpturas de parietibus prominentes*). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными мѣрами. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на вѣншей сторонѣ стѣнъ храма Ретрекаго; легко впрочемъ можетъ быть, что подъ выраженіемъ «руко-творные боги (*dii manufacti*)», надобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Не все храмы были окружены прочными стѣнами: нѣкоторые, подобно Рујевитову въ Коренищѣ, состояли изъ однихъ колоннъ, и завѣшиваемы были тканями снаружи, такъ-же какъ внутри ими завѣшивалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ вѣншей

¹ Саксо грам. 823. Смотр. ниже объ идолахъ.

² Подъ словами: *aureae et purpureae* Саксо г. понималъ одно и то-же. Саксо грам. 837. 838.

части храма поднималась кровля, которая также бывала раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся внѣшность храма представлялась пестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, что-бы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на сколько-нибудь поднималась надъ серединой храма, то надобно думать, что поперечныя балки шли отъ внѣшнихъ стѣнъ или колоннъ только до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю, — и, легко можетъ быть, оканчивался иногда чѣмъ-нибудь въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, имъ описанныхъ, подъ которымъ стоялъ идолъ, и объ отверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о настройкахъ въ немъ сдѣланныхъ для наблюденій восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священные звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовать въ Силезскомъ городѣ Любусѣ (Leubus) храмъ, относимый знатоками къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помѣщались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола'. Съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о вѣшинѣ храмовъ. Они не могли впрочемъ быть слишкомъ низки: иначе-бы, конечно, не могли казаться вслѣдствіемъ, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низость была-бы кѣмъ-нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршинъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Рујевитовомъ храмѣ: когда его разрушали

¹ *Бюшингъ, Wöchentl. Nachrichten. III. 198 и слѣд.*

то стояло только сорвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобы идолъ сдѣлался виденъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая-же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галлерей для тѣхъ, кто наблюдалъ небесныя явленія или производилъ священныя звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, не лзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собою разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гупковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокимъ долженъ былъ быть и храмъ Юлинскій, потому что въ немъ хранилось копье на вершинѣ столба удивительной вышины (*mirae magnitudinis*)¹.—Храмы строились большею частію изъ дерева: такъ изъ дерева былъ построенъ и храмъ Ретрскій, и храмъ Арконскій, и другіе. Это очень естественно; потому что всѣ Славяне издавна были мастера къ постройкамъ деревяннымъ, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и ранѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что всѣ Славянскіе храмы были деревянные. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи сносили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ искать на Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ развалинъ, которыя-бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнн храмовъ. Между Арабами также носились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ют-

¹ Эббо. 37. Андрей. II, 15. III, 9. Гизебрехтъ, ib. II, 281.

робогъ былъ еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческой, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ солнечнаго восхода¹. Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ². Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ³. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобныя остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германцевъ; но ни мѣстности, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свѣденія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія⁴. Не лзя тутъ опустить изъ виду и развалины древнихъ замковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчаемъ въ Рудныхъ горахъ, Исполинахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ Придунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. И если строились въ то время каменные замки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ язычниковъ Славянъ есть и свидѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр.⁵. Не смотря однако на все это, не лзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самыя богатые храмы были строимы изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе. — Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, па которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, не лзя забыть того, что храмъ Ретрскій, по словамъ Титмара,

¹ *Діаконъ Ганнеманъ у Вагнера, Die Tempel etc. 63—64.*

² *Бюшингъ, ib. 200.*

³ *Клеммъ, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. 342.*

⁴ *Гриммъ, Deut. Myth. 57—77.*

⁵ *Эббо. 63. Несторъ. 23.*

воздвигнутъ былъ на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣльваемы были въ священныя чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго; рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Святoviда, какъ рассказываетъ Саксо грамматикъ¹; рогъ употребляется до сихъ поръ для гаданій Лужицкими Сербами и Хорутанами; рога находятъ въ городищахъ: все это вмѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религиозно-символическое, и только какъ символъ клались въ основаніе храма, а не какъ дѣйствительный фундаментъ, который былъ-бы слишкомъ непроченъ. — Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Святovidовъ, съ запада были два входа въ храмъ Ретрскій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, ведшій къ морю, никому не былъ доступенъ. Востокъ считался не одними Славянами страной къ которой долженъ обращаться человекъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой, которая, такъ-же какъ и храмъ, была украшаема рѣзными раскрашенными изображеніями. Было-ли что въ дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ впрочемъ предполагать, что было. Такъ думать заставляетъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли своихъ священныхъ копей, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гаданія конями. Кромѣ того, храмы бывали богаты разными драгоценностями, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя накопляясь не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось пиршество, которое не могло всегда и для всѣхъ совершаться подъ открытымъ небомъ: для того и для другаго должны были быть при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и были при Штетинской континѣ Триглава три меньшія континны: полагаю, что онѣ всѣ были на одномъ

¹ Эббо. 105. Саксо грам. 823.

дворѣ. Притомъ-же, многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ храма—и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предположить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣскольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Коренищѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго'.— Не лзя опустить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній—и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Ретрскаго у Титмара, и храмовъ Руянскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бывали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападений, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрестные жители находили убѣжище, строя въ нихъ для себя временныя жилья, какъ знаемъ о Коренищѣ. Не мудрено, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священномъ, ненарушаемомъ убѣжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подъ защиту бога, въ немъ поклоняемаго².

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и внѣ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ пѣснѣ «о великомъ поражении» въ Краледворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подъ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фоцлана, что Русскіе кущы въ Итилѣ поклонялись идоламъ подъ открытымъ небомъ³. Тѣмъ не менѣе, идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать безъ разнаго рода изображеній божествъ⁴. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ, и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ.— Они были не только изваянныя, но

¹ Саксо грам. 843.

² Гельмольдъ. I, 83.

³ Несторъ. 23, 34. Краледв. рпсь. VI, 42—45. Ибнъ-Фоцланъ. 7—9.

⁴ Титмаръ. VI, 18. Гельмольдъ. I. 83.

и рисованныя. Объ изображеніяхъ божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами¹. У Яровита были свои знамена, какъ вспоминаетъ Эббо². Имѣли ихъ и Святовидъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица³. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отлично по величинѣ и по цвѣту, и почитаемо народомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Нося его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское, и все считали себѣ дозволеннымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ пенатовъ Руянскихъ разрушать и сжигать, — и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти Княжеской»⁴. Изъ того, что изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія и на деревѣ; притомъ-же, какъ были раскрашиваемы изображенія рѣзные, такъ могли быть раскрашенные изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Отгона Бамберскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на внѣшней сторонѣ стѣны храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на внѣшней и внутренней сторонѣ стѣны храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дышавшими

¹ Титмаръ. VI, 17. VII, 47.

² Эббо. 71.

³ Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангица», производя отъ стлгъ (ср. Нѣм. Stange); читая «станица» можно его слѣдить съ Срб. «застава».

⁴ Саксо грам. 830—831.

и живыми'. О такого-же рода изображеніяхъ говорятъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвою черныя вѣроны и другія подобныя птицы; тамъ-же были и странныя изображенія Абиссиплянъ и Эфіоплянъ»¹. Безъ сомнѣнія, всѣ такія изображенія имѣли отношеніе къ мнѳологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежатъ Масуди. «Въ храмѣ, стоявшемъ на Черной горѣ есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ палицу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ-же надъ морскимъ заливомъ есть большой куполъ и подъ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ — зеленаго хризолита, краснаго рубина, желтаго сердолика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червонаго зѣлота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву»². Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фоцланъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицомъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканъ»³. Столь-же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И пачаше княжити Володимерь въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусъ златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь... И пришедъ Добрыня Новугороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»⁴. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католиковъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру,

¹ *Титмаръ*. VI, 17. *Саксо грам.* 822. *Сегфридъ*. 105—106.

² *Масуди*. 320.

³ *Масуди*. 320—321.

⁴ *Ибнъ-Фоцланъ*. 9.

⁵ *Несторъ*. 23, 34.

онъ заставляеть ихъ сказать, — что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а божи ваши древо суть». Тѣ-же слова говоритъ у Нестора и Варягъ, котораго сынъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «не суть бо божи, но древо»¹. Потомъ Несторъ рассказываетъ, что Владиміръ, принявши крещеніе и возвратясь въ Кіевъ, «повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣщи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневы ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручаи, Ві мужа пристави тети жезлемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ челоувѣкы, да възмездье приметъ отъ челоувѣкъ... И привлекше вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣвайте иего отъ берега, дондеже порогы проидеть, то тогда охабитесь иего... И постави (Володимеръ) церковь св. Василья на холмѣ идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии»². О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ извѣстіе лѣтописи Новгородская:—«Прииде къ Новгороду Акимъ Архіепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужи волочаху по калу, бьюще жезлемъ, и заповѣда никомужъ нигдѣ же не пріяти. И се иде Пидиблянинъ рано на рѣку, хотя горницы везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ»³. О разрушеніи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Аврааміемъ упоминаето въ Прологѣ⁴.—Идоламъ поклонялись и Поляки: Длугошь упоминаеть о святилищѣ идолослуженія въ Гнѣзнѣ и объ идолахъ Дѣваны, а Бѣльскій—объ идолослуженіи въ храмѣ Краковскомъ⁵; изъ Титмара знаемъ объ идолослуженіи въ Коло-

¹ Несторъ. 35—36.

² Несторъ. 50.

³ Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вѣв. II. 110—111.

⁴ Карамзинъ, И. Г. Р. пр. 291. О словѣ кумиръ см. Добровскаго Грам. Слав. I. 269—271. *Копитара*, Glagolita Clozian. Vindob. 1836. 75. (Срав. хрт. kupa—пьяница, отъ пьянства покраснѣвшій). *Истуканъ* отъ *истукаю*—выливаю: *Панва Берында*, Лехіконъ. 1627 чд.

⁵ Длугошь. V, 9. Бѣльскій, *Kronika Pol. Walsz.* 1829. I. 120.

брегѣ', а изъ жизнеописаній св. Оттона Бамберскаго о Штетинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и адомъ; а глаза его и губы покрыты были повязкою въ знакъ того, что онъ не имѣлъ понятія о грѣхѣ. Одинъ изъ идоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребренны, а повязка золотая и пр.³—Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козлиныя³. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣденій; у Козьмы Пращадо есть только общій намекъ о существованіи идоловъ⁴.—Самыя любопытныя извѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Видукинцъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, вылитомъ изъ мѣди⁵. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Редигостскаго—говоритъ Титмаръ—стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ нарѣзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичъ». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его сдѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани⁶. Хронографъ Саксо упоминаетъ объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава о треглавоиъ идолѣ Браниборскомъ; Гербертъ о множествѣ идоловъ Браниборскихъ; Эббо о Яровитѣ Гавельберскомъ, давая мимоходомъ намекъ, что идолъ этотъ имѣлъ свои собственныя одежды; Андрей объ огром-

¹ Титмаръ. VII, 52. Польское названіе идола *bałwan* (слово, впрочемъ, извѣстное почти всемъ Славянамъ) сравнено Шафарикомъ съ Келт. словомъ *peulwan* *Slow. Staroz.* 324. Сравни. Лит. *balwonas* и Мадьяр. *balvany*.

² *Сефридъ*. 106. Эббо. 64. *Анонимъ Сантакруц.* II. 12.

³ *Вацерадъ*, ib. 227.

⁴ *Козьма Праж.* 10. Чешское названіе идола *modla* Юнгманъ производитъ отъ *modella* (*Slownik.* II. 481). Чешское Слово *malik* (мизинецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола *manleika* (*Ahd: manalihho*): каждому Славянину очевидно неправильность сравненія; впрочемъ Хорут. слово *malik* (чертъ) идетъ въ сравненіе. *Гриммъ*, *Deut. Myth.* 93.

⁵ *Видукинцъ*. III. 68.

⁶ *Титмаръ*. VI, 17. *Адамъ Брем.* IV, 47.

ныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гудковскаго; Гельмольдъ объ идолахъ Радагаста, Святовида, Подаги и пр., замѣчая притомъ, что идолами и пенатами были полны всѣ города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ объ идолѣ Ростокскомъ и объ идолахъ Руянскихъ¹. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идолѣ Святовида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, истуканъ, съ четырьмя головами на столькихъ-же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налѣво; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руянъ. Въ правой рукѣ идолъ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, который ежегодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнями, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подѣ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узда и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе-же всего наблюдателя изумлялъ огромной величины мечъ, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою². Изъ идоловъ Кореницкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идолъ Рујевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подѣ однимъ черепомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь-же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, вынутый изъ ноженъ, идолъ дер-

¹ *Хронографъ Саксо* подѣ 1148 г. *Пулкава* подѣ 1156. Грамота Герберта у *Геркена*, Codex dipl. Brand. V. 1114. стр. 342. *Гельмольдъ*. I, 2, 6, 21, 23, 36, 71, 83. II, 12 *Саксо грам.* 763. *Эббо*. 179.

² *Саксо грам.* 823—824.

жалъ наголо въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человѣческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсалонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ»¹ — слѣдовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, но безъ оружія; идолъ Поренута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка². Книтлинга-сага, давая Кореницкимъ идоламъ названія Риввита, Турупиды и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руюнскихъ идолахъ Пизамара и Черноглава, и называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говоритъ, что онъ изображался съ серебряными усами³. — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ; потому что идоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, и описаній идоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находимъ у Ботона, въ *chronica picturata*, нельзя не считать бессмысленной поддѣлкой⁴. — Припоминая сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими⁵. Они были разной величины, и небольшие и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; иные-же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра,

¹ Саксо грам. 842.

² Саксо грам. 843.

³ Книтлинга-Сага. 122. стр. 350.

⁴ См. о нихъ А. Г. Маши, *Die gottesdienst. Alterthümer der Obotriten*. Berl. 1771. *Beiträge. Schwerin. 1774. Помоцкаго, Voyage dans la Basse-Saxe. 1794. Лезецова, Ueber die Aechtheit der sogenan. Runendenkmäler. Berl. 1835. Булгарина, Россія. СПб. 1837. Исторія I, 225 и слѣд. Выписки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у Нарушевича (Hist. Pol. nar. I. Warsz. 1824. 313—496, гдѣ помѣщенъ Словарь мифологій Слав.) и Гануша (*Die Wissenschaft des Slaw. Mythus. Wien. 1842*), которые безъ всякой критики пользовались всѣмъ, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и Ингемана *Grundtræk til en nordslavisk Gudelære* (Нѣм. переводъ въ *Neue Provincialblätter IV. 119 и слѣд.*), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.*

⁵ *Гельмольдъ. I, 52.... penates, quibus agri et oppida redundabant*. Не позволю себѣ ринуть, что тутъ должно понимать подъ пенатами.

золота, а если вбрызнуть преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней;—и сдѣланы были съ искусствомъ, могшимъ изумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идоловъ имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами, или съ нѣсколькими лицами; но, кажется, всѣ имѣли типъ человѣческой. Они рисовались въ одеждѣ, частію рѣзной изъ дерева или литой изъ металла, частію спитой изъ тканей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ нихъ. Идоламъ придавали болѣею частію стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдалища или ложа.—Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ:—«Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перунѣ бѣсъ, и начатъ кричати: охъ мнѣ, охъ! и плыва внизъ вверже палицу на мостъ: еще кто не крещеніи поминайте и бойтеся безумніи человѣци, на мосту семъ»¹. Такъ и Саксо грамматикъ, рассказывая о разрушеніи святилища Святovidова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ упалъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образѣ чернаго звѣря².

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Всѣ эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по извѣстнымъ, всѣ онѣ носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воинственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторыя изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управлявшаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрскомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцыри и шлемы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный, и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца,

¹ Лѣтописецъ. М. 1781. 34.

² Саксо грам. 838. Срав. Андрел III, 9.

хранящееся въ Монбижу, въ Берлинѣ, имѣеть то-же видъ щита¹. Геннилю принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащую желѣзный обручъ; Перунъ имѣлъ свою палицу². Идолъ Рујевица вооруженъ былъ восемью мечами; между принадлежностями Святовида былъ также мечъ. При гадашяхъ, какъ увидимъ ниже, употреблялись кошья; въ Юлинѣ какъ святость хранилось коше на высотѣ большаго столба³. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторымъ изъ боговъ посвящены были кони, по которымъ совершали гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святовида, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись въ войнѣ⁴.

Храмы, священные для поклонниковъ какъ мѣста идолослуженія, требовавшіе издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязательными. Они имѣли собственныя свои поля и земли⁵, можетъ быть и своихъ рабовъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военнопленныхъ, положенною данью съ народа, пошлиною съ промышленниковъ и торговцевъ, наконецъ данью покоренныхъ народовъ.—Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ⁶. О дарахъ общественныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрекому молились Лютичи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи войны приносили ему должныя дары⁷. Въ примѣръ частнаго дара можно привести драгоценную чашу, подаренную Святовиду Арконскому Датскимъ королемъ Свеномомъ⁸. Въ храмахъ Славянскихъ бывали и вкладныя ящики, въ которые поклонники бро-

¹ Эббо. 60. *Ледебуръ*, Die Königl. Museum im Schl. Monbijou. Berl. 1838. 23—24.

² *Титмаръ*. VII, 50. *Лѣтописецъ*. М. 1781. 34.

³ *Андрей*. III, 9.

⁴ *Саксо грам.* 830.

⁵ *Саксо грам.* 825, 834.

⁶ *Саксо грам.* 826.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17.

⁸ *Саксо грам.* 825—826.

сали то, чѣмъ желали почитать свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббона и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда'. — Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святовида имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу². Саксо грамматикъ говоритъ еще о третьей долѣ военной добычи, а Сефридъ о десятой долѣ, какъ собственности храма³. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоценностями, которыя набирали во время походовъ. Изъ него-же узнаемъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупали плѣнныхъ⁴. — Кромѣ этихъ приношеній произвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаемъ, были и непроизвольныя, которыхъ храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань народная: каждый, и мужчина и женщина, долженъ былъ въ годовой праздникъ Святовида дать монету⁵. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Святовида Арконскаго и Радагаста Ретрсакаго⁶. Кромѣ того торговцы, если желали что покупать или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, что-нибудь драгоценное. Купцы, занимавшіеся сельдяной торговлей, должны были также, прежде начатія закупки сельдей, принести законную дань Святовиду⁷. Самые покоренные народы обязаны были платить дань божеству: таковъ былъ обычай, покрайней мѣрѣ, у Руягъ въ отношеніи къ храму Святовида⁸. — Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накопились сокровища, удивлявшія

¹ Эббо. 56. Кирхбергъ. 53 (Jahrbücher für Slaw. Literatur. 1843. 405).

² Саксо грам. 825.

³ Саксо грам. 825. Сефридъ. 105.

⁴ Гельмольдъ. I, 38.

⁵ Саксо грам. 825.

⁶ Гельмольдъ. I, 21.

⁷ Гельмольдъ. I, 6, II, 12.

⁸ Гельмольдъ. I, 36.

современниковъ, что храмы имѣли средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоценныя камни и ткани, различныя прекрасныя вещи. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обряды богослуженія.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ: О ЖРЕЦАХЪ И ИХЪ ВАЖНОСТИ ВЪ ЖИЗНИ И БОГОСЛУЖЕНІИ.

Полные вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благость¹, Славяне разными способами старались выразить передъ ними свое благоговѣніе и покорность, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Они молились имъ, приносили жертвы, посредствомъ гаданій старались узнать ихъ волю и свое будущее: молитвы, жертвоприношенія и гаданія составляли три главныя части богослуженія языческихъ Славянъ. Богослужебные обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященныя въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще не лзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій, существовало также повсюду. Къ тому-же, всѣ Славяне сохра-

нили или преданія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительно одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религiи народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтiйскихъ и Чешскимъ Славянъ. — Составляли-ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятiя о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду¹. Если народъ и участвовалъ въ избранiи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанiя избраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участiе другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованiи жреческой iерархiи: современники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ ниспихъ разрядовъ отъ жрецовъ выспихъ. Особенно ясно отличаетъ это Саксо грамматикъ, замѣчающiй, что храмъ Арконскiй былъ подъ вѣденiемъ выспаго жреца, а другiе храмы, посвященные тому-же Святovidу, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти². Если жрецы и не составляли касты, то все-же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священническая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ палицу³. Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собранiяхъ дворянства,

¹ Титмаръ. VI, 17

² Саксо грам. 826.

³ Саксо грам. 824. Сефридъ. 128. Эббо. 79. и пр. Марескалкъ Тур. Annal. Herul. IX. (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844 95—96).

предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли мѣнями, владѣли богатствами¹. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Руянѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь²: не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ, на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народомъ; они были главными посредниками между божествомъ и человѣкомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища и очищать его³. Жрецы заботились о священныхъ коняхъ, одни могли пасти ихъ и садиться на нихъ⁴. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена, и всѣ богатства храмовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ Титмаръ и Саксо грамматикъ⁵. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ молецыкамъ съ увѣщаніями. Примѣромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникѣ Святовида: при концѣ богослужебнаго обряда жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога, и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая вѣрною наградою за богопочитаніе побѣды на сушѣ и въ морѣ⁶. Что такія увѣщанія были и при другихъ случаяхъ, хоть и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего настаивали народъ оставаться при вѣрѣ предковъ⁷. Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Святовиду въ Арконѣ⁸;

¹ Эббо. 65, 76. Сефридъ. 128, 158. Гельмольдъ. I, 83. II, 12.

² Гельмольдъ. II, 12.

³ Саксо грам. 826.

⁴ Саксо грам. 826. Сефридъ. 109.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 825.

⁶ Саксо грам. 825.

⁷ Эббо. 65. Сефридъ. 128.

⁸ Саксо грам. 824.

такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видимъ изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣніе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшія свидѣтельства, упоминающія объ участи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходились въ храмъ умилостивлять гнѣвъ боговъ, и, совершая гаданія, поочередно шептали тайныя слова—безъ сомнѣнія — молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженія въ храмѣ Арконскомъ, рассказываетъ, что жрецъ, наполнивъ рогъ свѣжимъ виномъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣд¹. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ — и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмъ Ретрскомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву закалалъ жрецъ, и по закланіи пилъ ся кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христіанина, на котораго падалъ жребій². Что жрецъ былъ жертвоприноситель, это показываетъ самое его названіе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ³. Другое названіе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «калдунъ»: для объясненія этого слова, кромѣ многого другаго, слѣдуетъ и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчій «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдовавць» — жрецъ, а «калдовница» или «калдовише» — жертвенникъ⁴. Жрецы были и гада-

¹ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам 824.

² Титмаръ. IV, 17—18. Гельмольдъ. I, 52. II, 12.

³ Жрецъ отъ жертви. См. ниже примѣчаніе о словѣ: жертва. стр. 84.

⁴ Гутсманъ, Deutsch-Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчійхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Нѣм. Kaldaunen). Славянскій корень есть: кльд=колд=калд=клюд=куд (какъ тльк=толк=талк=тук и пр.). Клюдити=клидити въ Чеш. значитъ очищать, собирать жатву, - успокаивать, - отнимать, уничтожать (mog mnoho lidi klidi). Кудити въ Срб. значитъ — произносить бранныя слова, заговаривать, - презирать, - удалять). Тутъ смѣшаны два корня — куд=кльд и куд=кужд (кут). Отъ втораго

телями, истолкователями прорицаний: Несторъ рассказываетъ о волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская о ворожеѣ, пророчившей побѣду Владиславу Тонкононому; жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго о жрецѣ, совершавшемъ гаданія конемъ въ Штетинѣ, о ворожеяхъ и жребіеметателяхъ, которыхъ имѣть запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ говоритъ о жрецахъ, гадавшихъ жребіемъ и конемъ; Гельмольдъ—о важности жреца Арконскаго, какъ истолкователя гаданій, —объ обычаяхъ жрецовъ пить кровь жертвы для того, что бы одушевить себя силою пророческой, и пр.; Саксо грамматикъ—о томъ, что жрецъ гадаль объ урожаѣ будущаго года по вину, наливаемому въ рогъ Святovidовъ, и совершалъ гаданія конемъ; Козьма Пражскій—о княгинѣ Любушѣ какъ о прорицательницѣ, —еще объ одной вѣщунѣ, совѣтовавшей исполнить волю боговъ для одержанія побѣды, —о томъ, что князь Брятиславъ изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадалей, жребіеметателей; пѣсня Крамелворской рукописи «о поражении Татаръ» упоминаетъ о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздочетахъ и кудесникахъ», гадавшихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ—о «гадачахъ, пророкахъ, птицагадателяхъ, вѣщцахъ, волхведахъ и волхвицахъ», и пр. Изъ всего

корня въ Срб. происходяхъ слова: *кућеник* (ругатель) *кућенје* (клевета); въ Хрт: *кудити* (бранить), *кујати* (дуть, дышать, —шептать?); въ Чеш: *кудити* (бранить), *кудолъ* (густой дымъ; срав: *чуд-запахъ*), *кузло* (чара), *кузлити* (чаровать), *кузелникъ* (кудесникъ), *паскуда* (нечистота), *паскудити се* (ругаться, ссориться), *паскудник* (гѣума); въ Поль: *паскуда* и пр., въ Рус: *кудо кудеса* (срав: *чудо, шудо*), *кудесникъ*, *кудляръ*, —скудный, *паскудитъ*, *прокудитъ* и пр —В. С. Караджичъ, Срп. Рјечник. 349. *Ј. Ступли*, Rjecsloszje. Dubrawnik. 1806. I. 364. *Ярникъ*, Etymologik. 152. *Мурко*, Slov. Ném. Besednik. Gradec. 1833. I. 153. *Юнгманъ*, Slownik. I, 321 II, 40, 216. III, 37. *Линде* Slownik. II. 641.

Льтописецъ. М. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у Вишневскаго, Hist. Liter. Pol. I. 274 — 275. *Сефридъ*. 109. *Титмаръ*. VI, 17. *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12. *Саксо грам*. 824, 827. *Козьма Праж.* 11, 20, 27, 197. *Крамелвор. рпс.* III, 47 — 60. *Вацерадъ*. 212, 222, 223, 229. Значеніе слова *вѣщецъ* понятно. О словѣ *Кудесникъ-Козzedlnik*, см. выше. Что-же касается до слова *волхвъ* (влѣхвъ=влѣхвъ), то Копитаръ производитъ его отъ «влѣснжити»

этого видно, какъ разнообразна была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрели себя на жизнь цѣломудренную— или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою сѣмейную жизнь: вспомнимъ, что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жресческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

МОЛИТВЫ СЛАВОСЛОВНЫЯ, ПРОСИТЕЛЬНЫЯ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ.
МОЛИТВЫ-ПѢСНИ.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самаго божества, не лзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, моельцы выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные.—Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи во время праздника Коляды упомянуты, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамьи вокругъ огня, на которыхъ сидѣли моельцы, окружая старика жреца¹;

(въсвѣщеніи іазыци—linguae balbutientes Glagol. Cloz. 69.). Въ Блг: нар есть до сихъ поръ *волхвъ=волхъ* (прорицатель) и *волшина* (брань); въ Хрв: есть *вухвиць=вуховец* (python) и *вухвица* (pythonissa). См. *I. Blyostenca, Gazophylacium Latino-Illic. Zagrab. 1740. I, 1005. II, 588.* Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг.) губерн. есть *волхатъ* (колдунъ) и *волхатка* (ворожея); въ Мрус. есть *волшити* (хитрить). Въ Лаврент. спискѣ Нестора стоитъ «Волхве» (вин. пад. «Волхви») вмѣсто «Волохове» другихъ списковъ. *Несторъ, ів. 10-11.* Пѣсню о чародѣѣ Волхъ Всеславьевичъ см. въ *Древ. Рус. Стихотвор. 45.*

¹ *Снегуровъ, Рус. празд. II. 69.*

можетъ быть, такъ и было иногда, впрочемъ изъ Титмара узнаёмъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ храмѣ сидѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли¹. Служитель храма Святovidова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осеннимъ, старался не дышать въ немъ, и всякій разъ какъ хотѣлъ вздохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ². — О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, замѣчая, что имъ выражали Русскіе свое смиреніе передъ богомъ³. То-же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаёмъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаній св. Отгона. Описывая, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показанъ одному поселянину въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображая, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ⁴. Въ Краледворской рукописи въ томъ-же смыслѣ употребляются выраженія: «*klanieti se bohom*» и «*biti v czelo przied bohu*», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ⁵. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ, «*покланіатиса*», значитъ «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ *poклон* стар. *poклонa*, значитъ то-же что русское «поклоненіе»⁶. Польское выраженіе «*czolem bit*», Чешское, «*czolem bititi*», употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать»⁷. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикасаться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающій уваже-

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 824.

³ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

⁴ Эббо. 78. Сефридъ. 129.

⁵ Краледвор. рпс. VI, 13, 39, 40.

⁶ Въ Остромир. Еванг: поклонници поклоняются отцоу (л. 31). — *Vulgat: adoratores adorabunt patrem. Słownik Polsko-francuz. Berlin. 1844. стр. 1632: Własciwy poклон samemu Bogu ma być oddawan.*

⁷ Лінде, Słownik. I, 375. Юнгманъ, Słownik. I, 273.

ніе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка пятого его лица, лежавшаго на груди: по остроумной догадкѣ Тиверія, это пятое лицо, на груди, было образомъ молитвы поклонниковъ, усльпшанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говорить, незабытомъ Славянами и до сихъ поръ'.

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ—молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Такъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воймиромъ, «*prokni ida kol obieti bohom slauu hlasase i zachazeie zezwucie ne meskase*»². Въ Русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «Славень есь, гей, славень есь, нашъ милій Боже, на высокости!» или «благословень еси, госпѣдь, благословивъ сынѣвъ своихъ»³! Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни, «за славе божіе»⁴. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Катанчиѣа и Свеара славословная пѣсня въ честь бога Лада: «Лепи Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушај нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше кланјамо ти! Ладо, слушај нас, Ладо»⁵.—Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грам-

¹ *Тиверій*, *Historia rit. Slav. Lusat. infer.* V. § 3.

² *Краледвор. рпсь.* IV. 169—170.

³ *Сахаровъ*, Сказанія Рус. нар. Кн. III, и *Снегиревъ*, Рус. праздники. IV, 65, 70, 85. *Блрецькій*, Колядки. № 34, 36, 38. Съ подобными припѣвами собраны и мною колядки въ Венгріи.

⁴ *В. С. Караджиѣ*, Српске пјесме. I, 96. № 156.

⁵ *Свеаръ*, *Ogledalo Illirium.* Zagreb. 1839. 14. *Катанчиѣа*, *Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum.* Zagrab. 1795. 112.

матика'. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяину съ борзыхъ коней сыновой женить,—дай, дай, Боже, тебѣ хозяйшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать» или: «Роди Боже жито, пшееницю, усяку пашницю, усяку пашницю, уполѹ ядро, а въ домѹ добро»². Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй-же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра³. Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryta psenica i groch, w komorze, w oborze, dej ci Panie Boze»⁴! Словаки припѣвають въ колядкахъ: «daj Boze štjastja, daj Boze dolju» или: nek was ran Vuoh obohati»⁵. У Хорутанъ поется: «Bog daj wedrol» или «Bog potoci swoje kolo na nase stodole in na nase pole»⁶. Сербы молятъ Бога чтобы онъ сіялъ: «сјай, сјай, Боже, и божитју, нашему господару»⁷. Такія-же пѣсни-молитвы пѣлись и въ праздникъ Купала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсенъ, гдѣ поется:» Bog daj, Bog daj dobar wecer, dobro leto! mi smo nosaj k wam pr'tekli, dobar wecer smo pr'nesli, dab wam godilo zitno pole, winske gore»⁸! О молитвахъ, сопровождавшихъ освященіе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно дають и

¹ *Козьма Праж.* I, 10. *Прокошь.* 113. *Титмаръ.* VI, 17. *Саксо грам.* 824, 826. *Краледвор. рпсь.* IV, 146.

² *Сахаровъ.* ib. 11 и слѣд. *Снегиревъ,* ib. II, 65, 70, 85. *Паули, Piesni ludu Rus.* I, 10.

³ *Бьрецкій,* Колядки. № 1.

⁴ *Паули, Piesni ludu Pol.* 9—10.

⁵ *Коларъ, Zpiewanky.* I, 409.

⁶ *Корытко, Pesme Krainskiga naroda.* I, 19.

⁷ *В. С. Караджиѣ,* Срп. Рижечник. 40.

⁸ *Корытко,* ib. I, 91.

ядать»¹. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождалась всегда молитвами, равно и гаданья. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣянiя и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожалѣнiю, свидѣтельство современниковъ и преданiй объ нихъ слишкомъ мало. Болѣе знаемъ о жертвоприношенiяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи, при совершении благодарственной жертвы за побѣду, каждый изъ воиновъ, проходя мимо, возглашалъ богамъ славу, и въ этомъ словословіи, конечно, благодарилъ ихъ. Многія изъ молитвъ словословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными².

Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «*hlasati milich slow*» и просто «*hlasati*» значить молиться³; вотъ почему тамъ-же читаемъ, что Воймиръ, обращаясь къ богамъ, «*wzuola s skali hlasem w lese hluczniem, z mocna hrrdla uola k bohom tako, i wrtrsiasu sie druа sira lesa*»⁴. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ что пѣсни составляли принадлежность богослужбныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминаютъ жизнеописатели св. Оттона и Длугошь⁵. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже ест плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовскыя и жертвы идольскыя»⁶. О пѣсняхъ-молитвахъ сопродавшихъ обрядъ га-

¹ Востокова, Опис. рпсей Румян. Муз. 228.

² Прибавимъ къ этому, что слово «хвала». употребляемое всюду въ значенiи «славы», означаетъ и «благодарность» — не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчiяхъ. Такъ и слово «дакъ» (дакъ, діка, dziek) означаетъ «славу» въ нарѣчiямъ югозападныхъ, а «благодарность» въ стверозападныхъ.

³ Краледвор. рпсь. VI, 47, 237.

⁴ Краледвор. рпсь. IV, 132—134.

⁵ Эббо. — Длугошь, V, 9.

⁶ Востокова, ib. 229.

данія упоминаетъ Краледворская рукопись въ пѣсни «о битвахъ Христiянъ съ Татарами»: «vetchimi slouesi nad sim wzpiechu»¹. Въ доказательство-же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенiя въ самыхъ храмахъ, служитъ упоминанiе Масуди о священннхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ². Очень не мудро, что эти храмовыя пѣсни-молитвы сопровождались звуками инструментовъ, какъ это было при богослужбнхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоценностями, хранившимися въ храмахъ были и музыкальные рога, какъ свидѣлствуютъ жизнеописанiя св. Оттона³. Во всякомъ случаѣ пѣнiе было принадлежностiю языческой религiи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятiе, что «rieuce dobra miliciu bozi»⁴, и другое подобное понятiе, что пѣвецъ Боянъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда что значенiе божественное пѣсни у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе⁵.

III.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ: — ВОЗНОШЕНИЯ КУРЕНИЙ И БЛАГОУХАНИЙ, ЯСТВЪ, ОРУЖИЯ, — СОБСТВЕННО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ: ЖЕРТВЫ ЗАКАШАНІЯ, — ЖЕРТВЫ СОЖЖЕНІЯ, — ПРИНЕСЕНІЕ ВЪ ЖЕРТВУ ЛЮДЕЙ.

Молитвы сопровождались жертвоприношенiями. Между ними не лзя не отличать простыхъ возношенiй отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятiе объ освященiи приносимаго, объ отрѣшенiи онъ него зла божествомъ, злу враждебнмъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участiе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, бла-

¹ Краледв. рпсѣ. III. 58.

² Масуди. 320.

³ Сефридѣ. 105.

⁴ Краледвор. рпсѣ. VI. 57.

⁵ Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названiе *баевъ* = *баліевъ* и *гуслрвоѣ* (*incantatores*).

тому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хотъ благомъ, но разгнѣванномъ и страшасемъ, которое надобно было умиловивать, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеній не лзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено впрочемъ, что и нѣкоторые изъ даровъ принимаемы были съ богослужебныхъ обрядомъ, какъ возношенія, что отчасти уже видѣли мы въ обзорѣни поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовонія, яства и оружія.

Гриммъ полагаетъ, что сѣвернымъ язычникамъ были неизвѣстны благовонныя куренія какъ жертвы¹. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно нѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысли къ божеству, и совершали его двумя способами, — или просто раскладывали огонь, или сожигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуетъ обычай разложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несовѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или Новогодія и въ праздникъ Купалы или Креса — въ половинѣ года². Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію Лѣтописцевъ, пламя

¹ Гриммъ, Deut. Myth. I. 50.

² Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колядные — болѣе у Славянъ югозападныхъ. Крімъ того, кое-гдѣ возжигаются огни весною

возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно паляху»¹. Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣтельствуютъ жизнеописанія св. Оттона, а также и закопченные сосуды, находимыя въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и янтарю. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Руянѣ) считается священнымъ, въ чемъ не лзя не видѣть остатка языческой старины. Въ числѣ этого рода возношеній не лзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, если только подъ названіемъ «*gī'han*» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ².

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣтельствъ гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса³. Константинъ Порфирородный, рассказывая о походахъ Руссовъ, пишетъ, что они пріѣзжали къ острову св. Георгія, и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами, и клали туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ⁴. Подробно описанъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Итиля совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я пріѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей....И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ

и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

¹ Густинская летопись. 207.

² Ибнъ-Фоцланъ. 15, 107.

³ Масуди. 320.

⁴ Константинъ Порфир. 9.

тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ куща, у котораго было-бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который-бы кушилъ у меня все что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торговля его идетъ худо, и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молить ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господя!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи, и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо, и продаетъ всѣ привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; теперь обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ, и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на дѣревъ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоволитъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ»¹. О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ и сказанія отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пидиблянинъ, отринувши шестомъ пльвшяго Перуна, говорилъ ему: «Ты, рече, Перушице, досити еси пиль и яль, а нынѣ плови уже проче»². Въ словѣ Христолюбца говорится: «И тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломаютъ...моленое то брашно даютъ и ядятъ...ставятъ лише кумиромъ трапезы котѣйныя и законнаго обѣда иже нарѣцается беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ»³. Въ переводѣ Григорія Назіанзина читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбою створи на студенци, джда имы отъ него»⁴. Это напоминаетъ о дѣтской

¹ *Ибнъ-Фоцланъ*. 7-9.

² *Карамзинъ* Н. Г. Р. I. пр. 463.

³ *Востокова* Опис р. Рум. М. 229.

⁴ *Переводъ Григорія Наз.* Библиогр. Листы. 88.

игръ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «лій, лій, дожчику! наварю тобі борщику!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ¹. Что возношенія яствами были въ обычаяхъ и у язычниковъ Чеховъ, въ этомъ свидѣтельствуемъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «*krmie bohom* — сказано тамъ — давались «*w sumrku*», и послѣ битвы надобно было «*dat rokrm bohowom*»². У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весною разныя яства, какъ жертву. Такія возношенія были и у Балтійскихъ Славянъ, и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Оттона Бамбергскаго, происходили ежедневно³. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ праздника Святовида, рассказываетъ, что «жрецъ выливалъ вино изъ рога, который держалъ идола, къ ногамъ его въ возліяніе ему, и наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почтить идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому-же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ спрашивалъ у Руянъ, видятъ-ли они его. Когда они говорили что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастію народа и обилію слѣдующей жатвы»⁴. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 Декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ». Отецъ сѣмейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жь нашъ батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хиба-жь вы мене не бачите!», — и на

¹ *Древ. Рус. Стихотворенія.* 226, 339.

² *Краледвор. рпсь.* IV, 41, 42, 234.

³ *Андрей.* III, 10.

⁴ *Саксо грам.* 824-825.

отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говоритъ имъ: «дай-же боже, що-бъ и на той рѣкъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ'. — Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, не лзя не пожалѣть о ихъ скудости: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были, кажется, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Не лзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокимъ понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько-бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами преклонять на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибнъ-Фоцланъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христолюбца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и пѣсня Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычникъ Славянинъ всякій день желалъ потреблять яства и питія освященныя.

Тотъ-же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возносимы были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что ни принадлежало имъ, могло считаться нечистымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говорятъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «tamo k wrchu pohrsiebat mrch i dat pokrm bohouom, i tamo bohom spasam dat mnostuie obieti, a iim hlasat milich slow i iim ozuzie pobitih wrahow»¹. О такомъ-же возношеніи вражескаго

¹ К. Сементовскаго, Замѣчанія 36.

² Краледвор. рпсь. VI. 250—255.

оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ¹. Очень не мудро, что многія изъ этихъ возношеній оставались собственностію храма; но это не измѣняло характера обряда: освященныя оружія могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не кѣмъ другимъ, то воинами храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святовида и т. п.

Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Отъ тѣхъ и отъ другихъ не лзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Прокопій, говоря, что Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, что они, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая что этою жертвою спасали себѣ жизнь². Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще³. Почти въ такихъ-же общихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзина: «Овъ несжщимъ богомъ жьреть. . . овъ рѣкж богыниж нарицаеть и звѣрь живжщъ въ неи іако бога нарицаа трѣбж творить. Овъ длю жьреть, а другиш дивии. . . Овъ моущньнъ скотъ творя оубиваетъ»⁴. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закаланія жертвъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времени былъ замѣненъ другимъ, символомъ закаланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стада на пастбище весною, селяне, празднуя для пастуховъ пиръ, готовятъ для него широгъ въ видѣ овна, для того чтобы онъ, какъ жертва Богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берегся у пастуховъ какъ лѣкарство для овецъ⁵. Ясно о жертвахъ закланія

¹ Сефридъ. 105.

² Прокопій. III, 14.

³ Масуди. 321.

⁴ Переводъ Григор. Наз. ib. 88—89.

⁵ Я слышалъ объ этомъ обрядѣ въ Шарнишской столицѣ, въ Венгріи.

у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими и осквернися кровью земля Руска и холмъ отъ»¹. Упоминаетъ о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ своемъ словѣ, замѣчая, что, освѣтившись ученіемъ Христовымъ, «уже не жертвенныя крове вкушающе погибаемъ»². Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаяхъ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія³. Изъ писателей иностранныхъ о жертвахъ закланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Пирфпрородный и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаетъ о бросаніи жребія о птицахъ, должно-ли ихъ ѣсть, или убить, или живыхъ выпустить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христолюбца: «и куры им рѣжутъ», и у Льва Діакона—о приношеніи въ жертву пѣтуховъ при обрядѣ погребенія⁴. Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Русскіе закаляли своимъ богамъ быковъ и овецъ, и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревъ, воткнутомъ въ землю за идолами⁵. Послѣдній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ имѣли обычай—говоритъ Преторій—для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ конюшень и хлѣвовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадямъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучитъ домовой, клали лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домового надъ лошадыю⁶. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-

¹ Несторъ. 34. Тръба = потръба (слово, известное и Вацераду. 227) употребляется вообще вмѣсто жертвы. Если впрочемъ взять въ расчетъ Поль. trzebić и Луж. trjebić = wutjebać (кастрировать), то тръба должна означать только жертву закланія. У Люнебург. Славянъ словомъ treba (trcwa = trīwe) назывались Рождественскіе святки. Геннингъ, подъ словъ: Weihnacht.

² Иларіонъ въ Прибав. къ Твор. Св. Отцовъ. Часть IV. 236.

³ Карамзинъ. И. Г. Р. I. пр. 236

⁴ Константинъ Порфир. 9. Востоковъ. ib. 228. Левъ Діаконъ. IX. 6.

⁵ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

⁶ Преторій, Weltbeschreibung. II, 162—163.

Фоцланъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку, и разрубивъ пополамъ, бросили въ ладью;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись потомъ, разрубили ихъ мечами, и мясо бросили въ ладью; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладью разрубленныхъ; наконецъ взяли пѣтуха и курицу, зарѣзали и бросили туда-же»¹. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «За рѣкою, за быстрою—лѣса стоятъ дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять великіе; вокругъ огней скамьи стоятъ, скамьи стоятъ дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поютъ пѣсни колѣдушки. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, и онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козель стоитъ... Хотятъ козла зарѣзати»². По свидѣтельству Длугоша были въ обычаѣ жертвы закланія и у Поляковъ: въ жертву приносили были овцы, и быки, во время празднествъ, на которыя собирався народъ³. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Ретрскому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнаютъ, какая жертва можетъ быть угодна богамъ, и смиряютъ гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ⁴. Гельмольдъ рассказываетъ объ нихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и разнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія опредѣлялъ празднества, посвященныя богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. По закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы понять божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принесли по обычаю жертву, народъ начиналъ пиршество»⁵.

¹ *Ибнъ-Фоцланъ*. 11—29.

² *Снегиревъ* ib. II. 69.

³ *Длугошъ*. V, 9.

⁴ *Титмаръ*. VI, 17.

⁵ *Гельмольдъ*, I, 52, Сравни. *Анонима Chron. Slav XVIII. Lindenbrag. Scriptores* 211.

Саксо грамматикъ, при описаніи осенняго празднества Святovidова, не забылъ также замѣтить, что жители острова Рудны, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву звѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пиршество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда¹. Объ этомъ ежегодномъ принесеніи жертвъ Святovidу упоминаетъ и Гельмольдъ². У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесенія жертвъ закланія; впрочемъ свидѣтельство Козьмы Пражскаго о немъ едва-ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть: «Чехи—пишеть онъ—преданные глушымъ суевѣріямъ, боясь неудачи въ войнѣ, обратились къ колдунѣ, и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдунья обьятая пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надеясь, что этою жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»³. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва-ли это не описка.—Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы:—Эти жертвы возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда опѣ совершались торжественно жрецами, иногда-же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Чтѣ должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а

¹ Саксо грам. 824.

² Гельмольдъ. II. 12.

³ Козьма Приж. I, 97.

остальное оставалось передъ идолами; иногда же припесненное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ затѣмъ пиршествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніями яствъ, что закалаемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ обрядомъ должна быть освящена, отрѣшена отъ оскверненія: вотъ почему и приносились въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животныя употребляемыя въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могли повѣрить, что смертію животного можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ приносимое въ жертву не закалалось а задушалось, напр. въ водѣ; вотъ почему могло постепенно войти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ, изъ чего нибудь слѣланнымъ, или же самый обрядъ закланія замѣнять приношеніемъ въ жертву головы животнаго. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя имѣемъ объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, видно, что жертвы приносятся могли и злomu богу, человѣку враждебному, или-же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Въ всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двойкій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь большимъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ. Что и онѣ были очень обычны у Славянъ сѣверозападныхъ и восточныхъ это доказывается остатками находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множествомъ пепла, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Какъ описаніе современное приведемъ здѣсь то, что находится въ пѣсни Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи». Честмиръ, отправляясь на войну «pode wsie druа wzlozie obicti bohom». Воймиръ, одержавши побѣду, «chtiese obiet wzdati bohom w siem ze miestie, w siem ze krocie slunce»; но отложилъ по совѣту Честмира, и возопилъ къ богамъ: «Ne ziarste sie, bozi,

suemu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slunci». Честмиръ совѣтовавъ ему тогда: «Dluzna obiet bohom, uece Cestmir; a ninie nam na wrali pospieti; ninie wsedni ti na rucie konie, proletni lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam s cesti skala bogom zmilena, na ieie wrh obietui bohom, bohom suim spasam, za wicestuiе w zadech, za uicestuiе w prsiedie. Neze sie poznaie, ze slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze slunce postupi vterim krokem i krokem trsietiem nad wrsini lesne, doidu voi tamo, kdie obiet tuoie pouieie w slupech dimu: pokorsi sie wsie voiska, tudi iduce». И Воймиръ перелетѣлъ черезъ лѣса въ дубраву, «na wrsie skali zanieti obiet bohom suim spasam za uicestuiе wzadech, za uicestuiе wprsedie, im obietoua krauicu buinu». Любопытно тутъ описаніе самаго обряда сожженія жертвы: «Plapolase obiet i blizise sie uoi k uualu, iz uuala wzhoru w dubrawu. Uoi ozuucieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida kol obieti, bohom slauu hlasase, i zachazeie zezwucie ne-meskase, i kehdi dochazese posleda uoiew, wskoci Voimir na suoi ruci komon»'. Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жертвахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти жертвоприношенія были общенародныя, и что, наконецъ, онѣ были совершаемы великолѣпно, но не жрецами, если только князья не имѣли по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы были въ обычай и у другихъ Славянъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна» видимо происходящія отъ «жрѣти»—сжигать'. Жертвы сожженія сопрож-

• *Краледвор. рпсь.* IV, 22,123—124,135—136,143—152,155—157,164—170. Въ Чеш. жертва называется obět' (*Вацерадъ.* 219. *Юнгманъ.* II. 761), какъ что обѣщавное: о жертвахъ по обѣщанію упоминаютъ многіе современники.

• Онѣ употребительны у многихъ Славянъ: *жертва* (жрѣтва) почти у всѣхъ югозападныхъ (известно было и *Вацераду.* 231); *жаризна*—у Польковъ (*žarżyzna*) и Словаковъ. Срѣвн. *жаровище* по *Вацераду*—*riга, roguм.* 230). *Жрѣти* одного корня съ *горѣти*, по обычному смягченію *г* въ *ж* (гопть-жить; горло-жерло: горы-жары (Словац.), *galbus* (Лат.), *gelb* (Нѣм.)—желтый; *glaus, glandis* (Лат.)—желудь; *galle* (Нѣм.)—желчь; *ganue* (Лит.)—жена и пр.

дали иногда погребальнѣй обрядъ. Не надобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженіе коней вмѣстѣ съ трупами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; но то, что рассказываетъ Ибнъ-Фоцланъ о сожженіи вмѣстѣ съ мертвымъ уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы и еще одной курицы, у которой оторвали прежде голову, едва-ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и не лзя понять значеніе и цѣль обряда¹.

Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожаю сыны своя и дщери—говоритъ Несторъ—и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьюми землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закаляли и людей: иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не назвалъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ яснѣе: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, взя землю ихъ, и иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ жребии на отрока и дѣвицу, на кого-же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варегъ единъ—держаше вѣру хрестьянську, и бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душою, на сего паде жребии... Рѣша пришедше послании къ нему, яко паде жребии на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо... не дамъ сына своего бѣсомъ. Они-же шедше повѣдаша людемъ; они-же вземше оружье, поидоша нань, и розъяна дворъ около его; онъ-же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ... И посѣкоша сѣни подъ нима, и такъ побина я»². Митрополитъ Иларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не

¹ *Ибнъ-Фоцланъ*. 15, 17.

² *Несторъ*, 35.

заколаемъ бѣсомъ другъ друга»¹. Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносились — по его словамъ — люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ². Объ обычаѣ приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говорить Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали утишать гнѣвъ боговъ³. То-же говоритъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили христіанъ въ надеждѣ, что такими возношеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть принесенъ въ жертву. Святovidу приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ⁴. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы рассказываютъ и нѣсколько случаевъ принесенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ вмѣстѣ со многими другими и пресвитеромъ Эпшономъ; такъ и епископъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣнъ, былъ битъ палками, потомъ возимъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отрекшись отъ Христіанства, въ Ретрѣ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту, какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены — священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ разоренія Мельдорпа⁵. — Изъ всего этого видимъ, что въ жертву приносили такихъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, на пр. плѣнныхъ и христіанъ, — что впрочемъ жребій большею частію рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношъ и дѣвицъ. Такое жертвоприношеніе не могло не соединяться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносима

¹ *Иларіонъ*, ib. 235.

² *Длугошъ*. V, 9.

³ *Титмаръ*, VI, 17.

⁴ *Гельмольдъ*. I, 52. II, 12. *Анонима Chr. slav.* ib. 211.

⁵ *Гельмольдъ*. I, 22. II, 12. *Адамъ Брем.* IV, 12, 167. Справ. *Гельмольдъ*, I, 23. *Петерсенъ*, *De Dansker toge til Venden*. II. 3. въ *Annaler for Nordisk oldkyndighed*. Kiöbenhavn. 1838. 11.

была иногда только голова человѣка¹. Замѣтимъ еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ, и украшали религиозныя торжества послѣ войны или битвы. На это не лзя не обратить вниманія: смерть человѣка одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіей Славянской вызывала смерть другаго чѣловѣка или и многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человѣка умершаго лишали также людей жизни. Источникъ того и другаго обычая долженъ быть одинъ и тотъ-же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго, — столько-же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ болѣзнію соединялась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умилостивить очищеніемъ, и это очищеніе вѣра ихъ находила въ погибели животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія рассказываетъ Левъ Діаконъ: «Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили»². Если можно повѣрить, что была жертва очищенія, жертва задушная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя; то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибгъ-Фоцланъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говоритъ онъ — то его родные спрашивали у дѣвушекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подастъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отступить. По большей части это дѣлали дѣвушки. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные идолы, съ челоуѣкообразными фигурами, такъ что лодку тащили на бревна

¹ Бернгарди, Bausteine zur slaw. Mith. II. Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

² Левъ Діаконъ. IX. 6.

мимо ихъ. На лодку ставили мары, для того чтобы на нихъ одѣвать мертвого. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатеръ, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ яствами и питіями. За тѣмъ слѣдовало принесеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наконецъ раздѣвали, вводили въ шатеръ, и тамъ умерщвляли—задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый клалъ на костеръ по пылающему полѣну. Костеръ разгорался,—и ладья съ шатромъ, покойникомъ, дѣвушкой, со всеѣмъ что было въ ладьѣ, сгарала». И всегда у Славянъ погребальный обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если не кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы. Для погибавшаго была надежда, что онъ этимъ пожертвованіемъ открывалъ себѣ дорогу въ рай; такая-же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминокъ по душѣ покойнаго, веселья пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какого нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карпатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, барашка и т. п. Все это было для язычниковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени принесеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, напр. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; но не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безнравственный. Не лзя предположить себѣ ни для какого народа никакого безнравственного обычая, которій-бы не оправдывался въ немъ причиною, хотя и ложно, сумазбродно понятой, но все таки нравственной, согласной съ правилами народной нравственности.

¹ *Ибнь-Фоцланъ.* 11—21.

² *Маврикій.* XI, 5. *Титмавъ.* VIII, 2. *Масуди.* 317 и пр.

IV.

ГАДАНІЯ—ЖРЕБИЕМЪ И ПРОРИЦАНІЯМИ ЖРЕЦОВЪ. ЗНАЧЕНІЕ ЗАДАНИЙ.

Гаданія составляли столь-же необходимую принадлежность бого-служенія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли чловѣка раскрывали ему будущее. Множество преданій дошло до насъ о древнихъ языческихъ гаданіяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстные роды гаданій принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться непрерывно, даже и послѣ паденія язычества, хотъ и совершенно въ его духъ; религія-же освящала очень немногіе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ.—Гадая о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество—во-первыхъ, о томъ, быть-ли чему или не быть, дѣлать-ли ему что или не дѣлать,—во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень несложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ кратче, неопредѣленнѣе выражался, тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненіи отъ воли объяснявшаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребію¹. Распро-

¹ Слово *Жръбии* (жеребей, ждријеби, ждриб и т. д.) собственно значить осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслъ части, удѣла, и т. п. Сравни. *Шимкевича*. Корнесловъ. I. 82. *Добровскаго* Грамм. Слав. I. 167.

странное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрій. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребію рассказываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженія въ храмѣ Ретрскомъ. Жрецы сидѣли, и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгадывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дерномъ¹. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ двѣушекъ, называемую «лапки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ двѣ заячьи лапки; потомъ ищутъ этихъ лапокъ, — кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданья упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руяне гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сидя у очага и чертя безъ счету по пеплу случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастье, если же нечетъ, то бѣду². Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинянъ, какъ знаемъ изъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго: они гадали по деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — по введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ пѣсни Краледворской рукописи о битвахъ съ Татарами: *i na dli trest crnu polozichu, i iu na duie polie rozserpichu, pruei pole Kublai imie wzdiechu, vterei polie krali imie wzdiechu, vetchimi slovesi nad sim wzpiechu. Pociehu trsti spolu voiecati, i trest kublaieua swicezise*³. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохраняясь вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что зола есть символъ зла⁴. Къ этого-же роду гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чапѣ или рогу: объ

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 827 — 828.

³ Краледвор. рпсѣ. III. 54—60.

⁴ Сахарова, ib. II, 14.

отгадываньи урожая на слѣдующій годъ по убьли и неубьли вина въ рогѣ Святoviда рассказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чашахъ въ континахъ Штетинскихъ пишетъ Сефридъ'. Подобнаго роду были гаданья водою на рѣшетѣ, въ чашѣ и пр: они сохранились у Русскихъ, и были въ старое время у Поляковъ². Были такого роду религіозныя гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаетъ Прокопій, — и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе вмѣстѣ съ уваженіемъ, какое питають кудесники къ печени, къ дыму, къ куреньямъ³. — Къ гаданьямъ по жребію должно причислитъ и гаданья конями. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ: — «Выводили коня, которій былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣнною покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острія двухъ копій, перекинутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ-бы вдохновеннаго коня, о томъ-же, что хотѣли узнать, посредствомъ жребіевъ. Если и въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то-же, то загаданное должно было исполниться; если же нѣтъ, то печальный народъ совершенно оставлялъ свое предпріятіе»⁴. Иначе совершалось это гаданье въ Арконѣ конемъ Святoviда, какъ узнаемъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою-нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконецниками копья, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ одинъ отъ другаго растояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ чрезъ копья прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою прежде нежели правою, то задуманное предположеніе измѣнялось. Равно и морской

¹ Саксо грам. 824. Сефридъ. 105.

² Сахаровъ. II, 65, 68, 69. Вишевскій, Hist. Lit. Pol. I, 274—275.

³ Прокопій. III, 14. Сахаровъ. II, 10, 13.

⁴ Титмаръ. VI, 17. Выписку изъ Chronica August. см. у Гримма, Deut. Myth. II. 628.

походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сряду предсказывалась удача»¹. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычай у Штетинянъ: — «Если Штетиняне замыслили сухопутный походъ противъ непріятелей или какой набѣздъ, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ: — клали на земь девять копій на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣдлавши и взнуздавши его, велъ за узду черезъ лежащія копыя три раза взадъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкаясь и не трогая копій, то это почиталось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начинаемъ; если-же конь трогалъ копыя ногою, то походъ былъ отлагаемъ»². Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычай и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ-же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверо-западныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и былъ обычай гаданья конемъ; есть напротивъ слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Морошкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычай гаданья конемъ во время святочныхъ гаданій³. Русскія дѣвушки, гадая о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь; — и если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или за жердь ногами, то мужъ будетъ сердитый, а житее несчастное; если-же перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смирный, и житее счастливое. Садятся также на лошадь, и завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня⁴. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію были, вѣроятно,

¹ Саксо грам. 826—827.

² Сефридъ. 107.

³ Морошкинъ въ переволъ Рейца, Истор. Рос. Закон. 1836. 352. Сахаровъ. II, 67 Снегиревъ, Рус. празд. II, 43 и 49. Сравн. слова *жрѣбии* и *жрѣбцы* (сл. Jahrbücher für Slaw. Lit. 1843 390).

⁴ «О книгахъ истин. и лож.» у Калайдовича, Юанъ Экз. Болг. 211.

и многія другія, судя потому, что въ суевѣріяхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всѣ остались они отъ временъ язычества, но все-же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавать не по какому-нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они впрочемъ были въ употребленіи у Славянъ. Это видно уже изъ того что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ принося жертву, пилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая-нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребія, если только и это знаніе не было общимъ для всего народа, — или участіе при совершеніи обряда для большей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь напротивъ, нуждаясь въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно, или не поняты совсѣмъ, слѣдовательно не по жребію. Кромѣ этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славенъ настройками, сдѣланными въ его куполѣ для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ вставленными, знаками тамъ начертанными и обозначавшими будущее, происшествія предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они случились. Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидамъ) глядятъ», — и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ рассказываетъ, какъ волхвы предсказали смерть Олегу: — «Призва Ольгъ волхвы своя и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша: смерть

• Гельмольдъ, I, 52. Сравни у П.ларіона «жертвенныя крове вкушающе погибаетъ». ib. 236.

• Масуди. 320.

твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.»¹ Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говоритъ и Козьма Пражскій: такъ говоритъ онъ, что Любуша была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была правительницей; она предсказала и будущее величіе Праги; такъ онъ говоритъ и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращались съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятеля, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ². Не лзя здѣсь забыть и повѣрья, что кукушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и во время языческое имѣло чисто религіозный смыслъ какъ знаемъ изъ хроники Прокоша, который упоминая о немъ, прибавляетъ, что по понятію язычниковъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива³. Правда, что ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не говоритъ о предсказаніяхъ, какъ о религіозномъ обрядѣ; но изъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно,—и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, казаться натянутымъ. Для того-же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неимѣніемъ свидѣтельствъ современныхъ, обратить вниманіе на приемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперь невозможно, потому что мало еще свидѣній собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, не лзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ онѣ употреблялись, что ими рѣшалось. Разсматривая свидѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія.

¹ Новгор. Лѣт. М. 1781. 9.

² Козьма Праж. 11, 20, 27.

³ Прокошь. 113.

Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицаній заставила Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрсаго и Святовида Арконсаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считали зависящими и народъ и князя¹. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ сѣмѣ; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, — и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Миколы Голстунскаго². О выборѣ певѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣщѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу»³. Выборъ людей во что-нибудь по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ⁴. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій⁵. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухопутныя и морскіе: это видѣли мы въ описаніяхъ гаданья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порфироднаго, Титмара, Нестора и Гельмольда⁶.

¹ Гельмольдъ. I, 21. II, 12.

² Сахаровъ. II, 9—10.

³ Рус. Достопаи. III. 186.

⁴ Снегиревъ, Рус. пословицы. III. 217.

⁵ Мацѣевскій, Hist. prawodawstwa Słow. II. 179—187. Снегиревъ, ib. III. 213—216.

⁶ Гельмольдъ. I, 52. II, 12. Титмаръ. VI, 17. Константинъ Порфир. 9. Несторъ. 35.

V.

ОБЩІЙ ХОДЪ БОГОСЛУЖЕБНАГО ОБРЯДА. ПИРШЕСТВА И ИГРИЩА.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обозрѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войти въ предъидущее изслѣдованіе, — между прочимъ на пиры и игры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ¹. Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое-нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умиловивлять боговъ, на пр. послѣ битвы, послѣ похода, при погребеніи мертвого и т. д. Впрочемъ хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежа къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были религиозныя празднества, — и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобъ видѣть ходъ богослуженія.

Такія празднества должны были быть совершаемы въ определенное время, повторяясь въ тѣ-же дни, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Такъ въ определенное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ Маѣ, праздникъ Святовита Арконскаго осенью послѣ жатвы, и пр.². Очень немудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ были свои, и

¹ Гельмольдъ. I, 83. Адамъ Брем. IV, 47.

² Гизебрелтъ, ib. I. 85.

что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ праздника жрецъ — говоритъ Гельмольдъ — возвѣщалъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія. Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самаго обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гаданьемъ не рѣдко опредѣляли, чтѣ приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь-же очевидна, если вспомнимъ, что празднества повторялись ежегодно въ опредѣленное время, и что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлить день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя не могли не существовать во время язычества, оставшись въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ-бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу, — не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугошь¹. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, чтѣ должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались внѣ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ, — и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемаго пѣніемъ возношеніями, прорицаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Титмару, Гельмольду и Саксону грамматику. Не нужнымъ считаю повторять ихъ; немогу однако не сдѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматика о праздникѣ Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе что въ прежнихъ статьяхъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святovidу совершалось — говоритъ Саксо — такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ хра-

¹ Гельмольдъ. I, 52.

² Несторъ. 34, 39. Гельмольдъ. I, 52. Длугошь. V, 9.

момъ, приносили жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный пиръ. Жрецъ, за день передъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣшникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ бралъ изъ руки идола рогъ, и если находилъ, что напитокъ въ немъ убыно, то предсказывалъ бесплодный годъ, а если напитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старый напитокъ къ погамъ идола, въ возліаніе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ штъ прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣды. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ, и наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка.... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастью народа, но и обилію слѣдующей жатвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога, и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая какъ вѣрную награду за богопочитаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, остальная часть дня посвящалась пиршеству, на которомъ потреблялись жертвы, и долгомъ считали объѣдаться, почитая воздержность за стыдъ»¹. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи, забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустилъ изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ двухъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычниковъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляетъ предполагать, что если при служеніи Святovidу Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобные, съ

¹ Саксо грам 824—825.

такимъ-же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы идолопоклонства были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія¹.

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пиршества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго². Они совершались у самаго святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмины, въ которыхъ нировали люди болѣе знатныя. Такое назначеніе имѣли три контины, находившіяся при Штетинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдалища и скамьи, и во время пира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, ножи ипр³. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготавлиемы были и собираемы другія яства. Обычай собиранія яствъ въ общенародныя языческія праздники удѣлѣтъ и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, щедрованьи, и т. п.⁴ Что эти пиры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксона грамматика, замѣтившаго что пиръ, бывавшій во время осенняго торжества Арконскаго, совершался «именемъ вѣры». По этому-то на нихъ поминали боговъ, пили задравныя кубки, о славіи божіей, о помощи боговъ спасителей противъ бога зла, о будущемъ счастіи народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа⁵. Такъ-же ясно говоритъ и Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого пиръ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чашо и тако шют о долѣхъ своихъ⁶». Обычай пить, какъ выражаются Сербы, «здравицы» сохранился у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе.⁷— Къ празднованію пировъ принадлежали иѣсни и музыка, какъ

¹ Гельмольдъ. I, 52, 83.

² Гельмольдъ. I, 52 *Сефридъ*. 105.

³ *Сефридъ*. 105.

⁴ Когда собираютъ яства, хотя отъ дома къ дому.

⁵ Гельмольдъ. I, 52.

⁶ Востокова Опис. р. Рум. М. 228.

⁷ В. С. Караджичъ, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія Бернгарди, *Jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 337.

это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ вспоминаютъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе¹.

По окончаніи обѣда, начинались игрища, состоявшія въ пляскѣ, переряживаньи, разныхъ представленіяхъ, бояхъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ, важнѣйшія свидѣтельства, которыя сами собою безъ объясненій показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говоритъ Несторъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища².» Игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ тотъ-же Несторъ: дьяволъ льститъ превабля ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслями и русальи: видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, яко ушихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви³. Христолюбецъ въ своемъ словѣ увѣщаетъ, что «не подобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже естъ плясба, гудба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская⁴. О тѣхъ-же игрищахъ упоминаетъ Кириллъ Митрополитъ въ правилахъ: «паки же увѣдѣхомъ, бѣсовская еще дѣржаще обычая треклятыхъ Еллинъ въ божественныя праздники позоры нѣкаки бѣсовскыя творити, съ свистаніемъ и съ клнчемъ и въплемъ съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница и бьющеса дреколѣемъ до самыя смерти и възимающе отъ убиваемыхъ порты⁵. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити⁶. Но языческіе обычаи этимъ не кончились: они вездѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи

¹ Востокова, ib. 229.

² Несторъ. 6.

³ Несторъ. 73.

⁴ Востоковъ. ib. 228.

⁵ Рус. Достопаи. I. 114.

⁶ Арузыбышева, Повѣствованіе о Россіи. II. 235. Въ Зильской долигѣ, въ Каринтн, сохраняется отчасти до сихъ поръ странный обычай битъ бочки, какъ принадлежность храмоваго праздника.

къ намѣстнику Псковскому, при описаніи Купальскаго праздника, говоритъ и объ игрищахъ: «Егда не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбѣются въ бубны и сопѣли, и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличъ, всѣ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ выхляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе»¹. Обь обычаяхъ религиозныхъ игрищъ у Славянъ Польскихъ поминаетъ Длугошь: «Въ честь боговъ—говоритъ онъ—введены игры въ определенное время года. На нихъ толпы обоего пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, хлопаньемъ и разными движеніями. И хоть вотъ уже пятсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, но и доселѣ нѣкоторые изъ этихъ игоръ остались въ обычаяхъ»². Обь играхъ, слѣдовавшихъ за религиозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда³. Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, рассказывая, что Оттонъ, въ своемъ путешествіи близъ Пирица встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣснями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, изумившимъ путниковъ. Тамъ-же находимъ воспоминаніе о празднествѣ Юлинскомъ въ честь какого-то бога, обь играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества, и т. п.⁴ О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радованками», вспоминаетъ Козьма Пражскій, рассказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ⁵.

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаяхъ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослу-

¹ Карамзинъ. И. Г. Р. VII. пр. 372.

² Длугошь. V, 9.

³ Гельмольдъ. I, 52.

⁴ Бертольдъ, Geschichte d. Rügen und Pommern. I, 566. II, 35.

⁵ Козьма Пражскій. 21.

жебнымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношеніями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда поминаемы были души павшихъ въ боѣ. Опираясь на вѣрованіи въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ такъ-же весело и разнообразно, какъ и всякое другое религиозное празднество. Иорнандъ рассказываетъ, что «по смерти Атиллы, рыцари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ циркѣ, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы пиръ, совершаемый въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»¹. Слово «страва» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ². Теофилактъ, описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ напалъ на князя Мусокія въ распахъ, въ то время, когда князь этотъ, празднуя помины по своему братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями³. О тризнѣ по усопшимъ у Русскихъ поминаетъ Несторъ, говоря между прочимъ, что, совершая тризну по князѣ своему Малѣ, Древляне пили. Слово «тризна» въ смыслѣ поминovenія усопшихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ, да еще у Вацерада въ его Чешскихъ глоссахъ⁴. Коренной смыслъ этого слова былъ другой: «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнище» — мѣсто боя, а «тризникъ» — подвижникъ; «тризнити» въ Чешскомъ значить бить, а «тризновати» не только бить, но и насмѣхаться; въ Словацкомъ «трузнитися=тризнитися» — веселиться, играть⁵. Соображая всѣ эти значенія, можемъ заключить, что въ старину тризной называлось празднество, соединенное съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно сравнить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад-уюсь), названіе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ намогильной,

¹ Иорнандъ, De Getharum origine et rebus gestis. 49.

² Линде, Słownik. III. 431—432.

³ Теофилактъ у Стриттера, Mem. pop. II, 61.

⁴ Добровскій, Грам. Слав. I, 158. Вацерадъ. 228

⁵ Несторъ 6, 24, 29: тризна=тризно. Юнгманъ, Słownik. IV. 664.

но и въ играхъ'. Такъ и въ Бѣлой Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ'. У Поляковъ погребальный и поминальный пиръ называется «стыра» (сред. Лат. *stips*): онъ соединяется также съ пѣснями и играми. Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ замѣчаетъ Старовольскій: «Widziałem wiele razy pogrzeby krwią oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym drugiego zabitego do nieba, aby oznajmił, co za ludzie na stypie byli»¹. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя—какъ говорить Козьма Пражскій—совершались на перекресткахъ, какъ-бы для успокоенія душъ, и игрища надъ мертвыми, во время которыхъ переряживались и всячески бѣсились⁴. У Хорутанъ до недавняго времени сохранялся обычай пировать надъ мертвымъ, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.⁵.—Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ и общихъ, и совершавшихся по какому-нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то-же вѣрованіе въ благость боговъ, ту-же надежду на ихъ милость—и въ жизни и за гробомъ.

¹ *Снегиревъ*, Рус. праздники. III, 47—54.

² *Голембѣвскій*, *Lud polski*. 269.

³ *Линде*. V. 456.

⁴ *Козьма Пражскій*. 197.

⁵ *Вальвазоръ*, *Die Ehre des N. Krain Laibach*. 1689. II. 287—394.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ перечнѣ главныхъ положеній, къ которымъ доводитъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современныхъ и преданія о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ-бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противурѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одни другихъ взаимно. Изъ этого можно заключить, что главные основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ-же. Не мудрено, что были и мѣстные особенности, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главные черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительные догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощію однихъ догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь

извѣстны, не лѣзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно вникнуть и въ ихъ соотношенія съ частными мѣрами, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи мѣологии Славянъ и изысканій объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться не лѣзя, а изъ того, что уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.

III. Святилищами богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и—храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ; храмы—исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія, и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управлявшіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Не лѣзя сомнѣваться, что со временемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, — кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, — какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни сѣмейной, — какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ—славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жерт-

воприношеній выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ, молитвы жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнялись обрядомъ, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шопотомъ; а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсень и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрьяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсень, между которыми таятся и многія молитвы языческаго времени.

Жертвоприношенія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, — или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первыми соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества; со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ грѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли и по содержанию, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.

Гаданія, помощію жребія и объясненія божественныхъ проричаній, замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые посвящены были въ тайну проричанія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣрїями, но не состоявшія изъ нихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ свире-

менныхъ; изъ того-же, что до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣрій народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми — пляской, пѣснями, борьбой, и пр.

VI. Были особенные дни, посвященные богослужбнымъ торжествамъ, каждагодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ Славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.

ВУКЪ СТЕФАНОВИЧЪ

КАРАДЖИЧЪ,

ОЧЕРКЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

И. Срезневскаго.

Печатать позволяется. Москва, 1846 года Марта 16 дня.

Ц. нсоръ И. Снегиревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ВУКЪ СТЕФАНОВИЧЪ

КАРАДЖИЧЪ.

ОЧЕРКЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

Человѣкъ невысокаго росту, подѣ шестдесятъ лѣтъ, въ очѣнь длинномъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, лѣвая нога его поднята и опирается колѣномъ на «штулу» (костыль), что заставляетъ его ходить тихо, какъ не ходитъ никто; — лице у него — одно изъ тѣхъ лицъ, какія можно видѣть только въ Украйнѣ и Сербіи, лице какъ будто треугольное съ выдавшимися скулами, со впалыми, небольшими, карими, сверкающими глазами, рѣдко не опущенными въ землю, и широкія, полусѣрыя пряди бровей и усовъ придаютъ этому лицу какое-то суровое выраженіе. По этимъ признакамъ легко узнать Вука Стефановича Караджича, легко отличить его отъ сотней другихъ болѣе или менѣе оригинальныхъ лицъ, обращающихъ на себя вниманіе въ Вѣнѣ.

Маленькую квартиру, въ три комнаты, занимаетъ онъ издавна въ Landstrasse на Ober-Reissner Gasse. (*)

(*) Такъ было до 1842 года, когда конченъ этотъ очеркъ. Теперь Вукъ переселился, кажется, во дворецъ Князя Милоша.

Вы войдете въ дворикъ, потомъ въ сѣни, поднимитесь по лѣстницѣ, направо, позвоните, спросите: «ist der Herr Doctor zu Hause?» получите въ отвѣтъ: «Belieben Sie nur herein zu spazieren,» и черезъ семейную комнату, заставленную постелями и постельками, гдѣ увидите и его добрую, милую жену, и трехъ дѣтокъ, войдете въ крошечный кабинетъ. Тамъ сидитъ онъ на софѣ, передъ столомъ, заваленнымъ разнымъ бумажнымъ и книжнымъ хламомъ, въ красной Сербской «капль» (калпакъ—шапочкѣ), съ четками въ рукахъ, между тѣмъ какъ шула важно покоится близъ своей ноги. Приемъ Вука простъ, но ласковъ, или, лучше сказать, радушенъ. Усадивши васъ, въ чемъ не можетъ не принять участія и его шула, онъ попроситъ у васъ позволенія остаться въ капль — не потому что длинные, рѣдкіе волосы едва прикрываютъ его голову, а потому что Сербская привычка — оставаться всегда и вездѣ въ капль, сдѣлала его слишкомъ подверженнымъ головной простудѣ. Можете съ нимъ говорить по Нѣмецки, по Русски, по Сербски; будете имъ поняты, если станете говорить и по Чешски, или по Польски. По Нѣмецки и по Русски онъ говорить хорошо; но, если только вамъ не совершенно чуждъ языкъ Сербскій, попросите его говорить роднымъ языкомъ: онъ не будетъ говорить дикой смѣсью Старо-Славянскаго, Русскаго и Сербскаго, а живымъ народнымъ языкомъ. Вы увидите тогда, какъ всякое народное, простонародное нарѣчіе, управляемое умомъ и чувствомъ знатока, становится способнымъ выражать все, что угодно, и все въ духѣ народномъ. Если желаете узнать его изъ разговора, заговорите съ нимъ о Сербяхъ, ихъ

правахъ и обычаяхъ, ихъ успѣхахъ, о чемъ хотите Сербскомъ; мало по малу оживляясь и оживляя васъ своимъ простымъ, но полнымъ глубокаго смысла разсказомъ, онъ введетъ васъ въ очарованный кругъ Сербскаго народа, какъ будто въ новый, и между тѣмъ вашей душѣ знакомый, не фантастическій міръ. Послушавши нѣсколько разъ его разсказы о Сербсахъ, вы станете столько же любить Сербовъ, сколько и уважать его самаго за его любовь къ нимъ и за знаніе ихъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Въ Срезѣ Ядрскомъ (окружія Подринскаго) есть между общинами одна, называемая Тершичь. Въ давнее время въ этомъ мѣстѣ было село, но пришла, какъ говорятъ, кума-чума, «поморила и старо и младо» и оставила село пустымъ селищемъ. Еще и до сихъ поръ сохранилось названіе стараго села, и до сихъ поръ видны слѣды прежнихъ жилищъ — мѣста, гдѣ стояли «кучи» (домики) и клѣти, около нихъ старыя груши и яблони . . . Впустѣ стояли окрестныя нивы до войны Австріи съ Турками, 1737—1739 года. Война была для Австрійцевъ несчастлива: они были разбиты и подъ Вакупомъ, и у Баньей Луки, и у Ниша; впрочемъ Генералу Лентулусу удалось проникнуть до Албаніи, въ округъ Кучи, принадлежащій теперъ Черногоріи, и найти въ самыхъ жителяхъ тамошнихъ помощь противъ Турокъ. Когда же онъ долженъ былъ возвратиться назадъ, съ нимъ вмѣстѣ пошли и многіе, служившіе въ его войскѣ, Болгаре, Албанцы и Эрцеговцы. Одни изъ нихъ были вытребованы Турками обратно и большею частію повѣшены; другіе были счастливы и съ семьями своими переселились на-всегда въ

Славонію и Венгрію. Въ это время, какъ извѣстно, и Патріархъ Сербскій, оставивъ Ипекъ, поселился на Дунаѣ въ Карловцахъ. Нѣкоторые изъ Эрцеговцевъ, не возвратясь домой, остались у Дрины, въ нынѣшней собственной Сербіи, и, нашедши праздыми мѣста около Старосельскаго селища, поселились тамъ, ближе къ горѣ, по обычаю Сербскому—чѣмъ ближе лѣсъ, «гора», тѣмъ ближе дрова и далѣе Турки,—поселились и перевели къ себѣ не только свои семьи, но и родственниковъ. Между ними были Добриловичи, Гергуревичи изъ Пивы, Ивановичи изъ Рудина, Баньянцы изъ Баньянъ, а также и Караджичи изъ Дробняка, всего семей до сорока. Все новое поселеніе было изъ чистыхъ Эрцеговцевъ; одинъ только какой-то Јовица, женатый на Эрцеговской вдовѣ, былъ между ними «шијакъ», чужой человѣкъ (*шијаками* называютъ тѣхъ, которые говорятъ вмѣсто *ь* простое *е*, не смягчая предъидущей согласной). Это поселеніе, называвшееся, можетъ быть, старымъ именемъ Тершича, и до сихъ поръ если ничѣмъ другимъ, то по крайней мѣрѣ выговоромъ буквы *ь* отличается отъ многихъ другихъ жителей окрестныхъ мѣстъ.

Въ этомъ-то Тершичѣ родился Вукъ Стефановичъ Караджичъ, на Дмитріевъ день (26 Октября), 1787 года. Отецъ его, Стефанъ Јоксимовъ (Осиповъ), былъ родомъ изъ Тершича, а мать, Јегда Симова Зерничева, роду также Эрцеговскаго, (Никшичскаго). У Јегды было прежде уже пятеро дѣтей; но всѣ они, одинъ за другимъ, не доростя, исчахли и пошли въ могилу. Горько было матери: кто думалъ про себя, а кто и говорилъ ей, что, вѣрно, ея бѣдныхъ дѣтей «*vještice jedu*» (вѣдьмы ѣдятъ). Чтò-бы сдѣ-

латъ, чтобы и этого новорожденца не изъѣли вѣдьмы?—стали разсуждать въ кучи Стефановой и придумали дать ему имя волка: «*vjештице не смије на вука*». Вздумано и сдѣлано. Пошелъ расти Вукъ,—и, на радость роднымъ, на славу Сербовъ и всѣхъ Славянъ, ни одна вѣщуныя его не изгубила (*).

Не странное-ли дѣло, въ Сербіи, гдѣ и теперь еще училищъ такъ мало, гдѣ прежде и вовсе ихъ не было, гдѣ и самыя книги такъ рѣдки,—въ Сербіи есть гораздо болѣе людей, разумѣющихъ грамоту, нежели какъ бы можно было вообразить. Богъ знаетъ, въ прежнее время было ихъ, можетъ быть, и еще болѣе. По крайней мѣрѣ, въ рѣдкой Сербской пѣсни не «*пише*» или не «*учи*» (читаетъ) «*книгу ситну*» (мелко-написанное письмо) тотъ или другой «*јунак*», та или другая «*лѹба*» или «*вјереница*». Такъ и въ Тершичѣ печатныхъ книгъ, можетъ быть, не было и двухъ; а Вукъ дитею научился читать и писать такъ изрядно, что даже не помнитъ времени, когда былъ неграмотнымъ. Первымъ учителемъ его былъ его родственникъ, Жефта Севичъ, прозваніемъ Чатричь: разведетъ бывало пороху въ водѣ, возьметъ клочекъ патронной бумаги, да и давай писать буквы и заставлять Вука учить ихъ. Уже позже, позже добылъ Жефта своему внуку какой-то, чуть-ли не Московскій, букварь, съ картинками, между которыми болѣе другихъ забавляла Вука какая-то чудная птица,

(*) Что касается до возможности дать такое названіе, то она опиралась на обычай Сербскомъ, существующемъ и у Поляковъ, давать дѣтямъ имена совершенно по произволу, не заглядывая въ календарь и не думая объ именахъ Святыхъ. Въмѣсто патроновъ частныхъ для каждаго лица, они имѣютъ патроновъ домашнихъ, для цѣлой семьи и дома.

Этотъ букварь очень утѣшалъ Вука. Бывало, ходя по селу, или по дорогѣ, и читая букварь, онъ не пропускалъ никого, отъ кого надѣялся получить отвѣтъ, чтобы не спросить, такъ-ли онъ читаетъ то, или другое. Чуть завидитъ такого человѣка, купца-ли, попа, или монаха, лишь бы не Турка,—что было легко отличить по одеждѣ,—скинетъ передъ нимъ капю, «*полѣуби у руку*» (поцѣлуетъ руку), и поставитъ ему букварь передъ глава: «*молим тебе, мајсторе*» (если то былъ купецъ), или «*попо*» (если то былъ священникъ), или «*дуовниче*» (если то былъ монахъ), «*молим тебе, кажи ми*» (читай мнѣ, пожалуста, такъ, чтобы я могъ за тобою повторять). Потомъ опять поцѣлуетъ руку, скажетъ «*фала*» (спасибо),—и далѣе пошелъ твердить свой букварь. Случалось и такъ, особенно съ купцами, что на свою просьбу Вукъ получалъ только такой отвѣтъ: «*Бог ми, синко, не знам ни ја*» (право, сынокъ, и я не знаю).

Въ концѣ 1795 года, когда Вуку было 8 лѣтъ, одинъ изъ Гершичскихъ селянъ, Гергуревичъ, завелъ небольшое училище въ городкѣ Лозницѣ. Послалъ туда и Стефанъ своего Вука. Повторивши «*бѣкавицу*» (азбуку), принялся Вукъ за «*чѣловац*» (часословецъ), и становился уже молодцемъ «*часловецемъ*», когда чума пришла на бѣду многимъ въ Лозницу, разогнала учениковъ, отогнала и Вука домой. Стефанъ подождалъ мѣсяца два—три, и послалъ Вука въ другую школу—въ Монастырь Трношу. Сюда не пришла чума; но чума своего рода для отцевъ учащихся дѣтей была и остается до сихъ поръ въ монастыряхъ Сербскихъ. Монахи Сербскіе проводятъ свое время въ молитвахъ и заботахъ о

своемъ хозяйствѣ, и ничего другаго не считаютъ принадлежащимъ къ числу своихъ обязанностей; о народѣ, о распростраченіи въ немъ свѣта истины, они не думаютъ;—если гдѣ, въ монастыряхъ, есть ученики, то они не столько учатся, сколько занимаются другими полезными дѣлами, на пр. пасутъ козъ и свиней монастырскихъ, полютъ лукъ, собираютъ сѣно или сливы, метутъ кельи, топятъ печи, поятъ монастырскихъ лошадей, и т. п. Такъ и Вука въ Троношѣ заставили пасти козъ; а между тѣмъ Стефанъ нанималъ для своихъ козъ пастуха. «*Ако је тако—еказалъ Стефанъ Вуку—оди кући, те чувај наше козе*» (если такъ, то иди лучше домой и паси своихъ козъ), и оставилъ Вука дома, сколько это ни было ему досадно, потому что Стефанъ, видя въ своемъ Вукѣ «*отворено дијете*» (бойкое дитя), желалъ въ немъ видѣть со-временемъ купца, или священника, и хотѣлъ дать ему для этого приличное воспитаніе.

Какъ бы то ни было, Вукъ не забывалъ того, что выучилъ, повторялъ, прочитывалъ и кое-что новое, потому что отецъ купилъ ему и житіе Алексія чюдотворца Божія, и Жертву Авраамову, и Мѣсяцословъ, и Требникъ. Вышло, что и безъ пособія школы, во семнадцатому году, Вукъ въ своемъ краѣ и слылъ и былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей. Не мудрено: онъ умѣлъ сказать, поглядѣвши на любую Европейскую монету, когда она чеканена, зналъ, когда будетъ какой праздникъ, и притомъ не только бывало напишетъ, но и прочтетъ любое писъмо. Не мудрено, что былъ уважаемъ не по лѣтамъ: всякая женщина цѣловала ему, какъ-бы и первому «*кмету*,» руку; на свадебныхъ и крестоменныхъ прахъ ему было

всегда готово мѣсто или подлѣ священника, или первое; а на мірскія сходки его звали вмѣсто отца, даже и самъ Бегъ Сулейманъ-Бегъ-Алај-Беговичъ, владѣтель Тершича, пріѣзжавшій изъ Эрцеговины ежегодно собирать обычную подать съ жителей, призывалъ его къ себѣ какъ писаря, и, въ знакъ благодарности и уваженія къ Вуку, сажалъ его за обѣденную «софру» (столикъ въ видѣ подноса на очень низкихъ ножкахъ) вмѣстѣ съ собою. Какъ было послѣ этого не гордиться Вукомъ его матери и отцу! Jegду огорчало только то, что Вукъ, хотя и былъ уже семнадцати лѣтъ, оставался однако не по лѣтамъ недоросткомъ; но ей была въ утѣшеніе пословица: «*Дукат је мали новац, але вриједи више од талијера*» (червонецъ малая монета, а стоитъ больше талера). Одинъ Вукъ не былъ совершенно доволенъ собою: отецъ совѣтовалъ ему идти въ какой нибудь городъ и сдѣлаться тамъ купцомъ, или проситься въ священники: а Вукъ не хотѣлъ въ городъ, чтобы оставаться подалѣе отъ Турокъ, не хотѣлъ и въ священники, чтобы остаться на свobodѣ. Однако хотѣлось Вуку—учиться,—и онъ просилъ отца пустить его за границу Сербіи, въ Срѣмъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, учатъ и многимъ другимъ книгамъ, кромѣ Часослова и Псалтыря; но отецъ этого и слышать не хотѣлъ, не желая пустить его далеко отъ себя.

Такъ застала Вука Сербская «*Караѳорѣва буна*» (возстаніе Георгія Чернаго), 1804 года. Стефанъ пошелъ было самъ съ другими на Турокъ: но о Вукѣ уже знали, и нуждались въ людяхъ грамотныхъ. Стефана послали домой, а потребовали вмѣсто его Вука и сдѣлали его писаремъ. Скоро однако

случай, хотъ и несчастный, исполнилъ давнее желаніе Вука идти въ Срѣмъ. Турки напали на Ядрскій Срѣзъ, разорили его, выжгли; тутъ сгорѣлъ и домъ Стефановъ, «стока» (стадо) его была вся отогнана, и Стефанъ, бывши прежде очень зажиточнымъ селяниномъ, совершенно обнищаль. Вукъ сталъ опять проситься у отца и матери отпустить его въ Срѣмъ, говоря имъ, что иначе онъ долженъ будетъ по неволѣ сдѣлаться гайдукомъ (разбойникомъ). «*Kad je tako, da ti je просто*» (если такъ, то Богъ съ тобой), отвѣчали Стефанъ и Јегда, и благословили Вука въ путь.—Вукъ пошелъ въ Карловцы. Годъ онъ учился дома; годъ въ училищѣ, занимаясь Латинской, Славянской и Нѣмецкой грамматикой. На третій годъ онъ хотѣлъ было перейти въ Гимназію; но когда сталъ проситься, ему сказали: что это для него уже поздно, что девятнадцатилѣтній «момакъ» уже не годится для Гимназіи, и увѣрили, что онъ для Сербіи приготовленъ довольно, что онъ какъ разъ будетъ, чѣмъ захочетъ, попомъ-ли, учителемъ, или писаремъ. Такъ Вука, если не то, такъ другое, если не чума, такъ козы, а не козы, такъ сами учителя, отгоняли отъ ученія. Съ горемъ оставилъ онъ Карловцы, и поѣхалъ въ Петриню, гдѣ думалъ продолжать учиться по Нѣмецки; но не столько учился, сколько гулялъ, и весною 1807 воротился въ Сербію.—Онъ сдѣлался писаремъ у Якова Ненадовича, а потомъ, когда его родственникъ, прежній учитель, сдѣлался Совѣтникомъ въ Бѣлградѣ, перешелъ и Вукъ въ Бѣлградъ, и былъ писаремъ въ Совѣтѣ,—и между тѣмъ учился у знаменитаго Юговича сочинять письма по Нѣмецки. Тутъ подъ покровительствомъ двухъ своихъ учителей, перваго и

последняго, провелъ Вукъ свое последнее учебное время. Тутъ и самъ онъ увидѣлъ, что училищное ученье для него поздно, и рѣшился по возможности вознаграждать недостатокъ школьнаго образованія чтеніемъ книгъ. Не одному Вуку книги помогли болѣе всѣхъ дешевыхъ и дорогихъ учителей.

Однажды вечеромъ, въ то незабвенное время, когда мы съ Вукомъ проводили вечера обыкновенно вмѣстѣ, разговорились мы съ нимъ о современной Сербской литературѣ. Отъ одного къ другому, — и я спросилъ его, какъ сдѣлался онъ писателемъ? Вукъ улыбнулся, потомъ задумался, потомъ опять улыбнулся, сверкнувъ своими яркими глазами, и отвѣчалъ: «э, я такъ думаю: безъ вотъ этой штуки, да безъ моей доброй жены и безъ благороднаго Копитара, я бы писателемъ не былъ; а любовь странствовать помогла въ свою очередь.» Этимъ начался его рассказъ о своей жизни, рассказъ, который сталъ и поводомъ и источникомъ очерка мною начатаго...

Вукъ заболѣлъ въ 1808 году, когда еще былъ писаремъ въ Совѣтъ. Болѣзнь все болѣе усиливалась, и на зиму 1808 года Вукъ рѣшился оставить Бѣлградъ и ѣхать домой въ Тершичь. Прежде болѣли и руки и ноги, потомъ стала болѣть особенно лѣвая нога, и кончилось тѣмъ, что чашечка въ колѣнѣ приросла къ кости такъ, что нога не могла двигаться. Вукъ надѣялся было, что ему помогутъ минеральныя воды, и въ 1809 году ѣздилъ на воды въ Мехадію, потомъ въ Новый Садъ (Neusatz), потомъ въ Буду (Ofen); но ничто не помогло. Ногу надобно было поставить колѣномъ на костыль, протискиваясь на всегда съ выгодами здороваго человѣ-

ка. «Со штулой—говорилъ мнѣ Вукъ—я уже не могъ думать ни о конѣ, ни о войнѣ, и—волей-неволей долженъ былъ привыкать, сколько могъ, къ жизни домосѣдлой. Не будь со мною штулы, а бы, можетъ быть, давно убитъ былъ Турками, какъ множество другихъ моихъ сверстниковъ; а штука моя заставила меня искать покоя, покойнаго чтенія книги, покойнаго записыванія на бумагѣ того, что слышало ухо и видѣли глаза.—Не меньше штулы, удерживала меня на мѣстѣ и жена....—Но извините, что я васъ прерву; жена ваша Вѣнка; а до пріѣзда въ Вѣпу, вы не были женаты, не любили?—Женатъ не былъ, влюбленъ тоже не былъ; впрочемъ могъ жениться, а можетъ быть и влюбиться. Вашъ вопросъ напоминаетъ мнѣ о Ружѣ Тодоровой. Родители ея и мои были сосѣди и жили въ пріѣзди. Мать Ружи была первою красавицей въ нашемъ селѣ, первой «*гиздой*», и «*кититисе*» (наряжаться) умѣла со вкусомъ; Ружа была тоже прежде миленькой дѣвочкой, а потомъ и миленькой дѣвушкой. Росли мы вмѣстѣ и она мнѣ—такъ, правилась, а можетъ быть, и я ей; впрочемъ это была самая обыкновенная сельская дружба. Родители наши думали впрочемъ иначе. Отецъ Ружи говорилъ мнѣ: «*дат'ку ти дјевојку*» (выдамъ за тебя дочку),—и хотя я, слыша это, сердился, но между нашими родителями дѣло, какъ будто, было уже слажено. Съ 1804 года, когда я пошелъ въ Карловци, я не видалъ ее до тѣхъ поръ, пока въ 1809 воротился домой больнымъ. Однажды Ружа пришла къ намъ въ домъ, не знаю зачѣмъ. Мнѣ хотѣлось ее увидѣть, и, по моему желанію, она пришла изъ кухни въ «*собу*» (комнату), гдѣ я лежалъ; пришла и поцѣловала мнѣ руку. Я взялъ ее за

руку, спросилъ ее: «*јеси-ли велика наросла?*» (а что, ты выросла?) Она отвѣчала: «*это видиш, велика*» (видишь какая), и прибавила: «*а куда си ти отбјо у свијет, оставио отца и матер! да ти није болест доферала, не би ни сад куѣи дошао!*» (а ты куда зашелъ въ свѣтъ, оставивши отца и мать! Если бы не болѣзнь, то ты бы и теперъ не пришелъ на родину!) Почти этимъ и кончился нашъ разговоръ.— Не излечившись дома, я, какъ вы знаете, поѣхалъ на воды.... Въ 1812 году я былъ въ Бѣлградѣ, когда однажды ко мнѣ приходитъ изъ нашего села посолъ отъ Ружина отца: «*ишту Ружу лјуди, просе*» (Ружу заискивають, сватають) говорилъ онъ мнѣ, напомнилъ о давнемъ уговорѣ нашихъ родителей, по которому все таки я оставался первымъ женихомъ Ружи, такъ, что и теперъ, когда за нее сватался другой, ее не хотѣли отдать, не зная, что скажу я. Я отвѣчалъ послу, что «*сад мени није до женитбе, а да од Бога јој среќа*» (теперъ мнѣ не до женитьбы, а ей желаю счастья отъ Бога). Съ этимъ отвѣтомъ посолъ воротился въ Тершичь, — и Ружа вышла за мужъ.... Теперъ ея уже нѣтъ въ живыхъ. А я женился на Нѣмкѣ.—Съ семействомъ Краусовъ я познакомился уже въ первый мой приѣздъ въ Вѣну, въ 1813 году, когда, подобно Георгію Черному, принужденъ былъ оставить Сербію; принятъ былъ въ немъ родственно; еще болѣе сблизился во время моей болѣзни, когда старушка Краусъ и дочь ея Анна ухаживали за мною, какъ за близкимъ роднымъ; тогда же задумалъ предложить Аннѣ руку, и не предложилъ только потому, что боялся столько же своего православнаго суевѣрія, сколько и суевѣрія римокатолическаго семейства Краусовъ: отда-

дуть-ли Нѣмку за меня, Серба. Время упрочило нашу взаимную привязанность, и въ 1808 году Анна Краусъ стала моею женою. Хорошая жена, добрая мать, добрая хозяйка, она раздѣляла со мною все неудобства и перевероты жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не полюбить своей Вѣны, предпочитала ее всѣмъ другимъ городамъ и царствамъ, и уговаривая жить въ Вѣнѣ, заставляла меня вмѣстѣ съ тѣмъ волей-неволей заниматься литературой. Будучи далеко отъ Сербіи, я былъ въ ней и съ нею думою въ Вѣнѣ; старался припоминать и записывать о ней все, что зналъ и удалялся изъ Вѣны только для того, чтобы увидѣть Сербію, или какой другой край Сербскаго народа, и, собравъ новые матеріалы для трудовъ, ворочался въ Вѣну снова трудиться надъ Сербскими записками. — Впрочемъ главной виной, что и я писатель, на всегда останется Копитаръ: въ этомъ отношеніи я обязанъ ему, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, многимъ, очень многимъ. Надобно испытать такъ, какъ я, этого истинно благороднаго человѣка, чтобы имѣть къ нему то уваженіе, какого онъ достоинъ — и какъ ученый, и какъ человѣкъ... Въ концѣ 1813 года я пріѣхалъ въ первый разъ въ Вѣну....—Позвольте, Вукъ Стефановичъ! мнѣ бы хотѣлось прежде знать, въ какой мѣрѣ вы въ своей душѣ приготовлены были къ званію такого писателя, какимъ вы сдѣлались, прежде нежели пріѣхали въ Вѣну,—въ какой мѣрѣ любили и уважали народность?—На этотъ вопросъ Вукъ отвѣчалъ мнѣ такъ: Вы уже знаете: я былъ изъ народа, провелъ молодость между народомъ, все Сербское народное было мнѣ природнымъ; обстоятельства позволили развиться этому чувству пристрастія къ моему родно-

му. Что языкъ мой народенъ, это естественно. Я не зналъ другаго, говорилъ какъ зналъ, старался моимъ языкомъ выражать все, что мнѣ было нужно, старался изучать его, разумѣется не по правиламъ, а безотчетливо, думая только о томъ, чтобы имѣть въ головѣ побольше словъ и выраженій и употреблять ихъ кстати. Въ концѣ 1810 года, не получивши облегченія отъ болѣзни въ Будѣ, я возвратился въ Бѣлградъ и сдѣланъ былъ учителемъ въ Бѣлградской школѣ. Учителемъ такимъ, какимъ мнѣ быть хотѣлось, я не былъ; но знаніе языка народнаго и тогда уже было замѣчено моими товарищами, которые были большею частію изъ Сербовъ Венгерскихъ, — и меня называли знатокомъ Сербскаго языка. Такое мнѣніе о мнѣ подстрекало мое самолюбіе, и я не упускалъ никогда случая оправдать добрую мысль о моемъ знаніи языка, вслушивался въ говоръ народа, старательно замѣчалъ все, что мнѣ казалось въ немъ любопытнымъ. Особенно полезно было для меня время, когда я въ 1813 году былъ судьей въ Борзой-Паланкѣ: тутъ я внимательно слушалъ судящихся селянъ, и всякое слово, мнѣ незнакомое, немедленно замѣчалъ на бумагѣ, безъ всякой литературной цѣли, о которой тогда мнѣ и не грезилося, а такъ, для себя. Еще легче мнѣ было знать и узнавать обычаи народа: я самъ въ нихъ участвовалъ, зналъ ихъ, какъ знаетъ всякій селянинъ, не испортившій своихъ сельскихъ понятій понятіями городскихими; любилъ ихъ и любилъ объ нихъ спрашивать, какъ любопытный мужикъ.... Впрочемъ, что я сдѣлался писателемъ и даже такимъ писателемъ, какимъ вы меня понимаете, я обязанъ единственно Копитару. Въ 1813 году, въ одно время съ Георг-

гіемъ Чернымъ, и я оставилъ Сербію и прїѣхалъ въ Вѣну, самъ не зная и не думая, что изъ меня будетъ. Копитаръ, хоть и былъ еще молодъ въ то время, но былъ уже цензоръ; цензуръ его принадлежали между прочимъ и «*Сербске Новине,*» которыя тогда издавали въ Вѣнѣ Фрушичъ и Давидовичъ. Копитаръ убѣждалъ издателей заняться составленіемъ чисто Сербской грамматики, представляя имъ тутъ же, что языкъ, которымъ они пишутъ, не можетъ быть чисто Сербскимъ. Отъ предложенія Копитарова они не отказывались, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не знали другаго языка, кромѣ того, на которомъ писали и говорили, а языкъ простаго народа считали языкомъ пастуховъ, языкомъ свиныйарскимъ и говядарскимъ. Въ это время написалъ и я статейку о паденіи Сербіи въ видѣ письма къ Георгію Черному и подавъ въ цензуру. Доставшись въ руки Копитару, она обратила на себя его вниманіе странностію языка. Копитаръ пожелалъ меня увидѣть, и сблизился со мною. Между разговорами была рѣчь и о народныхъ Сербскихъ пѣсняхъ. Копитаръ, увидя, что я ихъ знаю много, сталъ меня убѣждать записывать ихъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а потомъ и съ Богомъ, печатать. «*Э шта ку!*» (ну, что будешь дѣлать), меня это заняло, и я давай писать пѣсни; а чего самъ не зналъ, то спрашивалъ у моей родственницы, жены С. В. Живковича, съ которымъ вмѣстѣ прїѣхалъ въ Вѣну. Набралась порядочная тетрадь ихъ и вышла въ свѣтъ подъ именемъ «*Сърбске простонародне песмарице.*» Въ то же время, слыша отъ Копитара о грамматикѣ, и самъ не зная, какъ писать грамматику, я сталъ предлагать Фрушичу и Давидовичу писать Сербскую грамматику вмѣстѣ, чтобы

изъ моск. лит. и уч. сбор. 2

они помогали мнѣ своимъ искусствомъ, а я имъ своимъ знаніемъ Сербскаго языка. «*Э, профѣ се буда-лаштине!*» (оставь эту глупость) отвѣчали они, и такъ это и осталось. Образуюсь однако все болѣе разговорами съ Копитаромъ, все болѣе чувствуя потребность Сербской грамматики для самого себя, я рѣшился попробовать написать ее самъ, и, взявши подъ руку Славянскую грамматику Мразовича, сталъ переписывать изъ нея склоненія и спряженія, поправляя по Сербски. Эта жалкая проба Сербской грамматики, которой я долженъ теперь стыдиться, была напечатана въ 1814 году. Копитаръ не скрывалъ отъ меня недостатковъ этой книжонки; но радъ былъ, что она напечатана уже потому, что надвѣлся на мое честолюбіе, на то, что я не захочу остаться только при такомъ началѣ, и, убѣждая трудиться далѣе, совѣтовалъ приготавливать себя къ труду грамматическому другими вспомогательными трудами. По его совѣту, ѣздя въ Срѣмъ и Карловцы, я продолжалъ собирать народныя пѣсни, и, воротясь въ Вѣну, издалъ вторую книжку «*Песмарицы,*» посвятивъ ее Копитару. — И прежде уговаривалъ меня Копитаръ заняться собраніемъ народныхъ Сербскихъ словъ; я и обѣщалъ ему; но все изъ этого ничего не было. Однажды наконецъ прищелъ онъ ко мнѣ, принесъ съ собою цѣлую стопу бумаги, разрѣзанную на лоскутки. «*Припоминайте-ка себѣ слова, какія знаете, что употребляются народомъ, и записывайте на этихъ лоскуткахъ, каждое на отдѣльномъ лоскуткѣ. Мало по малу наберется ихъ и цѣлый словарь.*» Работа была не трудная, и я сталъ ею заниматься прилежно. Чтобы облегчить меня еще болѣе, Копитаръ подарилъ мнѣ для просмотра сло-

варь Вольтиджи, а потомъ и словарь Бѣлостенца, Ямбришича, Стулли. Я впрочемъ болѣе просматривалъ эти словари, чѣмъ читалъ, писалъ на лоскутки слова больше изъ головы, и никогда не бралъ изъ словарей такихъ словъ, о которыхъ не могъ сказать съ увѣренностію, что они употребляются въ народѣ. Возвратившись въ концѣ 1816 года въ Вѣну, и привезъ съ собою уже порядочно большую книгу лоскутковъ съ Сербскими словами. Тогда началась у насъ работа вмѣстѣ съ Копитаромъ. Онъ приходилъ ко мнѣ каждый день передъ вечеромъ, не глядя ни на дождь, ни на грязь, и мы просиживали до свѣта. Я бралъ лоскутки одинъ за другимъ и объяснялъ ему значеніе каждаго слова, объяснялъ до тѣхъ поръ, пока видѣлъ, что Копитаръ совершенно понималъ, а Копитаръ переводилъ слова по Нѣмецки и по Латини, справляясь въ случаяхъ сомнительныхъ съ лексиконами Аделунга, Шеллера и др. Иногда, гдѣ ему казалось нужнымъ, онъ заставлялъ меня записать примѣръ, который бы могъ облегчить уразумѣніе смысла слова, или цѣлое описаніе предмета, обычая и т. п. Каждый день подвигалъ нашу работу впередъ, и лексиконъ такимъ образомъ былъ готовъ къ печати, и напечатанъ въ 1818 году. Это время ежедневныхъ разговоровъ съ Копитаромъ останется для меня навсегда незабвеннымъ: тогда-то мое прежнее, хоть и подробное, но безотчетливое знаніе Сербскаго языка оживилось отчетливостію; каждый день была возможность подумать и о формѣ слова, и о его грамматическихъ измѣненіяхъ и о различіи произношенія по мѣстнымъ говорамъ, и о синтаксическихъ сложеніяхъ словъ... Такъ поставленный на ноги Копитаромъ, я мало по малу ознакомился съ своимъ дѣломъ.

и теперь—вы знаете, какое удовольствіе доставляют мнѣ мои литературныя занятія. Я не ищу славы, не стараюсь заслужить похвалы многихъ: я бы желалъ, чтобы, по моей смерти, человѣкъ, знающій дѣло, могъ, читая мои книги, быть увѣренъ, что я вѣрно передавалъ, что зналъ. Пиша что бы то ни было, я всегда думаю, что скажетъ объ этомъ Копитаръ, или Шафарикъ, или Гриммъ; а о другихъ не забочусь. *«Нека ви чу како им драго; свему свијету нико угодити не може»* (пусть себѣ кричатъ; всему свѣту никто не угодить).»

И вотъ прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Вукъ въ первый разъ выступилъ на литературное поприще. Всѣ главные труды его окончены, или приходятъ къ концу. Матеріалы, имъ собранные и еще не изданные, состоятъ изъ однихъ только дополненій и поправокъ того, что уже имъ издано. Къ заслугамъ своимъ онъ можетъ прибавить очень немногое, и кто бы захотѣлъ оцѣнить этѣ заслуги, тому довольно знать и одно то, что уже сдѣлано Вукомъ. Не съ тѣмъ однако, чтобы оцѣнять заслуги, оказанныя Вукомъ литературѣ Сербской, предположилъ я себѣ сдѣлать перечень фактовъ его литературной жизни; пусть имъ воспользуется для этой цѣли кто другой, если найдетъ его достойнымъ; мое дѣло—только указать, что сдѣлано Вукомъ.

Начнемъ съ его трудовъ языкословныхъ.—Главный изъ нихъ есть—*«Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима, скупно и на свијет издао Вук Стефановић у Бечу. 1818»*. (8° LXXXI+828). Какъ словарь, эта книга не заклю-

часть въ себѣ, конечно, полного собранія Сербскихъ словъ , и при второмъ изданіи , которое Вукъ издавна приготовляетъ , увеличится почти вдвое; но, съ другой стороны , къ ней же , какъ къ лучшему Сербскому Словарю , . всякій , изучающій Сербское нарѣчіе , можетъ обращаться съ полною довѣренностію : въ ней найдетъ онъ только то , что дѣйствительно принадлежитъ Сербскому нарѣчію , будь оно Славянское или чужестранное , принятое цѣлымъ народомъ , а не по прихоти частныхъ людей ,—и все объяснено , хотя не всегда съ одинаковою полнотою и подробностію , но всегда вѣрно. Вниманія читателей не могутъ не обратить особенно объясненія этнографическія , важныя , часто необходимыя для уразумѣнія памятниковъ народной Словесности. До сихъ поръ , и прежде и послѣ Вука , составители Словарей , и Славянскихъ и другихъ , на эту часть заботъ , имъ принадлежащихъ , или очень мало , или и вовсе не обращали вниманія , представляя ихъ Этнографамъ , Археологамъ и т. п. Вукъ первый понялъ , что Словарь языка долженъ быть не однимъ дополненіемъ къ его грамматикѣ , а полнымъ пособіемъ для изученія всѣхъ элементовъ образованности народа въ ея мѣстномъ развитіи , и что если составитель Словаря обязанъ объяснить каждое слово , то тѣмъ болѣе долженъ заботиться о вѣрномъ объясненіи словъ , по своему значенію принадлежащихъ только народу , котораго языкъ онъ описываетъ. Не менѣе важно въ Словарѣ Вука то , что въ немъ обращено вниманіе на разнообразіе удареній въ словахъ и употреблено правописаніе , совершенно послѣдовательное , устранившее всякое сомнѣніе о томъ , такъ или иначе должно выговорить слово.

Немногіе еще изъ писателей Сербскихъ слѣдуютъ этому правописанію, образцовому въ литературу Славянскую; увлекаясь привычкой къ правописанію старому, Сербо-Славяно-Русскому, многіе бранятъ Вука,—но между тѣмъ все болѣе сближаются съ нимъ (*). — Къ словарю приложена и краткая грамматика (стр. XXIX—LXX), краткая, но отчетливая, написанная рукою знатока, уже не то, что была его «*Писменица Сербскога језика по говору простога народа. У Виенни, 1814*». (8° XI+106). Филологамъ Европейскимъ она извѣстна по переводу Я. Гримма (*Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob Grimm. Leipzig und Berlin. 1824*. (8° LXXII+104).—Не лзя упустить изъ виду, что Вукъ и въ Грамматикѣ и въ Словарѣ обратилъ

(*) Оставляя неприкосновеннымъ это мнѣніе о Вуковомъ правописаніи, мы не можемъ однакожъ не высказать нашего несогласія въ этомъ отношеніи съ авторомъ этой прекрасной статьи. По нашему мнѣнію, вводимое Вукомъ правописаніе—(*свијет* вм. свѣтъ, *љуба* вм. любя, *језик* вм. языкъ, и пр.;—примѣры можно видѣть во всѣхъ Сербскихъ словахъ, приводимыхъ въ этой статьѣ и которыхъ правописаніе, употребляемое въ присланной намъ рукописи, мы старались со всею точностію соблюсти въ печати)—есть заблужденіе, единственное пятно въ его учено-литературной дѣятельности. Здѣсь только погрѣшилъ онъ противъ народности, и его правописаніе особенно какъ-то не клеится съ его чистымъ, правильно-народнымъ слогомъ. Народный духъ языка высказывается равно и въ случайностяхъ и въ законахъ неизмѣнныхъ: первая выражаетъ произношеніе, слогъ, вторая письмо. Не желаемъ у насъ подражателей Вуку въ его нововведеніи: выключите изъ нашего письма букву ѿ, и останется одинъ шагъ для перехода къ Латинской или нынѣшней Чешской азбуки.—*Ред.*

вниманіе на различіе мѣстныхъ говоровъ Сербскихъ и отчасти тамъ, отчасти въ другихъ сочиненіяхъ объяснилъ его довольно вѣрно.—Меньшаго объема труды языковныя напечатаны Вукомъ въ Денницѣ, Календарѣ, имъ издаваемомъ. Такъ въ книжкѣ за 1826 годъ помѣщены:—*Почетак описанија Српски намастира* (стр. 1—40),—*Главне разлике између данашњега Славенскога и Сербскогъ језика* (стр. 41—69),—*Одговор рускоме рецензенту* (стр. 95—106); въ книжкѣ за 1827 годъ:—*Оглед Српскога буквара* (стр. 1—25); въ 1828:—*Главна свршивања суштествителни и прилагателни имена у Српском језику* (стр. 1—135). Отдѣльно напечатанъ *Одговор на ситнице језикословне, у Бечу. 1839* (8^о—19). Каждая изъ этихъ статей, можно сказать, необходима для изучающаго Сербское нарѣчіе, и не по предположеніямъ и догадкамъ, а по фактамъ, по выводамъ глубокаго, сознательнаго знанія языка.

Болѣе общее вниманіе заслужили тѣ труды Вука, въ которыхъ онъ показалъ себя, какъ искусный собиратель и объяснитель памятниковъ народной Словесности Сербской. Пѣсни, сказки, пословицы, загадки, все, что можно назвать памятникомъ Словесности народа, все обращало на себя ревностное вниманіе Вука, и все передано съ такимъ уваженіемъ къ славѣ народной, что въ этомъ отношеніи Вукъ остается образцемъ и дѣятельности и умѣнья.—Его *Мала простонародна Славено-Српски песмарица* (У Виени I: 1614, II: 1817) была только началомъ, за которымъ послѣдовало самое блестящее продолженіе. Второе изданіе пѣсенъ, заставившее совершенно забыть о первомъ, вышло подъ названіемъ; *Народне Српске пјесме, скупио и на*

свијет издао Вук Стеф. Караџић, *Књига 1—111+* у Липисци, 1823—1824 (LXII+316, 305, 399), *Књига IV* у Бечу, 1833 (XLIV+352). Пјесни переданы совершенно вѣрно безъ всякихъ измѣненій, только по лучшимъ спискамъ, все необходимое объяснено; обращено вниманіе на языкъ, слогъ, мѣру. Если чего недостаетъ, то развѣ историческихъ примѣчаній. Изъ этого изданія Европа въ первый разъ узнала эпическую гениальность Сербскаго народа и высокую степень совершенства, до которой Эпопея можетъ достигнуть у народа простаго, не цивилизованнаго. Четыре пјесни въ дополненіе къ этому изданію помѣщены Вукомъ въ его Денницѣ (1826 стр. 107—120, 1829; стр. 44—56). Множество другихъ собралъ онъ послѣ; и такъ какъ предъидущее изданіе все разошлось, онъ предпринялъ новое, дополненное и еще лучше составленное, подъ тѣмъ же названіемъ: двѣ огромныхъ книги уже вышли (у Бечу 1841—44); остается еще одна; если только Вукъ успѣетъ въ ней помѣстить все, что собрано имъ.—Огромное собраніе пословицъ Сербскихъ Вукъ издалъ въ Черногоріи: *Народне Српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. Издао их Вук Стеф. Караџић. На Цетинью. 1836* (8°—L+362). Почти все пословицы, требовавшія объясненія, объяснены; на всѣхъ оставленъ мѣстный колоритъ; у многихъ, не обще извѣстныхъ, означено мѣсто, гдѣ слышаны. Можно пожалѣть развѣ о томъ, что не сдѣлано общаго обзорѣнія содержанія пословицъ и не приложенъ словарь тѣхъ словъ, которыхъ нѣтъ въ Вуковомъ словарѣ.—Нѣсколько сказокъ Сербскихъ напечаталъ Вукъ отдѣльною книжкой: *Народне Српске приповијетке, написао В. С. У Бечу. 1821* (8° 48);

нѣскольکو другихъ въ Денницѣ (1828: стр. 235—240, 1829: стр. 34—41, 1834: стр. 89—95) и въ объясненіяхъ къ пословицамъ. Въ концѣ книги сказокъ помѣщено и собраніе загадокъ (стр. 33—48). Не лзя не пожелать, чтобы эта послѣдняя часть трудовъ Вука была дополнена тѣмъ, что имъ собрано послѣ, и издана съ такоюже тщательностію, какъ изданы имъ и пословицы.

Здѣсь же упомяну, что Вукъ первый обратилъ вниманіе на нарѣчіе Болгарское. Ему посвященъ его *Додатак к Санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчницима свију језика и нарјечија с особитимъ огледима Бугарскогъ језика; написао Вук Стефановић, У Бечу 1822 (4^о—54)*. Книга эта была издана въ то время, когда никто не имѣлъ понятія о Болгарскомъ нарѣчій, когда самъ Добровскій пропускалъ его еще изъ числа нарѣчій Славянскихъ: въ ней помѣщено и краткое грамматическое обозрѣніе, и собраніе народныхъ пѣсенъ.

Услуги Вука въ отношеніи къ Исторіи и Этнографіи Сербской останутся также навсегда незабвенны. Все, что написалъ онъ по этой части, не есть ни сборъ, ни выборъ изъ другихъ книгъ, а наблюденія современника. Конечно и онъ, какъ и всякій другой современникъ, не оставался равнодушнымъ наблюдателемъ, тѣмъ болѣе потому, что все это касалось его отечества, его народа; однако умѣлъ скрывать и свое пристрастіе, и, хотя не досказывалъ того, чего не хотѣлъ сказать; но за то и никогда никѣмъ не былъ обличенъ въ умышленномъ представленіи обстоятельствъ. Точно такъ, какъ его словарь или грамматика, могутъ быть попол-

нены и его Историческія записки; но все написанное можетъ остаться безъ выпусковъ.

Смолода Вукъ сдѣлался лицомъ дѣйствующимъ въ обстоятельствахъ, волновавшихъ и оживлявшихъ Сербію. Такъ уже въ 1804 года, при самомъ началѣ Сербскаго возмущенія, будучи только семнадцатилѣтнимъ юношей, онъ былъ призванъ въ лагерь и сдѣлался писаремъ у извѣстнаго Чурчіи. Позже, въ 1807 году, послѣ неудачъ на поприщѣ учебномъ, онъ былъ писаремъ у Якова Ненадовича, а потомъ переехалъ въ Бѣлградъ, какъ писарь Сербскаго Совѣта. Болѣзни и леченіе (1808—1810) отвлекли его отъ Сербіи; но въ 1810 году, воротившись опять въ Сербію, онъ былъ сначала учителемъ въ Бѣлградскомъ училищѣ; потомъ въ 1811—таможеннымъ Секретаремъ въ Крадовѣ, а въ 1812 былъ посланъ въ Неготинъ, какъ Коммисаръ отъ Совѣта, и тамъ сдружился съ знаменитымъ Гайдукомъ Велькомъ Петровичемъ, и оттуда былъ посылаемъ Георгіемъ Чернымъ по разнымъ дѣламъ къ Молла—Пашѣ Видинскому. Въ 1813 году онъ былъ сдѣланъ, по назначенію Георгія Чернаго, Судьею въ Борзой-Паланкѣ, а потомъ, когда началась война, перешедши служить въ Бѣлградъ, два раза былъ посылаемъ по разнымъ дѣламъ въ Поречь. Возвращаясь во второй разъ въ Бѣлградъ, онъ не могъ уже туда попасть: на Дунаѣ были уже Турки. Онъ оставилъ Сербію, и изъ Панчева поѣхалъ въ Вѣну. Обстоятельства политическія и занятія литературныя отвлекали Вука отъ Сербіи, но не заставили его забыть о ней. Въ 1816 году онъ ѣздилъ въ Сербію, думая остаться тамъ служить, и воротился въ Вѣну, ничего не достигши. Въ 1820 году, уже будучи женатымъ и

съ литературиною извѣстностію, прїѣзжалъ опять въ Сербію съ намѣреніемъ завести въ Бѣлградѣ, по примѣру Русскому, училище взаимнаго обученія, и учить Князя Милоша читать и писать, — и оиять уѣхалъ изъ Сербіи, не достигши желаемаго. Въ 1822 и 1827 онъ посѣщалъ Сербію по своимъ литературнымъ дѣламъ. Прїѣхавши опять въ Сербію въ 1828 году, онъ получилъ отъ Князя Милоша предложеніе заняться составленіемъ законовъ для Сербіи, долго отказывался, но наконецъ принужденъ былъ согласиться и остался въ Сербіи на три года; 1829 — 1830 занимался составленіемъ законовъ, а въ 1831 году онъ былъ Президентомъ Бѣлградскаго Магистрата. Въ это время онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ правительствомъ Сербскимъ, будучи самъ однимъ изъ членовъ его, и имѣлъ средство узнать лучше и народъ, и землю, и лица, дѣйствовавшія на сценѣ возрожденія Сербіи. Милоша, какъ избавителя и устроителя Сербіи, онъ не могъ не уважать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ равнодушно глядѣть на его Турецкій деспотизмъ и, удалившись въ 1831 году въ Землинъ, Вукъ написалъ ему письмо, въ которомъ представилъ ему состояніе Сербіи и его погрѣшности, упрашивая его измѣниться и предрекая судьбу, какая должна его постигнуть, если онъ не измѣнитъ своего поведенія, и какая точно его постигла. Послѣ этого возвратиться ему въ Сербію было уже невозможно, а между тѣмъ и правительство Австрійское не позволяло ему оставаться въ Землинѣ, требуя отъ него удалиться за границу. Вукъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, подавалъ просьбу за просьбой, и уже только въ концѣ 1832 года получилъ приказаніе истребхати

въ Пештъ, а потомъ и позволеніе поселиться въ Вѣнѣ. . . . Въ 1834 году Вукъ ѣздилъ въ первый разъ въ Адриатическое Приморье, посѣтилъ Боку Которскую, Дубровникъ и жилъ въ Черногорья. Въ 1837 году онъ совершилъ путешествіе по Венгрии, Славоніи и Кроаціи; въ 1838 снова былъ въ Славоніи и Далмаціи; въ 1839 снова въ Сербіи, не заставши уже Милоша Княземъ; въ 1841 году онъ путешествовалъ въ Далмацію, Черногорье, Кроацію, Славонію и Сербію вмѣстѣ съ Русскими путешественниками, Книжевичемъ и Надеждинымъ. Измѣненіе обстоятельствъ въ Сербскомъ Княжествѣ и участіе въ судьбѣ Милошева семейства заставили его побывать еще раза два въ Сербіи. — Припоминаю все это для того, чтобъ показать, что Вуку не трудно было узнать и народъ Сербскій въ разныхъ его частяхъ, и землю и современное положеніе дѣлъ. Все это онъ высказывалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Географіи, Этнографіи и современной Исторіи Сербовъ.

Я уже упомянулъ, что множество этнографическихъ примѣчаній вставлено Вукомъ въ Словарь. Изъ нихъ однихъ можно составить прекрасное описаніе нравовъ и обычаевъ Сербовъ. Не знаю, какъ думаетъ Вукъ теперь, но въ то время, когда мы были съ нимъ близки, въ 1841—1842 году, его занимала мысль воспользоваться, между прочимъ, и ими для подробнаго описанія Сербскаго народа. Для этого служило-бъ ему пособіемъ *географическо-статистическое описаніе Сербіи*, помѣщенное имъ въ Денницѣ (1827: стр. 25-128, 1828: стр. 222—234, 1826: и пр.—1—40). Описаніе Черногорья и Черногорцевъ было у него готово уже давно, и

вышло на Нѣм. языкѣ: *Montenegro und die Montenegriner*. Stuttg. u. Jäbing. 1837. (8°, 114 стр.)

Возвратившись изъ Черногорья, гдѣ былъ болѣе мѣсяца въ 1834 году и гдѣ, посѣщая нахія Катунскую, Рѣчкую и Черничкую, успѣлъ собрать много свѣдѣній о народѣ, правительствѣ и его отношеніяхъ къ Туркамъ, онъ сталъ писать свои записки обо всемъ этомъ, и послалъ небольшой отрывокъ къ Коттѣ въ Штутгартъ, и Котта, напечатавши его, помнится — въ *Ausland*, просилъ Вука сообщить ему о Черногоріи свѣдѣнія болѣе подробныя. Съ помощію одного Нѣмца, Вукъ перевелъ сокращенно свои записки и послалъ Коттѣ, полагая, что эта статья будетъ напечатана также въ журналѣ; но Котта, увидя, что статья по своей величинѣ можетъ быть издана отдѣльною книжкой, напечаталъ ее въ своемъ собраніи *Reisen u. Länderbeschreibungen*, какъ особенную часть его. Такъ вышло сочиненіе Вука на Нѣмец. языкѣ. Вукъ однако не терялъ надежды издать его по Сербски и въ гораздо болѣе полномъ видѣ.

Два важнѣйшія изъ его историческихъ сочиненій: а) *Прва и друга година Српскога војевања на даије* (*Даница*, 1828: стр. 136—221, 1834: стр. 25—54), б) *Милош Обреновић, Князь Сербіи, графа за Српску Историју нашега времена. У Будиму*. 1828 (8 стр. 204). Замѣчательны также его краткія жизнеописанія знаменитыхъ Сербовъ (*Даница*, 1826: стр. 70—94, 1829: стр. 1—31). При этомъ нельзя не вспомнить о знаменитомъ Историкѣ Ранке. Въ 1828 году онъ пріѣзжалъ въ Вѣну, познакомился съ Вукомъ, спрашивалъ его о Сербіи, и наконецъ вздумалъ написать книгу о Сербіи въ ея современномъ положеніи. Для этого онъ съ Ву-

комъ сходилса почти ежедневно, записывалъ подробно его рассказы, прочитывалъ ему потомъ, что писалъ, сталъ по частямъ печатать: такимъ образомъ составилась книга: *Die serbische Revolution. Aus Serbischen Papieren und Mittheilungen von Leop. Ranke. Hamburg. 1829.* Она только написана Ранке, а все содержание можно сказать, даже духъ рассказа принадлежить Вуку. Впрочемъ Ранке не забылъ Вука, когда вышла книга: онъ прислалъ ему половину платы, полученной имъ за нее отъ книгопродавца. Статью о Боснь — *über die letzten Umwandlungen in Bosnien*, въ *Politische Zeitschrift*, 1834, 2-те Liefer., написалъ Ранке также по рассказу Вука, и прислалъ ему также половину гонорара. Гораздо смѣлѣе поступилъ Буе въ своей: *La Turquie d'Europe* (Paris 1840. 4 части): все, что тамъ есть о Сербіи и Сербяхъ, ея нравахъ и современной Исторіи, все Вуково, частію извлечено изъ напечатаннаго, частію записано по рассказамъ, — и въ знакъ благодарности Вукъ получилъ только похвалы въ книгѣ, похвалы, не рѣдко въ искаженномъ видѣ представляющія его литературное значеніе. Я уже не говорю о компиляціяхъ, издаанныхъ въ Германіи и Австріи, гдѣ часто о Вукѣ нѣтъ и помину, и между тѣмъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что напечаталъ Вукъ. Все это впрочемъ показываетъ, какъ важно свидѣтельство Вука о современной Исторіи Сербской.

Не лзя окончить этого перечня, не упомянувъ о томъ, что Вукъ въ своихъ сочиненіяхъ хотѣлъ не только описывать все Сербское, но и быть писателемъ народнымъ Доказательствомъ этому служить можетъ, между прочимъ, и его переводъ Новаго Заѣта. Онъ началъ по

предложенію библійскаго общества, послѣ поѣздки въ Петербургъ въ 1818—1819, и окончень довольно скоро; но къ сожалѣнію попался въ жалкія руки А. Стойковича, чловѣка образованнаго, но во все не понимавшаго духа и особенностей Сербскаго нарѣчія. Стойковичъ измѣнилъ переводъ Вука по своему, исказивши чисто Сербскій слогъ Вука фразами и словами какого-то несуществующаго нарѣчія,— и въ такомъ искаженномъ видѣ вышелъ этотъ Новый Заѣтъ, будто переведенный Стойковичемъ въ Лейпцигѣ, въ 1834. (У Таухница 8° 628 стр.) Что не таковъ вышелъ онъ изъ подъ пера Вукова, свидѣтельствомъ этому служатъ отрывки, изданные Вукомъ во время его путешествія въ Германію: *Вука Стеф. Караѣика, Огледи светого писма на Срскомъ іезику. У Липисци. 1824. (8° iv+25).* Вукъ приготовилъ еще общую книгу для народнаго чтенія, что-то въ родѣ Календаря и вмѣстѣ ручной Энциклопедіи для простаго народа, книгу, которая была бы необходима для Сербовъ при теперешнемъ состояніи ихъ просвѣщенія; но къ сожалѣнію обстоятельства всегда его отвлекали отъ этого добраго дѣла. Это тѣмъ болѣе жаль, что, кромѣ Вука, по крайней мѣрѣ, теперъ, нѣтъ еще писателя, который бы такъ умѣлъ управлять языкомъ народнымъ, и, оставаясь всегда простымъ, нравиться народу. Да и не одному простому народу Вукъ можетъ нравиться своимъ языкомъ и слогомъ: надолго онъ останется образцомъ не для однихъ Сербовъ. Подобнаго писателя по естественности и правильности выраженія нѣтъ теперъ ни у одного изъ Западныхъ Славянскихъ народовъ,— и тѣмъ важнѣе заслуга его въ литературѣ Сербской, что онъ засталъ

ее въ отношеніи къ языку въ самомъ жалкомъ положеніи, въ рукахъ людей, не только не знавшихъ языка, на которомъ они хотѣли писать, но и не желавшихъ знать, предполагавшихъ, что учиться языку народъ долженъ у нихъ, а не они у народа, что они и судьи и владыки языка. Не всѣ ужь впрочемъ такъ думаютъ: такъ между прочимъ новая школа, такъ называемыхъ Иллировъ, въ Загребѣ, за честь себѣ ставитъ изучать языкъ и слогъ Вука и подражать ему.

Труды Вука были впрочемъ всегда оцѣняемы по заслугамъ. Во время путешествія въ Россію (*) онъ сдѣланъ былъ членомъ Общества Любителей Русской Словесности и членомъ Краковскаго Общества Наукъ;

(*) Вукъ былъ въ Россіи, кажется, въ 1820 г. Это путешествіе его любопытно и важно во многихъ отношеніяхъ. Оно познакомило насъ, можетъ быть, впервые, съ Сербскою Литтературою, особенно народною. Его указаніями воспользовался, кажется, покойный Калайдовичъ при изслѣдованіи нѣкоторыхъ рукописей Патріаршей Библіотеки. Въ Вѣстникъ Европы, который издавалъ покойный Проф. Каченовскій, стали тогда появляться статьи о Сербской Литературѣ: онъ были бы интересны и даже новы и въ наше время. Въ 1820 году, въ 112 части Вѣст. Евр. (стр. 112 и 208) помѣщена любопытная статья о *Сербскихъ народныхъ пѣсняхъ*, по случаю Вукова изданія этихъ пѣсней. Въ 1823 г. въ № за Май и Іюнь мѣсяца помѣщенъ переводъ письма Вука Стефановича къ Фрушичу изъ Прибавленія къ 68 числу Новинъ Сербскихъ, письма важнаго для Вуковой Біографіи. — Въ Кіевѣ Вукъ былъ радушно принятъ покойнымъ Митрополитомъ Евгеніемъ. Въ письмѣ къ И. М. Снегиреву покойный Евгеній писалъ тогда съ особеннымъ удовольствіемъ объ этомъ знакомствѣ. — *Ред.*

въ 1823 году во время путешествія въ Германіи, гдѣ былъ обласканъ Гёте, Фатеромъ, Бетигеромъ, Гриммомъ и другими, онъ получилъ отъ Іенскаго Университета почетный Дипломъ на степень Доктора Философіи. Позже онъ принятъ членомъ Геттингенскаго Общества Наукъ, Московскаго и Одесскаго Обществъ Исторіи и Древностей. Въ 1841 году Государь Императоръ наградила его литературные труды большою золотой медалью. Пособія денежныя онъ получалъ отъ Князя Милоша, отъ Черногорскаго Владыки, отъ Графа Румянцева, отъ Россійской Академіи и покойнаго Министра Шишкова. По ходатайству Шишкова, онъ получаетъ ежегодно пенсіи 100 червонцевъ въ годъ съ 1826 года, а съ 1839 года Правительство Сербское высылаетъ ему также пенсію, въ годъ по 400 гульденовъ.

Да подкрѣпитъ Всевышній жизнь этого труженика науки! Да подастъ ему силы окончить все, имъ предпринятое! А Сербамъ и всѣмъ Славянамъ нельзя не быть ему благодарнымъ: онъ одинъ изъ немногихъ современныхъ писателей Славянскихъ, которыми могутъ безукоризненно гордиться Славяне передъ иностранцами.

АРХИТЕКТУРА

ХРАМОВЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Древнѣйшее изъ извѣстій, намъ оставшихся, о храмахъ Славянскихъ, принадлежитъ Арабскому писателю Масуди (956 — 957). Въ его сказаніи не всему можно вѣрить одинаково, не все понимать дословно; тѣмъ не менѣе оно очень любопытно, и между небольшимъ количествомъ сказаній современниковъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Его „Золотые Луга“, изъ которыхъ въ послѣдствіи выбирали извѣстія позднѣйшіе писатели, сами составлены изъ сказаній болѣе древнихъ, можетъ кое въ чемъ и переиначенныхъ, по добычю Востока, однако не совершенно невѣрныхъ, какъ это оправдывается сравненіемъ ихъ со сказаніями другихъ современниковъ. О Славянахъ могли имѣть Арабы понятіе довольно правильное, ведя съ ними торговля сношенія съ IX вѣка, если не раньше. Писатели пользовались, впрочемъ, разсказами торговцевъ; а разсказами и тѣхъ и другихъ воспользовался Масуди, и самъ намекнулъ объ этомъ не разъ. Въ главѣ LXIV его „Золотыхъ Луговъ“ о языческихъ хра-

махъ Славянъ мы читаемъ слѣдующія строки:

* *Масуди*: Il y avait dans le pays des Slaves des édifices qu'ils révéraient. L'un d'entre eux était situé sur une montagne qui, au dire des philosophes, était une des plus hautes du monde. Cet édifice est renommé pour la nature de sa construction, l'arrangement des pierres de diverses espèces, la variété de leurs couleurs, les ouvertures pratiquées dans le comble, les constructions qui ont été faits dans ces dernières afin d'y observer les points du lever du soleil, les pierreries que l'on y a déposées.. les sons qui se font entendre du faite de cet édifice et ce qui arrive (aux Slaves) lorsque ces sons frappent leurs oreilles. Un autre des ces édifices a été bâti par un de leurs rois sur la Montagne noire, qui est entourée d'eaux miraculeuses, de diverses couleurs et saveurs dont les effets salutaires sont généralement reconnus. Ils y ont une grande idole représentant Saturne... Sous ses pieds on voit représentés toutes sortes de fourmies, des corbeaux noirs et d'autres oiseaux semblables. On y voit en outre de singulières images représentant toutes sortes d'Abyssins et d'Ethiopiens. Un autre de leurs édifices se trouve sur une montagne entourée d'un bras de mer: il a été construit

— „Были въ землѣ Славянской священные зданія. Одно изъ сихъ находилось на горѣ, которая, по сказанію Философовъ, была одна изъ самыхъ высокихъ на свѣтѣ. Это зданіе славно по своей архитектурѣ, по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ, по отверстіямъ въ кровлѣ, по настройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца, по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся..., по звукамъ, раздающимся сверху зданія, и по тому, что бываетъ съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе построено было однимъ изъ Царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, изображающій Сатурна¹... подъ его ногами изображены муравьи, вороны и другія подобныя птицы. Тамъ же есть изображенія различныхъ Абиссинянъ и Эіопянъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ; оно построено было изъ красныхъ

en coraux rouges et en émeraudes vertes. Au milieu il y a un grand dome sous le quel on voit une idole....vis-à-vis de cette idole il y a une autre.....On attribuit la construction de cet édifice à un sage qui vivait dans les temes anciens chez cette nation. *M. Charmoy*, Relation de Massoudy et d'autres auteurs Musulmans sur les anciens Slaves. Mémoires de l'Académie de S. P. B. IV série. Tome II. 1834. pag. 319 321, 340 et 358. — Не совсѣмъ вѣрный переводъ, по Осону, см. въ Рус. Исноп. Сборникѣ Томъ IV. Москва. 1840. стр. 342. 345.

¹ По иному списку: „человѣка.“

кораловъ² и зеленыхъ изумрудовъ. Посреди зданія возвышается большой куполъ, подъ которымъ стоитъ идолъ, противъ него другой... Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними.“

Не много позже Масуди жилъ Титмаръ, Епископъ Межиборскій. Въ Хроникѣ своей онъ передаетъ намъ много свѣдѣній о Сѣверо-западныхъ и отъ части Восточныхъ Славянахъ, и между прочимъ, такъ описываетъ храмъ Ридегостскій“.

— „Въ землѣ Редарей есть городъ, по имени Ридегостъ, треугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третьи, что на востокъ, меньшія и никому недоступ-

² По иному списку „изъ мрамора.“

^{**} *Titmar*: Est urbs quaedam in pago Riederun (Rederiv) Riedegost (Riedegast) nomine, tricornis ac tres in se continens portas, quam undique silva ab incolis intacta et venerabilis circumdat magna. Duae ejusdem portae cunctis introeuntibus patent; tertia, quae orientem respicit et minima est, tramitem ad mare iuxta positum et visu visis horribile monstrat. In eadem est nil nisi fanum de ligno artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatur cornibus bestiarum. Hujus parietes variae deorum deorumque imagines mirifice insculptae, ut cernentibus videtur, exterius ornant; interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis, galeis atque loriceis terribiliter vestiti, quorum primus Zuarasici... Vexilla quoque eorum... hinc nullatenus moventur... Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur... inter quae civitas supra memorata principalem tenet monarchiam. *Thietmar*, Chronicon. L. IV. §. 17. et 18. *Pertz* Monum. germ. hist. V. pag. 812.—813.

ныя³, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и страшно на видъ. Въ городъ нѣтъ ничего, кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесною рѣзьбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Zuarasici... Въ храмѣ хранятся священныя знамена. . Сколько областей въ этой сторонѣ, столько и храмовъ... Но вышеупомянутый городъ повелѣваетъ всѣми ими.“

Едва ли не тотъ жесамый храмъ, но позднѣе, и, можетъ быть, уже перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій и за нимъ Гельмольдъ^{***}:

— „Знаменитый городъ Редарей, Ретра, столица идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ глав-

ный Редигасть. Въ городѣ девять воротъ и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входять въ него по деревянному мосту, но идти по нему позволяетъ только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертвы или получать отвѣтъ. Это въ знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. Отъ Гамбурга до этого города четыре дни пути.“

Нѣсколько подробнѣе описываетъ храмы Штетинскіе Сефридъ въ жизни св. Оттона Поморскаго^{****}:

— „Были въ Штетинѣ четыре континны, и одна изъ нихъ главная была удивительной архитектуры и отдѣлки. Внѣшняя и внутренняя сторона стѣнъ украшена была рѣзными выдающимися изображениями людей, птицъ и звѣ-

mor est dierum. Hist. Eccles. II. 11 c. 65. Справн. *Helmold, Chronicon Slavorum* I. 2.

^{****} *Сефридъ*. Erant autem in civitate Stetinensi concivae (continae) quatuor, sed una, quae ex his principalis erat, mirabili cultu et artificio constructa fuit, interius et exterius sculpturas habens de parietibus prominentes; imagines hominum et volucrum et bestiarum tam proprie suis habitudinibus expressas, ut spirare putarentur et vivere, quodque rarum dixerim colores imaginum extrinsecarum nulla tempestate nivium vel imbrum fuscari vel dilui poterant, id agente industria pictorum. Erat autem ibi simulacrum... Tres vero aliae concivae minus venerationis habebant, minusque ornatae fuerant, sedilia tantum intus in circuitu constructa erant et mensae, quia ibi conciliabula et conventus suos habere soliti erant. Namque sive potare, sive ludere, sive seria sua tractare vellent, in easdem aedes certis diebus veniebant et horis. (Vit. S. Ott. II. 104. Act. Sanctorum. Jul. I 403.)

³ Quae nulli facile patet: прибавлено по Брюссельскому списку, сѣдѣла въ этомъ случаѣ мнѣнію *А. Гизебрехта* (*Wendische Geschichten*. Berlin. 1845. I стр. 69). Въ списокѣ Дрезденскомъ, по которому издана Хроника Титмара Лапшенбергомъ у Перца, это выраженіе пропущено.

^{***} *Адамъ Бремъ*. Civitas eorum (Rethariorum) vulgatissimum Rethre, sedes idolatriae. Templum ibi constructum est daemouibus magnum, quorum princeps Redigast... Civitas ipsa novem portas habet, undique lacu profundo inclusa, pons ligneus transitum praebet, per quem tantum sacrificantibus aut responsa petentibus via conceditur. Haec ea significante causa, quod perditas eorum animas, qui idolis serviunt, novies Styx interfusa coerces. Ad quod templum ferunt a civitate Hammburg iter qua-

рей, такъ живо сдѣланными, что, кажется они дышали и жили, и скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія вѣншей стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли на нихъ дѣйствовать! Въ ней хранились разныя драгоценныя вещи, оружія и пр. Въ ней же былъ идолъ... Три другія контины были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только вокругъ скамьи и столы, потому что тутъ имѣли Славяне обычныя свои собранія и совѣщанія, сюда сходились въ извѣстные дни и часы и пировать, и разсуждать о важныхъ дѣлахъ.“

Самое подробное свѣдѣнiе, какое имѣемъ о языческихъ храмахъ Славянъ, замѣчается въ Исторiи Датской Саксона Грамматика, гдѣ онъ, разсказывая о покоренiи острова Руяны — (Rügen) Вельдамаромъ, описываетъ язычество его жителей и разрушенiе храмовъ и идоловъ въ Арконѣ и Кореницѣ (Carenz). Вотъ какъ описываетъ онъ храмъ Арконскiй *****:

***** *Саксонъ Грам.* Hanc (urbem Arkon) in excelso promontori cujusdam vertice collocata, ab ortu, meridie et aquilone non manufactis, sed naturalibus praesidiis munitur, praecipitiis moenium speciem praeferebantibus, quorum cacumen excusae tormento sagittae jactus aequare non possit. Ab iisdem quoque plagis circumfluo mari sepitur; ab occasu vero vallo quinquaginta cubilis alto concluditur, cujus inferior medietas terrea est superior ligna glebis intersitu continebat. Septentrionae ejus latus fonte irriguo scatet, ad quem muniti callis beneficio oppidanis iter patebat... Medium urbis planities habebat, in qua delubrum materia ligneum, opere elegantissimum visebatur, non solum magnificentia cultus, sed etiam

—Городъ Аркона построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ не искусственною, а природною защитой—утесами, которые поднимаются какъ стѣны и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательной машины; подъ ними море. Съ запада онъ защи-

simulacri in ea collocati numine reverendnm. Exterior aedis ambitus accurato caelamine renitebat, rudi atque impolito picturae artificio varias rerum formas complectens. Unicum in eo ostium intraturis patebat. Ipsum vero fanum duplex septorum ordo clauderat, e quibus exterior, parietibus contextus paniceo culmine tegebatur; interior vero, quatuor subnixus postibus, parietum loco pensilibus aulacis nitebat, nec quicquam cum exteriore praeter tectum et pauca laquearia communicabat. Ingens in aede simulacrum (Historia Danica, recens. N. Mülleris. Navihae. 1839. Vol II. pag. 822—823). Posetro die Esbernus ac Sumo, iubente rege, simulacrum eversuri, quod sine ferri ministerio convelli nequibat, aulacis quibus sacellum tegebatur abstractis famulis succidens: officium arripere iussos, attentius monere coeperunt, ut adversum tantae molis ruinam cautius se gererent, ne ejus pondere oppressi infesto numini poenas luere putarentur. Interea fanum ingens oppidanorum frequentia circumstabat, Svanovithum talium injuriorum autores infestis numinis sui viribus insecutorum sperantium. Jamque statua, extrema tibiaram parte praecisa, propinquo parieti supina incidit. Cujus extrahendae gratia Sumo ministros ad ejusdem parietis dejectionem hortatus, cavere jussit, ne succidendi aviditate pericula sua parum dispicerent, nec se labenti statuae per incuriam proferendos objicerent. Ruinam simulacri non sine fragore humus excepit. Praeterea frequens aedem purpura circumpendebat, nitore quidem praedita, sed situ tam putris, ut tantum ferre non posset. Nec sylvestrium bestiarum inusitata cornua defuere, non minus suapte natura quam culta miranda (Ib. pag. 837—838).

щентъ валомъ вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течеть обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога... Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый, впрочемъ, не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнуть кумирь. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми однако же грубою, безобразною разкраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ обведенъ двойною оградой, изъ которыхъ внѣшняя состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлею, а внутренняя изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, повѣшенными богатыми коврами, которые опускались до земли и соединялись съ внѣшнею только поперечными бѣлками и кровлей. Въ храмъ стоялъ огромный идолъ и подлѣ него узда, сѣдло, и другія вещи, между прочимъ мечъ... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядвей, то онъ упалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно было вырубивать стѣну, чтобъ его вытащить. Весь храмъ былъ увѣнчанъ пурпуровой тканью, прекрасной, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные и сами по себѣ, и по обдѣлкѣ.“

О Кореницкомъ храмѣ Руивита Саксонъ сообщаетъ такое извѣстіе *****:

***** Саксонъ Грам. Haec undique servus voraginibus ac lacunis vallata, uni

— „Горедъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозъ которое проложенъ только одинъ ходъ. Онъ знаменитъ прекрасными аданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось въ серединѣ передней части храма; но обѣ вмѣсто стѣнъ завѣшены были пурпуровой тканью, такъ что кровля лежала на однихъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова, дубовый идолъ Ругиевита раскрылся со всѣхъ сторонъ.“

Вотъ всѣ главныя сказанія о храмахъ Славянскихъ; остальные такъ отрывочны, что не стоитъ ихъ приводить отдѣльно Изъ тѣхъ и другихъ можемъ извлечь нѣсколько любопытныхъ фактовъ объ архитектурѣ лзыческихъ храмовъ Славявъ.

Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части: часть переднюю (vestibulum) и святилище (ха-

cum palustri ac difficili vado editum habet, quo si quis incantus viae excessibus aberraverit, in profundum paludis incidat, necesse est. Hoc vadum ementis praetentus urbi callis occurrit; hic ad portum duci; mediusque vallum ad paludem interjacet (Ib. pag. 140). Insignis hic vicus trium praepollentium fanorum aedificiis erat, ingenuae artis nitore visendis. Jis tantum paene venerationis privatorum deorum dignitas conciliaverat, quantum apud Arkenenses publici numinis auctoritas possidebat. Sed et is locus, ut pacis tempore desertus.... Majus sanum vestibuli sui medio continebatur, sed ambo parietum loco purpura claudelantur, tecti fastigio solis duntaxat columnis imposito. Itaque ministri direpto vestibuli culto, tandem manus ad interiora fani velamina porrexerunt. Quibus amotis, factum quercu simulacrum, quod Rugievithum vocabant, ab omni parte magno cum deformitatis ludibrio spectandum patebat (Ib. pag. 341 — 342).

num). Это святилище находилось иногда въ срединѣ храма, говорю „иногда“, потому что Саксонъ Грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища посрединѣ храма Ругиевита, какъ особенность, сообщая о Ругиевитомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлично отъ храма Святovidова въ Арконѣ и не говоря вовсе ничего о другихъ храмахъ, безъ сомнѣнія, потому, что о нихъ нельзя было сказать ничего новаго. Если же въ нѣкоторыхъ только храмахъ святилище занимало средину, то въ другихъ оно было, конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ было, кажется, и въ Святovidовомъ храмѣ, въ Арконѣ. Идолъ, перерубленный по лядвямъ, повалился на ближнюю стѣну, слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую упалъ, было меньше пространства, нежели сколько было въ немъ вышины отъ средины. И хоть идолъ былъ выше человеческого роста³, положимъ такъ же высокъ, какъ идолъ Ругиевита, т. е., до пяти аршинъ⁴, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую упалъ, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все же нельзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстояніи были всѣ стѣ-

ны храма, и чтобы такой маленький храмъ могъ Саксонъ Грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ⁵. Притомъ, кажется, и самъ Саксонъ Грамматикъ, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣну, а на ближнюю стѣну⁶, тѣмъ, самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. Четыре колонны и богатая завѣсы, спущенныя до земли, отдѣляли святилище отъ остальной части храма. Говоря о завѣсахъ, Саксонъ Грамматикъ называетъ ихъ въ одномъ мѣстѣ коврами⁷, а въ другомъ пурпуровыми тканями⁸; кажется, впрочемъ, что онъ подъ тѣмъ и другимъ названіемъ понималъ одну и ту же вещь⁹. — Подъ святилищемъ возвышался куполь, — какъ объяснено будетъ послѣ. — Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, а вокругъ него были расположены другіе идолы и священные вещи.

Передняя часть храма, окружавшая святилище съ трехъ или со всѣхъ четырехъ сторонъ, была, вѣроятно, гораздо больше его. Стѣны ея украшены были рѣзными изображеніями священныхъ предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровы-

5 Fanum ingens. — Delubrum..... Magnificentia cultus... reverendum.

6 Propinquo parieti supina incidit.

7 Auleis nitebat.

8 Purpura claudabatur.

9 Такъ можно думать изъ того, что Саксонъ Грамматикъ, сказавши прежде, что interior ordo septorum въ храмѣ Арковскомъ pensilibus auleis nitebat, говорить потомъ, какъ бы не помня о прежнемъ, что и frequens aedem purpura circumpendebat nitore quidem praedita.

3 Ingens in aede simulacrum omnem humani corporis habitum granditate transcendens.

4 Объ этомъ идолѣ Саксонъ Грамм. говоритъ: Spisitudo illi supra humani corporis habitum erat, longitudo vero tanta, ut Absalon supra primam pedum partem consistens aegre mentum se circumcula, quam manu gestare consueverat, aequaret. (Ib. pag. 842.) Абсалонъ же былъ ростомъ до трехъ аршинъ.

ми тканями, и рѣзба была не только по внутренней сторонѣ стѣнъ, но и по внѣшней, рѣзба раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающеюся изъ стѣнъ¹⁰. Она изображала боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, вѣроятно все, что имѣло отношеніе къ религіознымъ мивамъ. Титмаръ говоритъ только о разныхъ украшеніяхъ по внѣшней сторонѣ стѣнъ храма Ридгостскаго, если только подъ его выраженіемъ „стоятъ рукотворные боги“¹¹ не понимать не только идоловъ отдѣльных, но и барельефы боговъ, бывшіе по стѣнамъ храма. Не всѣ, впрочемъ, храмы были окружены прочными стѣнами: иные, подобно Ругивитову храму въ Кореницѣ, состояли изъ однихъ колоннъ и завѣшаны были тканями и снаружи, какъ завѣшиваемо было ими внутри святилища. Это заставляетъ предполагать, что въ храмы съ прочными стѣнами, можно было войти съ различныхъ сторонъ, что было въ нихъ по трое и по четверо дверей. Объ этомъ, впрочемъ, не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній¹².

Поверхъ стѣнъ или колоннъ внѣшней части храма поднималась кровля, которая, если не всегда,

по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ храмахъ была окрашена, такъ что вся внѣшность храма была цвѣтною. Въ Арконскомъ храмѣ Святовида кровля была краснаго цвѣта. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны внѣшней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предполагать, чтобы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля была сколько-нибудь поднята подъ серединой храма, все надобно думать, что поперечная балка шла отъ внѣшнихъ стѣнъ, или колоннъ только къ колоннамъ святилища, что потолокъ святилища шелъ подъ самую кровлю и, легко можетъ быть, оканчивался чѣмъ-нибудь въ родѣ купола. Такимъ образомъ становится понятнымъ, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, имъ описанныхъ¹³. О куполѣ же, вѣроятно, говоритъ онъ и въ описаніи перваго изъ трехъ храмовъ¹⁴. Эта верхушка храма, служившая для наблюденій восхода солнца и, вѣроятно, другихъ небесныхъ явленій, служила и вмѣсто колокольни, или хоръ, откуда раздавались по храму священныя звуки, о которыхъ упоминаетъ Масуди¹⁵.

Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о вышинѣ храмовъ Славянъ

10 *Sculpturas de parietibus prominentes.*

11 *Dii stant manufacti.*

12 Въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвезонѣ имѣемъ только напоминаніе о дверяхъ. Олавъ ѣздилъ всегда съ Княземъ Кіевскимъ, Влади іромъ, къ капищу (f), но никогда не входилъ въ него ж стоялъ за дверьми, когда Владимиръ приносилъ жертвы богамъ (Истор. Сборникъ стр. 46 — 47).

13 Au milieu il y a un grand dome, sous lequel on voit une idole.

14 Les ouvertures pratiquées dans le comble, les constructions, qui ont été faites dans ces dernières afin d'y observer les points du lever du soleil.

15 Les sons qui se font entendre du fait de cet édifice et ce qui arrive lorsqu'

скихъ. Они казались, впрочемъ, величественными, казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпю храмовъ Готическихъ, и не были, слѣдовательно, низки. Если же бы изящество отдѣлки скрадывало или заставляло забывать ихъ низость, то это было бы замѣчено хоть кѣмънибудь. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не былъ ниже пяти аршинъ, ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ. Такъ можно заключать по тому, что говоритъ Саксонъ Грамматикъ о Ругиевитовомъ храмѣ въ Кореницѣ: когда его разрушали, то стояло только оторвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобы идола Ругиевита сдѣлался виденъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая же, что надъ головою идола въ святилищѣ должно было оставаться пустое пространство и что, сверхъ того, могли еще быть галереи для тѣхъ, кто звучалъ въ колокола или инструменты, или наблюдалъ небесныя явленія, можно положить, что весь храмъ до верху кровли не бывалъ ниже десяти или двѣнадцати аршинъ. Само собою разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Хотьковѣ (Гутцковѣ), который былъ, по сказанію современниковъ „удивительно великъ“¹⁶, были несравненно выше.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой съ однимъ или нѣсколькими входами. Объ одномъ входѣ во дворъ храма говорить Саксонъ Грамматикъ при

описаніи Святовидова храма въ Арконѣ; о двухъ входахъ во дворъ, окружавшій священную рощу Прове, говорить Гельмольдъ¹⁷; о трехъ воротахъ въ городъ Ридегостъ упоминаетъ Титмаръ. И ограда, окружавшая дворъ, была также украшена разными изображеніями, которыя покрывались красками. Было ли что въ дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ. Можемъ, однако, предполагать, что было. Такъ думать подаетъ поводъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли своихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гаданія конемъ¹⁸. Притомъ многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ, пустынныхъ, мѣстахъ¹⁹: жрецы и другіе служители храмовъ не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ храма и для того, чтобы смотрѣть за храмомъ, и для того, чтобы всегда быть готовыми для совершенія служенія. Кромѣ того, храмы бывали богаты разными драгоценностями

17 *Гельмольдъ*: Illic inter vetustissimas arbores, vidimus sacras quercus, quae dicatae fuerant deo terrae illius Proven, quas ambiebat atrium et sepes accuratior lignis constructa, continens duas portas (Chron. I. 83).

18 Титмаръ говоритъ о священномъ конѣ въ храмѣ Ридегостскомъ (VI. 61), Сефридъ о конѣ Триглавомъ (VI. 22.), Саксонъ Грамматикъ о конѣ Святовидова (стр. 826 — 827).

19 См. выше сказанія современниковъ. Даже и Штетинскіе храмы лежали, кажется, не въ срединѣ города.

sans frappent leurs oreilles.

16 *Сефридъ*: In hac civitate (Gozgungas) mirae magnitudinis ac pulchritudinis templum fuit. (Vita s. Ott. II. 2, 136. Act. S. Jul. I. 419).

множествомъ вещей ²⁰, которыя не могли помѣщаться въ самыхъ храмахъ : и для этого нужны были постройки близъ храмовъ. Такими, вѣроятно, при Штетинскомъ храмѣ Триглава, должно считать три меньшія континны, гдѣ собирались пировать и совѣщаться, гдѣ хранились и богатства храма, и гдѣ жилъ и священнѣйшій конь. — Можетъ быть въ одномъ и томъ же дворѣ бывало иногда и по нѣскольку храмовъ: такъ, кажется, было и въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго и гдѣ ничего не было, кромѣ храмовъ ²¹.

Обращаясь къ вопросу, изъ какаго матеріялу строились Славянскіе храмы, нельзя не вспомнить прежде всего о томъ, что на рогахъ звѣрей, по словамъ Титмара, основанъ былъ храмъ Ридегостскій, и вообще о заложеніи храмовъ. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога отдѣльваемы были въ чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Поморскаго ²²; рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Святovidъ, какъ рассказываетъ Саксонъ

Грамматикъ ²³; рога употребляются для гаданій до сихъ поръ Лужицкими Сербами, Хорутанами, а можетъ быть и другими Славянами; рога находятъ въ старинныхъ городищахъ Славянскихъ между углемъ, золой и всѣмъ другимъ, оставшимся отъ принесенія жертвы. Все это вмѣстѣ заставляетъ думать, что рога были священными предметами для древнихъ Славянъ, и что, положивши рога въ основаніе храма, тѣмъ самымъ какъ бы хотѣли освятить мѣсто, для него избранное. Едва ли можно думать, что подъ храмомъ Ридегостскимъ лежали рога, какъ дѣйствительное его основаніе: такой фундаментъ былъ бы, кажется, слишкомъ непроченъ, и Титмаръ, говоря объ этомъ, передавалъ, кажется, преданіе, дошедшее до него въ отрывкѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, когда говорилъ о Славянахъ. Можетъ быть, вмѣсто роговъ, употребляли и что нибудь другое, одинаково священное; во всякомъ случаѣ, кажется, освящали какъ нибудь мѣсто храма, какъ до сихъ поръ освящаютъ символически мѣсто для домовъ своихъ многіе изъ Славянъ, исполняя при этомъ что-то въ родѣ религіознаго торжества, не имѣющаго, впрочемъ, никакого отношенія къ правиламъ и обычаямъ Церкви Христіанской. Если нынѣшній народный обрядъ есть остатокъ древнихъ обыкновеній, то и при заложеніи храма язычники Славяне

²⁰ Это были дары и вклады, десятая или третья доля военной добычи, то, за что выкупаемы были плѣнные, и то, чѣмъ платили свою дань народъ, и пошлины промышленниковъ и торговцевъ.

²¹ Саксонъ Грам.: sed et his locus (подобно Аркомъ), ut pacis tempore desertus; ita tunc frequentibus habitaculis consertus patebat. p. 841.

²² Сефридъ: Cornua etiam grandis tauro-rum agrestium deaurata et gemmis intexta, potibus apta. II. 4. 105.

²³ Саксонъ Грамматикъ: In dextra corumfario metalli genere excultum gestabat, quod sacerdos sacrorum ejus peritus annuatim mero profundere consuaverat. p. 823.

не могли исполнять религіознаго торжества: избранное мѣсто въ такомъ случаѣ очищалось огнемъ и водою, въ подрытую землю клался съ молитвою символъ освященія, потомъ зданіе закладывалось, и на закладкѣ пировали, пѣли, плясали, слава боговъ, которымъ воздвигали храмъ.

Самые храмы строились болѣею частію, изъ дерева: изъ дерева были построены и храмъ Ридегостскій, и храмъ Святovidовъ въ Арконѣ, и другіе. Это очень естественно, потому что всѣ Славяне издавна были мастера къ постройкамъ деревяннымъ и, живучи болѣе въ странахъ лѣсистыхъ, нежели каменныхъ, могли болѣе и ранѣе привыкнуть къ дереву, нежели къ камню. Изъ того, однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что и всѣ Славянскіе храмы были деревянные. Есть, напротивъ, доказательство, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Поморьѣ, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ языческихъ, когда-то стоявшихъ на ихъ землѣ, говорятъ, что храмы эти сложены были изъ огромныхъ камней, и что сами нечистые духи снасили эти камни въ помощь людямъ, ихъ обожавшимъ. Это преданіе и заставило ученыхъ искать на Руянѣ и въ другихъ мѣстахъ разваливъ, которыя бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнн храмовъ. Народное преданіе подтверждается тѣмъ, что говорятъ о храмахъ Славянскихъ Арабы: Масуди ясно говоритъ о камняхъ, изъ которыхъ сложены были два изъ храмовъ, нмъ опи-

санныхъ²⁴. И не однѣ подобныя преданія доказываютъ, что были храмы, построенные изъ камня: кое гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ городѣ Лубусѣ, въ Шлезии, былъ храмъ, построенный изъ камня: святилище было покрыто полукруглымъ сводомъ и подъ нимъ помѣщались хоры, впрочемъ, безъ оконъ; полъ устланъ кирпичемъ, покрытымъ глазурю; стѣны были такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было ихъ взрывать порохомъ²⁵. Изъ стариннаго языческаго храма передѣлана и кладбищенская церковь на горѣ Мартинынской близъ Мишна, въ Саксоніи, что показываетъ и ея странная форма, и ея положеніе, какъ догадывался Клеммъ²⁶. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобные остатки суть остатки храмовъ языческихъ Германцевъ; но ни мѣстность, гдѣ ихъ находятъ, ни свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о храмахъ Германцевъ²⁷, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія. Къ числу доказательствъ можно еще прибавить, что и частныя строенія бывали изъ камня²⁸. Славяне, любя красоту и велико-

24 Cet édifice renommé pour la nature de sa construction, l'arrangement des pierres de diverses couleurs. . . Un autre. . . a été construit en coraux rouges (en marbres) et en émeraudes vertes.

25. *Büsching*, *Wöchentl. Nachrichten* III. S. 168 folg.

26 G. *Klemm* *Handbuch der germanischen Alterthumskunde*. Dresd. 1836 S. 342.

27 J. *Grimm* *Deutsche Mythologie*. Götting. 1833. S. 36 — 57.

28 О каменномъ теремѣ въ Киевѣ упоминается уже во время Олги (Лавр. Лт.

лѣпіе въ своихъ храмахъ, не могли себѣ позволить болѣе великолѣпія въ другихъ зданіяхъ.

А что Славяне любили великолѣпіе въ своихъ храмахъ, объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ современники. Не надобно при этомъ забывать, что эти современники жили уже въ то время, когда въ Европѣ всюду, и на Западѣ и на Востокѣ, строили великолѣпныя христіанскія церкви, что они, будучи знакомы болѣе или менѣе съ великолѣпіемъ архитектуры христіанской, не могли считать великолѣпнымъ чего нибудь мелочнаго и безвкуснаго. Такъ Титмаръ говоритъ о соборѣ искусной постройки храма Ридгостскаго²⁹, и о чудесной рѣзбѣ изображеній на стѣнахъ его³⁰; такъ Саксонъ Грамматикъ называлъ изящнымъ и великолѣпнымъ храмъ Святovidовъ въ Арконѣ³¹, замѣчая и хорошую рѣзбу, и красивые ткани, и превосходной обдѣлки

рога³²; изящными называлъ онъ и Кореницкіе храмы³³; такъ и жизнеописатели св. Оттона удивлялись изяществу и великолѣпію континтъ Штетинскихъ³⁴, замѣчая красоту изваяній и доброту красокъ³⁵; они же называли храмъ Хотьковскій (Гутцковскій) удивительно красивымъ³⁶. Такъ и Арабы рассказывали о великолѣпнѣи храмовъ Славянскихъ, обрисовывали ихъ такими красками, которыя, если и не вѣрны, то, по крайней мѣрѣ, свидѣлствуютъ что и по ихъ понятію храмы эти были богато изящны.

И. Срезневскій.

32 Exterior aedis ambitus accurato caelamine renitebat; interior pensilibus aulaeis nittebat; frequens aedem purpura circumpendebat nitore quidem praedita; nec sylvarum bestiarum inusitata cornua defuere non minus suapte natura, quam cultu miranda.

33 Insignis hic vicus trium praepollentium fanorum aedificiis erat; ingenuae artis nitore visendis.

34 Una quae ex his principalis erat, mirabili cultu et artificio constructa fuit.

35 Imagines tam proprie suis habitudinibus expressas, ut spirare putarentur et vivere; colores imaginum nulla tempestate nivium vel imbrium fuscari vel dilui poterant.

36 Mirae pulchritudinis.

стр. 28); о каменныхъ зданіяхъ у Поморья говорить Эобо (Vita OIL 83.).

29 Fanum artificiosè compositum.

30 Imagines mirifice insculptae, ut cernentibus videtur.

31 Delubrum opere elegantissimum visebatur, magnificentia cultus reverendum; fanum ingens.

ОБЪ ОБОЖАНІИ СОЛНЦА

У ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

§ 1.

Что солнце было обожаемо Славянами, объ этомъ сохранилось намъ нѣсколько преданій, лѣтописныхъ и народныхъ. Древнѣйшее изъ этихъ преданій принадлежитъ Арабскому Писателю X вѣка, Масуди. Въ своихъ «Золотыхъ Лугахъ», описывая храмы Славянскіе, онъ замѣчаетъ, что въ одномъ изъ этихъ храмовъ сдѣланы были въ куполѣ отверстія и настройки, для наблюденія точекъ восхожденія солнца, и что тамъ вставлены были драгоценные камни съ начертаніями, предсказывавшими будущее (*). У другаго Арабскаго Писателя, Ибраима бенъ-Весифъ-Шаха, читаемъ утвердительное извѣстіе, что солнце было обожаемо языческими-Славянами, и что одинъ изъ народовъ Славянскихъ праздновалъ семь праздниковъ, названныхъ по именамъ созвѣздій, важнѣйшій изъ которыхъ былъ празд-

(*) *M. Charmoy, Relation de Mas'oudy etc. Memoires de l'Acad. Impér. des Sciences de S. Pétersb. VI-eme série. Tome II. S. P. B. 1834, стр. 320.*

викъ солнца (*). Не знаемъ, о какихъ Славянахъ говорятъ тутъ Масуди и Ибраимъ-бенъ-Весифъ-Шахъ; впрочемъ, слова ихъ могутъ быть отнесены ко многимъ изъ народовъ Славянскихъ тѣмъ болѣе, что солнце, какъ знаемъ изъ преданій, было боготворимо Славянами повсюду.

Такъ, начиная съ *Русскихъ*, уже въ словѣ о полку Игоревомъ находимъ нѣсколько выражений, болѣе или менѣе ясно намекающихъ, что обожаніе солнца было еще живо въ XII вѣкѣ. Въ самомъ началѣ похода Игорева, солнце давало воинственному Князю несчастныя знаменія: «Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежь бы потяту быти, неже половену быти. . . . и жалость ему знаменіе заступи». Потомъ Игорь выѣхалъ въ походъ: «Солнце ему тьмою путь заступаше»; но онъ продолжалъ свой несчастный путь. Когда же Половцы одолѣли, когда слухъ о поражении Игоря въ битвѣ съ Половцами дошелъ въ Русь, жена Игоря, «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ» и обращается къ солнцу какъ бы съ укоризною, зачѣмъ оно не помогло ея мужу, «аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тулы затче». Въ Лѣтописяхъ встрѣчаются также выраженія, намекающія на старинное вѣрованіе въ участіе солнца въ дѣлахъ человѣческихъ: «сего не потерпя солнце лу-

(*) *М. Слартоу*, стр. 326.

чи скры» — «погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи: снѣдаемъ солиде» (1) и пр. Не мудрено, что наши проповѣдники должны были упрекать народъ за такіе остатки язычества, и увѣщевали его бросить суевѣрія, противныя ученію Христіанскому. Такъ Кириллъ увѣщевалъ: «Не нарицайте собѣ бога ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ» (2); такъ и другой проповѣдникъ говорилъ: «луче же ли поклонитися лучю мръкнушему, нежъ лучю безсмертному и богу сътворенну, а не Богу все сътворшю» (3)? Подъ богомъ сотвореннымъ, лучемъ меркнушимъ не лзя не разумѣть солнца. Не смотря однако на всѣ увѣщанія, не смотря на утвержденія, подобныя тому, какія находимъ у Кирилла Туровскаго («уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце») (4), народъ не могъ отстать отъ своихъ старинныхъ понятій, передавалъ ихъ изъ рода въ родъ и сохранилъ до сихъ поръ нѣсколько суевѣрныхъ преданій о солнцѣ, какъ о существѣ божественномъ. Рассказываютъ въ сказкахъ, что Солнце есть царь (5), что онъ владѣетъ двѣнадцатью царствами (6), и въ каждомъ поставилъ господиномъ одного изъ своихъ двѣнадцати сыновей, двѣнадцати солнцъ, что самъ Царь-Солнце живетъ въ солнцѣ, а

(1) Лаврент. Лѣтопись. Полное Собра. Лѣт. I, стр. 71, и повторено въ другой разъ: I, стр. 176. Ипатьев. Лѣт. Полное Собра. Лѣт. II, стр. 7.

(2) Москвитянинъ, 1834. I. Матеріалы, стр. 243.

(3) Рукопись XVI в. Повѣданія душоспасительна.

(4) Памятники XII в. стр. 19.

(5) О Князѣ—Солнцѣ, *Снегирева*, Рус. Послов. IV. стр. 41.

(6) О солнечныхъ царствахъ у *Макарова*, Рус. Преданія. II, стр. 103.

сыновья его живутъ въ звѣздахъ, что Солнцевы дѣвы всѣмъ имъ прислуживаютъ, умываютъ ихъ, убираютъ и поютъ имъ пѣсни (1). Вѣрятъ, что солнце, предвидя несчастныя событія, даетъ знать о нихъ людямъ и останавливается на пути, или скрывается въ тучахъ, будто само ихъ пугаясь. Вѣрятъ, что оно помогаетъ людямъ, счастливитъ ихъ, но что и преслѣдуетъ недостойныхъ, заслужившихъ его немилость и гнѣвъ. Такъ, въ одной изъ сказокъ объ Иванѣ Царевичѣ, Царь-Солнце указывало ему путь къ отцу и убивало чародѣевъ, лѣшихъ и всѣхъ нечестыхъ, ему мѣшавшихъ. Не лѣзя не вспомнить и о пословицахъ: «За сиротою Богъ съ калитою. Де сонце, тамъ и самъ Господъ. И на моихъ воротахъ сонце засвѣтае. И въ мое вѣконце засвѣтитъ сонце. Поки сонце зыде, роса очи выдесть. Сонце бѣ ты побилло», и пр. Не можемъ пропустить безъ вниманія и Русскую дѣтскую пѣсню: «Солнышко, солнышко, выглянь въ окошечко, твои дѣтки плачутъ» (2). Насѣкомое *soccynella septempunctatus* многими изъ Русскихъ называется «солнышкомъ»; въ Малороссіи, дѣти, взявши его на руку, спрашиваютъ: «сонечко, сонечко! по якимъ боцѣ Татары»? Даже въ самыхъ обрядахъ народныхъ сохранились прежніе языческіе обряды поклоненія солнцу: въ началѣ весны (особенно въ Свѣтлое Воскресенье) и въ началѣ осени (особенно подъ Петровъ день) выходятъ «караулить» солнце, какъ оно «играетъ», ночью раскладываютъ огни гдѣ-нибудь

(1) О солнечныхъ дѣвахъ у *Сазарова*, Сказанія Рус. Нар. Кв. II, стр. 43. *Касторскаго*, Начертаніе Слав. Мнѳол. стр. 55.

(2) *Касторскій*, стр. 54.

на высотѣ, и встрѣтя солнце, привѣтствуютъ его пѣснями (1).

У *Славянъ Польскихъ* также сохранилось повѣрье, что солнце даетъ людямъ счастье. У нихъ есть и пословицы: «Do kogo słońce, do tego i ludzi. Komu słońce świeci, temu i gwiazdy błyszczą. Będzie i przed naszymi wrotami słońce. Nie miec się z motyką na słońce» и пр. Замѣтимъ клятву: «jak słońce na niebie», которую одинаково часто можно слышать и въ пѣсняхъ, и въ простомъ говорѣ, и которая совершенно равносильна Русской клятвѣ: «какъ Богъ въ небѣ». Повѣрье объ «игрѣ» солнца въ день «Sobotek» (24 Іюня) сохранилось въ Силезіи, особенно Верхней, гдѣ оно сопровождается обрядомъ: дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, называемые «słończeta», и выходятъ съ ними на зарѣ въ поле; положивши ихъ тамъ на чистомъ бѣломъ платкѣ, пляшутъ вокругъ, припѣваютъ: graj słońce, graj, tutaj są twoi słończeta», и потомъ, встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками такъ, чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ» (2).

Преданіе о поклоненіи солнцу *Чехами* дошло и до Византійцевъ: Халкондила, Писатель XV вѣка, говоритъ, что даже незадолго до его времени, въ Прагѣ боготворили огонь и солнце (3), зная вѣроятно, по слухамъ, о какихъ нибудь обрядахъ, соединенныхъ у Чеховъ съ стародавнимъ обожаніемъ солнца. Что оно точно было, на это имѣемъ доказательства въ преданіяхъ народныхъ. Одна изъ ста

(1) *Сильверс*, Рус. Праздники. I, 30 и 220. III, 16. IV, 67.

(2) *Антонъ*, Collectanea, хранящ. въ Сгорѣльницкой Библиотекѣ.

(3) *Стриттеръ*, Met. popul. II, 1061.

различныхъ пѣсней Краледворской рукописи «о поражении Саксонцевъ», начинается обращеніемъ къ солнцу, напоминающимъ о выраженіяхъ Слова о полку Игоревомъ: «Ai ti slunce, ai sluneczko, ti li si zalostivo! ciemu ti swietis na ny, na biedne ludi». Съ этимъ сравнить можно выраженіе, отчасти и до сихъ поръ обычное у Чеховъ: «o slunce!» или «o těj žalost, slunce!» Въ сказкахъ упоминается о чертогахъ солнца и о томъ, что оно состраждетъ въ горѣ людскомъ, что къ нему прибѣгаютъ тѣ, которые нуждаются въ сильной помощи: къ солнцу обращался рыцарь Лабушь, отыскивая свою милую, попавшую въ руки чародѣевъ; къ солнцу обращалась сестра девяти братьевъ, превращенныхъ въ вороновъ и т. п. Въ выраженіяхъ: «slunce schází, slunce zachází», солнце значитъ то же, что счастье. Тутъ можно вспомнить пословицы: «Protot' mi slunce wyjde. S' rach by mi slunečko ne switilo. Nech ti slunce switi. Na tento dům zřílka slunce swítí. Slunce radost» и пр. Въ одной изъ пѣсней Краледворской рукописи (lahody) есть также подобное выраженіе: «Poied, mili, rucie domow, sluneczko nam zaide». Оно попадаетъ и въ народныхъ пѣсняхъ, напр.: «Slunečko zachází, potěšení moje slunečko zachází již za horu. O tom ja dobře wím, a w tom se ne meřím, že te, má panenka, ne dostanu» (*). Припомнимъ еще двѣ пословицы: «Ne zlob se na slunce, proti slunci ne otwírej hubu». Последняяна поминаетъ правило Пифагорейцевъ: «adversus solem ne loquitur»; а первая говорится и такъ: «Ne zlob se na Boha, ale

(* *Erben, Pésne národní w Cechach. W Praze. 1842. I, стр. 88.*

на себе», или : «Ne zlob se na swátých, ale na čerta». Замѣчательно также выраженіе : «wěť jak slunci», съ которымъ можно сличить приведенную выше клятву Польскую. Въ Моравіи кое-гдѣ сохранился обычай гадать по солнцу : идуть въ лѣсъ, въ самую чашу; ищуть дерева, на которомъ бы свѣтилъ сквозь листья лучъ солнца, и всматриваясь, какъ онъ ложится на корѣ, отгадываютъ, ждуть ли удачи, или нѣтъ:— если онъ легъ кружечкомъ, то это знакъ удачи, а если крестомъ, то надобно бояться бѣды; кромѣ того всматриваются въ цвѣтъ луча, и если онъ покажется зеленымъ, то надобно опасаться болѣзни, или и смерти. Тамъ же, у Валаховъ, есть обычай гадать по зарѣ утренней и вечерней : если замѣтятъ передъ восходомъ солнца, тамъ гдѣ оно должно показаться, и послѣ захода солнца, тамъ гдѣ оно сѣло, облачко розовое, въ видѣ серпа, то надобно ожидать войны. Видали—говорять Балахи—на зарѣ не только серпы, но и цѣлаго война, и это было знаменіемъ счастливой войны. Это повѣрье напоминаетъ о знаменіи, описанномъ въ сказаніи о побойцѣ В. К. Димитрія I. Донскаго, какъ видѣнномъ сторожемъ Великаго Князя ночью : «Той видѣвъ на висоцѣ облакъ изрядно идяше отъ Востока, изъ него же изыдоша два юпоши свѣтлы, имуще въ обоихъ рукахъ мечи остры» (*). Онъ же передаетъ и еще одно подобное знаменіе : «во шестую годину сегодни видѣвъ надъ ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко ранняя зоря, и надъ ними низко держащися, и той же облакъ исполненъ рукъ человѣческихъ, кояждо рука держащи оружіе, и отпустишася отъ облака

(*) Рус. Исторія. Сборникъ. III, стр. 48.

того на главы Христіански» (1). Ибнъ-Фопланъ говоритъ о такомъ же видѣніи небесномъ, о дружинахъ на коняхъ и въ вооруженіи, появляющихся на небѣ и почитаемыхъ Болгарами за борющихся демоновъ (2). У Чеховъ есть еще повѣрье, что солнце имѣетъ свое царство за моремъ, гдѣ вѣчное лѣто, и откуда прилетаютъ къ намъ сѣмена и птицы; что солнце ведетъ постоянную войну со всемогущею Стрегою, побѣждаетъ ее, но и само терпитъ отъ ранъ, ею наносимыхъ, до тѣхъ поръ, пока, по волѣ Божіей, не сокрушитъ ее.

Словаки вѣруютъ въ божественность Солнца, называютъ его святымъ и владыкою неба и земли (3), призываютъ его на помощь въ заговорахъ отъ недуговъ, вѣря, что оно помогаетъ людямъ; гадаютъ по лучамъ его, поставя противъ него два ножа или двѣ косы на-крестъ, или въ водѣ, какъ они идутъ въ ея глубинѣ. Этотъ послѣдній способъ гаданья употребляютъ дѣвушки, загадывая о своей долѣ весною. Когда вскрыется ледъ, онѣ припавъ къ водѣ, приговариваютъ: «Wodo, wodo! čoi kaže snečko!»! Солнца, по повѣрью Словаковъ, имѣетъ свои чертоги въ Матрѣ, гдѣ всегда готовы служить ему двѣнадцать дѣвъ, никогда не старѣющихъ. Еще прибавляютъ, что, когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, нечистая сила сходится вокругъ нихъ, всюду прячется, и выжидаетъ возвращенія

(1) Рус. Историч. Сборникъ, III, стр. 57. Прямѣч. 6. Срвви И. Г. Р. V, пр. 79.

(2) Mémoires de l'Académie de S. Pétersb. VI-ème série. Tome I, стр. 571. Ср. S. Petersburg. Zeitung. 1831, № 56.

(3) Ср. Kwěty, 1845. № 25. 26.

солнца, чтобы его захватить и умертвить, но что всегда остается бессильною, и разбѣгается при одномъ приближеніи солнца.

У *Хорутанъ* до сихъ поръ сохранились нѣкоторыя пѣсни, въ которыхъ живо рисуется старинное понятіе о богѣ—Солнцѣ. Такъ, въ одной Зильской пѣснѣ, которую поютъ подъ липой, при встрѣчѣ весны, говорится : «Zarja mi gore schaja, ljera zarja mi gore gre ; za zarjo mi gre sonce. oj r'mjeno sončice. Le čakej, čakej, sonce, oj r'mjeno sončice ! jas ti man w'liko powédati, pa še w'liko weč prašeti. «Jas pa ne man čakati, man w'liko obsjewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'rotice» (1). Замѣтимъ, что солнце называетъ тутъ сиротъ своими : у всѣхъ почти Славянъ названіе бѣдныхъ напоминаетъ имя Бога убогій, божьякъ, богецъ и пр.). Другая пѣсня Хорутанская, которую поютъ и въ началѣ весны и въ Крестъ (24 Іюня), начинается такъ : «Bog daj wedro, Bog potoci svoje kolo na naše stodole i po naše pole» (2). Тутъ богомъ названо, очевидно, солнце. Ѣдущее на своей колесницѣ, подобно Аполлону. Фантазія Хорутанъ и рисуетъ солнце вѣчноююнымъ воиномъ, Ѣдущимъ на двуколкѣ, запряженной двумя бѣлыми конями и украшенной широкимъ бѣлымъ парусомъ, котораго колебаніе наноситъ на землю тучи и гонитъ вѣтеръ; около него вьются птицы, которые одни могутъ видѣть его и знать, чего не-

(1) Сообщена мнѣ *У. Ярникомъ*. Смотри его Versuch eines Etymologikon der Slowen. Mundart. Klagenfurt 1832, стр. 202.

(2) Иначе въ изданіи Блажка : Bog daj wedro, Bog potoci svoje kolo nate wel'ke jasli, de se lépo wjani. Sloven. pesmi Krain. nar. V Ljublani 1839. I. стр. 19.

знаеть никто на землѣ. Изъ пословиць Хорутанскихъ вспомнимъ: «Razswétli se sonce i na wratich mojich. Sonce mi je pomerknélo. Sonce moje schaja. Sonce mi in Boga. Объясненіемъ первой, которая принадлежитъ и многимъ другимъ Славянамъ, можетъ служить обычай ставить на воротахъ мѣдный крестъ въ звѣздѣ за всякаго женатаго члена семьи, —обычай, извѣстный и многимъ Русскимъ: этотъ крестъ называется «sončes» или «sonček», и выставляется, на другой день свадьбы, съ обрядомъ, называемымъ посвященіемъ—«poswěćilo». Клятва: «Sonca mi in Boga» употребляется Хорутанами въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ «ей-Богу».

У *Хорватовъ* есть также пословицы: «Pomirklo tu je sunce,—swene i meni kateda sunce,—sunce te ne oswetilo, sunce te oswetilo. (чтобы солнце тебя не освѣтило,—чтобы солнце тебѣ отмстило. Въ день Креса (24 Юня) Царь-Солнце, по повѣрью Хорватовъ, пируетъ въ своихъ чертогахъ, и тогда лучи его, которые онъ пускаетъ по свѣту стрѣлами, во всѣ стороны, играютъ въ воздухѣ. Папороть называется Хорватами «sunčes»; говорятъ, что онъ разцвѣтаетъ, когда солнце побѣдитъ чернаго волка, и что нечистые духи хотѣли бы недопустить цвѣтка до разцвѣта, но не могутъ.

У *Сербовъ*, кромѣ пословиць, употребляемыхъ Хорватами, есть еще: «Сунце на исток, а Бог на помѣћ,—свијетао ти образъ,—свијетло ти лице (чтобы твое лице было освѣщено солнцемъ). Да није сиротинье не бы ни сунце гријало. Бога ми, сунца ми и мјесеца,—не свјетило сунце на главу моју» и пр. Солнце, по ихъ понятію, не имѣющему, ко-

нечно, никакого соотношенія съ выводами современной Науки, занимаетъ середину міру, «свега свиѣта», за которымъ простирается царство тьмы. Рассказываютъ они и о солнечномъ царствѣ: Царь-Солнце, молодой и прекрасный юнакъ, сидитъ въ немъ на золототканномъ пурпурномъ престолѣ, а полѣ него двѣ дѣвицы—Заря-утренняя, и Заря-вечерняя, и семь ангеловъ-судей—звѣздъ и семь вѣстниковъ—звѣздъ хвостатыхъ (кометъ), и лысый дѣдушка-старый мѣсяцъ. Въ одной изъ пѣсенъ разсказывается, какъ Солнце сватало какую-то дѣвушку, и младшій ея братъ отдавалъ ее: «ах су у грод' девет братах, деветина сестру мају, но и сестру Сунце проси. Ни један је брат не даје; најмлађи је брат даваше. Она браћу говораху: А не, брате, један брате! јер је сунце огијевито, сестру ће ни изгор'јети» (1). Изъ пѣсенъ о Солнцевой сестрѣ, въ одной она представляется сидящею у воды Босильковой: «ките кити, подвезице плете, свака кита од дуката злата, подвезице — царева арача»; Царь пожелалъ ее увидѣть, и услышалъ отъ нее: «ја сам сунцу рођена сестрица, а мјесецу пѣрвобратучеда»; —и онъ отпустилъ ее, одаривши дарами (2). Въ другой пѣснѣ говорится о сватовствѣ Солнцевой сестры: «кога хоће да узме за лјубу, да он узме сунчеву сестрицу, мјесечеву пѣрвобратучеду, даничину Богом посестриму» (3). Еще одна пѣсня начинается такъ: «Ај ђевојко душо моје! Што си тако једнолика и

(1) Вук. Стеф. Караџић. Српске пјесме. I, стр. 135 (изв. Вѣм. изд.).

(2) Тамъ же, I, стр. 159.

(3) Тамъ же, I, стр. 138.

у пасу танковита, кан да с' сунцу косе плела, а мјесецу дворе мела» (*). О красивыхъ дѣвушкахъ говорится: «кано да сунцу косе плете» или «кано да је сунчева сестра». Есть также повѣрье о Солнцевыхъ коняхъ, бѣлыхъ и ретивыхъ: ихъ поить Звѣзда Денница.

У *Болгарь* найдутся, вѣроятно, подобныя преданія и повѣрья, судя потому, что и они олицетворяють солнце и рассказываютъ о его странствіяхъ по бѣлому свѣту.

Сводя всѣ эти указанія на повѣрья о солнцѣ, какъ свидѣтельства о старинныхъ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, можемъ заключить, что въ числѣ этихъ вѣрованій были распространены между язычниками-Славянами слѣдующія :

Солнце было обожаемо въ двухъ видахъ. какъ видимое небесное свѣтило, занимающее средину свѣта, все освѣщающее, и какъ богъ, какъ Царь-Солнце. Въ этомъ послѣднемъ видѣ его представляли, какъ Аполлона, Мирту или Бальдера, прекраснымъ, вѣчноюнымъ воиномъ. Царство его воображали гдѣ-то за моремъ, въ странѣ вѣчнаго лѣта и вѣчной жизни, откуда сѣмена жизни залетаютъ и къ намъ; а чертоги его должны были быть на высокихъ, священныхъ горахъ. Тамъ, какъ вѣрили, Царь-Солнце возсѣдаетъ на своемъ пурпурномъ, золото-тканномъ престолѣ, окруженный своимъ дворомъ и родней. Дѣвы ему прислуживаютъ, его убираютъ, заплетаютъ ему волоса и поютъ пѣсни: изъ нихъ главныя двѣ—Заря утренняя и Заря вечерняя. Семь

(* Тамъ же, I, стр. 161.

звѣздъ ангеловъ-судей и семь вѣстниковъ, летающихъ по свѣту въ образѣ хвостатыхъ звѣздъ, готовы къ услугамъ. Звѣзда Денница смотритъ за его ретивыми бѣлыми конями. Къ его семь принадлежитъ дядя солнца, старый мѣсяцъ, семь его внучать, и всѣ Солнцевы сестры. Въ чертогахъ Царя-Солнца бываютъ празднества весною, лѣтомъ и осенью: тогда и на землѣ празднуютъ въ честь ему.— и видно въ это время съ земли, какъ солнце играетъ на небѣ. И тогда Царь-Солнце борется со нечистою силой, которая является передъ нимъ то въ образѣ Стрега, то въ образѣ волка, и т. п. Солнце было обожаемо, какъ святой владыка неба, земли и людей. Вѣрили, что отъ него зависятъ звѣзды и вѣтры, урожай и погода; вѣрили, что людямъ добрымъ солнце помогаетъ, преступныхъ наказываетъ; однимъ даетъ счастье, другихъ преслѣдуетъ, убиваетъ. Солнце обожали, какъ защитника сиротъ и покровителя семейнаго покоя и счастья: вотъ почему всякая семья должна была имѣть его образъ; какъ символъ его благодати. Вѣрили, что солнце, принимая участіе въ дѣлахъ человѣческихъ, предсказываетъ бѣдствія знаменіями; что, видя зло совершающееся, скрываетъ лучи свои въ тучахъ, или свѣтитъ жалостно, или останавливается на пути. Человѣку предоставлено было допрашивать солнце о будущемъ, гадать по лучамъ его, по зарѣ утренней и вечерней. Къ солнцу, какъ владыкѣ всего, обращались съ молитвою не только въ бѣдѣ или болѣзни, но и постоянно каждый день, и въ особенные дни года, весною, лѣтомъ, и осенью и зимою. Ему приносили и жертвы.

§ 2.

Солнце было обожаемо подъ различными названіями, или, правильнѣе выражаясь, Мифологія Славянская представляетъ нѣсколько божествъ солнечныхъ, связанныхъ, вѣроятно, узами родства. Къ божествамъ солнечнымъ принадлежали: Хорсъ—Дажьбогъ, Волось, Сварожичъ, Радагастъ, Святovidъ, Яровить, Ясонъ и пр.

Названіе *Хърса* = *Хорса* (Хоръса) читаемъ въ Лѣтописи Несторовой: Владиміръ поставилъ идолъ Хорса вмѣстѣ съ идолами Перуна (1) и пр. Въ Похвалѣ Князю Владиміру также упоминается о Хорсѣ. О вѣрованіи въ Хоръса поминаетъ и Слово Христолюбца (2). Въ сказаніи о побоищѣ Мамаевомъ Хорсъ (Хурсъ—Гурсъ—Русъ) стѣигъ въ числѣ божествъ, которымъ поклонялся Мамай, и которые впрочемъ почти всѣ Славянскаго происхожденія, извѣстные Нестору (3). Важнѣйшее мѣсто о Хорсѣ находится въ словѣ о Полку Игоревомъ: «Всеславъ Князь людемъ судяше. Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмуторокана, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святыхъ Софехъ въ колоколы; а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша». Тутъ, очевидно, рисуется Князь Всеславъ обгоняющимъ бѣгъ солнца. Другое мѣсто, выражающее то же самое понятіе о Всеславѣ, безъ имени Хорса: «(Всеславъ) скочи... лютымъ

(1) Лаврент. Лѣт. Полн. Собр. Лѣт. I, стр. 94.

(2) Востокова, Описаніе Рукописей Румянц. Музея, стр. 228.

(3) Рус. Истор. Сборникъ. III, стр. 60.

звѣремъ въ полночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мглѣ, утрѣ же возни стрікусы отвори врата Новуграду». О Всеславѣ и Лѣтописи говорятъ: «его же мати роди отъ възхвованья» (1); а здѣсь онъ сравнивается съ лютымъ звѣремъ, волкомъ, какъ со злымъ духомъ ночи. Мы видѣли преданія о бѣсахъ, обгоняющихъ солнце: волкъ, какъ бѣсъ ночи, также извѣстенъ въ народныхъ преданіяхъ Славянскихъ, и Гриммъ сравниваетъ даже слово «врагъ», означающее у нѣкоторыхъ Славянъ черта, со Старо-Нѣмецкимъ *warg*, что значитъ волкъ (2). Нашъ ученый Прейсъ справедливо сравнивалъ слово Хорсъ = Хоръсъ съ Ново-Персидскимъ именемъ солнца *Хор* или *Хур*, съ именемъ Царя Персидскаго *Кореш* = *Хореш*, означавшимъ также солнце, какъ объ этомъ знали и Греки (3). Вацерадовъ Къртъ (Kirt) есть тотъ же Хорсъ: «*Radihost wnukk Kirtow*» (4). Кроме родства его съ Радагастомъ, который, какъ сказано будетъ ниже, былъ также богомъ солнечнымъ, это доказывается и Хорутанской пословицей: именемъ «*K'rtowa deŭda*» (область Къртова) называютъ Хорутане небо или рай, и говорятъ: «*Ne wsi gremo w K'rtowo, marsikteri w ĉ'rtowo*» (не всѣ идемъ въ рай, иные и къ черту), или же: «*wsi gremo w K'rtowo*» (всѣ умремъ) (5). Съ этимъ сравнить можно Русское понятіе о солнечныхъ царствахъ въ

(1) Лаврент. Лѣт. тамъ же, стр. 67.

(2) *Grimm, Deutsche Mythol.* 2-е Ausg. Götting. 1844. II, 948.

(3) Журн. М. Н. Пр. 1841. Ч. XXIX. Отд. IV, стр. 35—36.

(4) *Schaffarik und Palacky, Denkmäler der Böhm. Sprache.* Prag. 1841, стр. 223.

(5) *Jllyg. Blatt.* 1842. № 11. 500 Slavenskih predgovorov. № 478.

небѣ (1). Замѣтимъ еще, что между областными словами Хорутанскими и Хорватскими есть *кърта* — огонь, свѣтъ.

Дажь-богъ. Уже изъ Нестора видимъ, что Хорсъ и Дажь-богъ были одно и то же: между этими двумя именами не ставить онъ соединительнаго союза и, какъ между именами другихъ боговъ: «Володимерь) постави кумиры. . . . Перуна. . . . и Хърса Дажь-бога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» (2). Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы рядомъ съ именемъ Хорса можно было надѣяться найти и имя Дажь-бога, есть только имя Хорса, или же, напротивъ, одно имя Дажь-бога, безъ имени Хорса: такъ и въ Словѣ Христіолюбца, и въ сказаніи о Побойше Мамаевомъ. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ читается: «тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-божа внука»; «Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала... вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука». Подъ именемъ внука Дажь-бога я понимаю Владиміра, извѣстнаго и въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ подъ именемъ «Краснаго-солнышка»: Пѣвецъ могъ его назвать внукомъ бога солнца, какъ назвалъ и Баяна внукомъ такого же бога солнца, Велеса. Самое ясное указаніе, что Дажь-богъ есть солнце, находимъ въ Ипатьевской Лѣтописи: «И по семъ царствова сынъ его (Свагора) именемъ Солнце, его же наричють Дажь-богъ», и ниже: «Солнце Царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажь-богъ» (3). Само собою разумѣется, что

(1) *Макарова*, Русскія преданія. II, стр. 113.

(2) *Лавр. Лѣт.* Тамъ же, стр. 24.

(3) *Ипатьев. Лѣт. Полное Собр. Рус. Лѣт.* II, стр. 3.

слово Дажь-богъ не лзя объяснять, какъ иные дѣлали изстари, посредствомъ «Дажь богъ», или «дай богъ», хотя кое-гдѣ въ Россіи и говорятъ «дажба» въ значеніи «далъ бы богъ», какъ «спасибо» вмѣсто «спаси богъ». «Дажь» есть прилагательное отъ «Дагъ» (срав. Ст. Герм. dag, Исланд. dagr) — день, свѣтъ (1). Въ нарѣчій Хорутанскомъ, въ Каринтіи, сохранилось и до сихъ поръ слово этого корня — «дѣжница» — ранняя заря.

Волосъ—*Велесъ* было также названіе бога солнца. Въ этомъ отчасти можетъ убѣдить и сравненіе Несторовой Лѣтописи съ договоромъ Святослава съ Греками, помѣщеннымъ въ той же Лѣтописи: у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсъ, и нѣтъ вовсе имени Волоса; въ договорѣ Святослава второе же мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волосъ: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья бога» (2). Кромѣ того, не лзя тутъ не сравнить преданія Чешскаго о заморскомъ царствѣ солнца съ другимъ преданіемъ Чешскимъ, что Велесова страна также за моремъ, такъ-что «zaletět někam za moře k Welesu» значить: невѣдомо куда пропасть (3), между тѣмъ какъ эта невѣдомая страна Велесова Чеховъ должна быть то же, что страна Къртова Хорутанъ. Имя Волоса напоминають «волотки», — названіе праздника жатвы, посвященнаго солнцу, извѣстное до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи (4). По словамъ Сабина

(1) Edda Saemundar þius fróde. III. (Havn. 1828) стр. 315—316.

(2) Лавр. Лѣт. Тамъ же, стр. 31.

(3) Юнмана Slownik. Cesky V, 57.

(4) Сильирова, Русскіе Праздники. IV, 71. Сабинина, о Волосѣ. Журн. М. Н. Пр. 1843. Ч. XL. Отд. II, стр. 34.

нина, въ Южной Россіи, старушки передъ жатвою завиваютъ и бороду Волосу: собравъ пукъ колосьевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибаютъ ихъ и связываютъ въ узелъ, чтобы ихъ не трогали. О Велесѣ напоминаетъ и Хорутанско-Каринтійское слово «wletka», что значитъ дождь, идущій въ то время, когда свѣтитъ солнце,—и Польское слово «włodek», означающее дѣтскую стрѣлку съ перомъ (1).— и обрядная пѣсня Чешская: «Wele, Wele! dubec stoji prostřed dwoga», упоминаемая Пельцелемъ (2), и напоминающая Польскую пѣсню: «Na stół dwogu jawog stoi», которую поютъ на праздникъ солнца, Коляду (3). По нѣкоторымъ другимъ даннымъ легко можно сравнивать Волоса съ Аполлономъ; такъ, а) Аполлонъ былъ почитаемъ подателемъ благъ, покровителемъ земледѣлія, свѣтоподателемъ, который своимъ окомъ проникаетъ въ нѣдра земли и владѣтъ предѣлами вселенной, который звуками своей кивары производитъ времена года, и потому назывался царемъ Паномъ, двурогимъ божествомъ, посылающимъ звуки вѣтровъ. Вацерадъ сравниваетъ и Велеса съ Паномъ (Veles, pan, imago hircina. Velles, pan, primus salamos sega conjungere plures instituit) (4). б) Аполлонъ считался богомъ стадъ, богомъ всего пасущагося; то же знаемъ и о Волосѣ, который и въ договорѣ Святослава называется богомъ скотинъ, и у Вацерада — богомъ овецъ и пастуховъ *Velless, pan, curat oves, oviumque magist-*

(1) *Golebiewski. Gry i Zabywy. Warszawa. 1831, стр. 304.*

(2) *Pelesl, Kronika Ceska. I, стр. 70.*

(3) *Z. Pauli, Piesni ludu Pol. Lwów. 1838, стр. 3 и 5.*

(4) *Schafarik und Palacky, Denkmäler. стр. 229. Ersch und Gruber Allgem. Encyclopädie IV, стр. 422.*

gos) (1). в) Аполлонъ былъ богомъ музыки и пѣсенъ; такъ и Слово о Полку Игоревомъ называетъ пѣвца Бояна внукомъ Велеса: «вѣщей Бояне, Велесовъ внуче».

Сварожичъ — сынъ Сварога. О Сварогѣ читаемъ въ Ипатьевской Лѣтописи: «И бысть по потопись и по раздѣленіи языкъ поча царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія (Ермій), по немъ Феоста, иже и Соварога нарекоша Егуптяне... Прозваша и Богъ Сварогъ... По семъ царствовалъ сынъ его. именемъ Солнце» (2). Мѣсто это взято изъ Византийскихъ Хронографовъ (см. Кедрина. Малазу и пр.) (3). Со словомъ «Сварогъ» можно сравнить Svarga, названіе Индійскаго рая, страны свѣта и наслажденій ликомъ божества, происходящее отъ svag — небо (4), и напоминающее Чешское слово svog (zvog), которому Вацерадь даетъ названіе зодіака (5). У Литовцевъ богъ солнца назывался Sotuar—Sotwaros: его почитали богомъ свѣта дневнаго, пастуховъ, поэтовъ, лекарей,—тѣмъ же, чѣмъ у Грековъ былъ Аполлонъ. Кардиналъ д'Альи объясняетъ слово Sotuar словами «оживитель свѣта, душа свѣта», и прибавляетъ, что это было само солнце, что ему посвященъ былъ день, слѣдующій за пятницей

(1) *Schaf. u. Pal.* 229. *Etich.* 421. Кстаті: у Русскихъ сохраняется обычай—къ празднику солнца, Коляда, готовить, фигуры, изображающія коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ и пастуховъ. *Смигирева, Рус. Праздники.* II, стр. 26.

(2) Ипатьв. Лѣтоп. Тамъ же, стр. 5.

(3) *Малала* въ Бодскомъ изд. стр. 21, 23—24. *Кедрина* тамъ же стр. 36.

(4) *Bohlen, Das alte Indien.* I, 176. *Vorp. Glossarium,* стр. 198.

(5) *Schaf. u. Palacky,* стр. 326.

пей, и что поклоненіе ему было очень распростра-
нено (1). Со словомъ *Sotuar* можно сравнить *stuar*,
которымъ по Чешски Вацерадъ переводитъ имя Ози-
риса (2). Еще припомнимъ Санскритскія слова: *sur*
—бросать копье, метать лучи и *svagu* — стрѣла, — и
тутъ можемъ сличить Сварога съ Аполлономъ, какъ
стрѣлометателемъ: лучи солнца казались язычникамъ
особенною силою Солица — бога, его стрѣлами; по-
тому и Ярославна, въ Словѣ о Полку Игоревомъ,
плачется Солицу: «чему, господине, простре горя-
чую свою лучю на ладѣ вои» (3). Ипатьевская Лѣ-
топись говоритъ о Солицѣ Дажь-богѣ Сварожичѣ, а
Слово Христолюбца Сварожичемъ называетъ какой-
то огонь, которому поклонялись: «И огневи молят-
ся, зовутъ его Сварожичемъ» (4). Эти упоминанія
очень важны для объясненія имени главнаго изъ
божествъ, которымъ, по описанію Дитмара, поклоня-
лись Балтійскіе Славяне Редари. Дитмаръ пишетъ:
«въ области Редарей есть городъ, называемый Ри-
дегость. . . въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ храма. . . а
внутри храма стоятъ рукотворные боги. . . . Первый
изъ нихъ называется *Zuagasi*, и почитается всѣми
язычниками болѣе прочихъ» (5). Слово *Zuagasi*,
попадающееся и въ письмѣ Св. Бруна къ Генриху
II (6), какъ ни разнообразно объясняли его по до-
гадкамъ, всего легче и безъ всякихъ предположеній
объясняется словомъ Сварожичь, съ чѣмъ согласился

(1) *Narbut, Drieje narodu Litew.* I, стр. 17—19.

(2) *Schaf. u. Pal.* стр. 226.

(3) Срав. Москвитянинъ. 1845. I. Критика, стр. 33.

(4) *Востокова, Опис. Рукопис. Румянц. М.* 228.

(5) *Дитмаръ. VI*, стр. 17.

(6) *Pertz, Scriptores Rerum Germ.* II, стр. 812.

наконецъ и Шафарикъ (1). Этотъ Сварожичъ, обожаемый Редарями въ Ретрѣ, есть, безъ сомнѣнія, тотъ самый богъ свѣта Дажь-богъ Сварожичъ, о которомъ упоминаетъ Ипатьевская Лѣтопись, которая, повторяя сказанія Византійскихъ Хронографовъ о Царяхъ Египетскихъ, придаетъ имъ отъ себя Славянскія названія. Что же касается Сварожича, о которомъ говоритъ Слово Христолюбца, то онъ долженъ быть другимъ сыномъ Сварога, отца небснаго, — божествомъ огня, можетъ быть, Перуномъ.

Радагастъ есть тотъ же Дажь-богъ Сварожичъ, какъ это видно изъ сравненія сказаній Дитмара и Адама Бременскаго. Дитмаръ называетъ главный городъ Редарей—*Radegast*: вѣроятно, тутъ должно разумѣть имя прилагательное Радегашъ—городъ Радегастовъ (какъ Нехворощъ отъ Хворость, Быдгощъ отъ Быдгость, вѣщъ (вѣщій) отъ вѣсть и т. п.). Другіе, въ томъ числѣ и Адамъ Бременскій, знаютъ тотъ же городъ подъ именемъ Ренты. И вотъ какъ объ немъ пишетъ Адамъ Бременскій: «Славянскіе народы живутъ и между рѣками Эльбой и Одрой... Изъ нихъ средніе и главнѣйшіе суть Ратари, а знаменитый ихъ городъ Ретра, столица идолопоклонства. Въ городѣ воздвигнутъ большой храмъ, посвященный демонамъ, изъ которыхъ первый Редигость. Его идолъ украшенъ золотомъ, а ложе пурпуромъ» (2). Если же Ретра и Радагастъ есть одинъ и тотъ же городъ, то и богъ Радагастъ и богъ Сварожичъ суть два имени одного и того же бога. Не забудемъ тутъ, что какъ Дитмаровъ Сварожичъ, такъ и Ада-

(1) *Sasopis Ces. Mus.* 1844. Сличъ тамъ же 1837, стр. 62.

(2) *Адамъ Брем.* I, 65. То же повторяетъ и *Гельмольдъ* I. 2—21.

мовъ Радагастъ былъ почитаемъ покровителемъ войны, имѣлъ священнаго коня, употребляемаго при обрядѣ гаданій, и т. д. (1). Кромѣ того у Вацерада находимъ преданіе, что Радагастъ былъ внукъ Къртовъ, какъ было уже замѣчено; а такъ какъ Къртъ или Хърсъ былъ богъ солнца, слѣдовательно и Радагастъ, какъ Дажь — богъ Сварожичь, былъ чтимъ, какъ воплощеніе солнца. Вацерадъ сравниваетъ Радагаста съ Меркуріемъ, но, вѣроятно, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ сравниваемъ былъ съ Меркуріемъ и Скандинавскій Воданъ, который однакожь былъ и Марсомъ, и Юпитеромъ и всепроникающимъ свѣтомъ, такъ точно какъ и Индійскій Брами (2). Подтверженія единству Радагаста и Дажь-бога Сварожича едва ли не должно искать и въ самомъ словѣ «Радагастъ», производя его отъ *dagъ* — день, небо.

Свитагандъ также называется Сварожичемъ (*Svaraviz* вмѣсто *Svarasiz*) въ одномъ изъ списковъ Книгинга-Саги (3). Не для чего тутъ предполагать ошибку: потому что есть и другія доказательства единству божественности Сварожича и Святoviда. Какъ Радагастъ Сварожичь былъ главнымъ въ Ретрѣ, — городѣ, желавшемъ владычествовать надъ всѣми Балтійскими Славянами; такъ и Святoviдъ тѣми же Славянами былъ почитаемъ за бога боговъ, которые, въ отношеніи къ нему, считались полубогами, и своимъ храмомъ Арконскимъ, не много позже, вла-

(1) *Гельмольдъ*, 1. 23. *Адамъ Брем.* III. 166. *Chroniq.* August. ad a. 1068. *Dreher*, Codex. 1. 349.

(2) *Grimm*, D. Myth. 121, 328, и пр. *Bohlen*, D. a. Indien. I. 145—146.

(3) *Pormanna Sögur*. XI. 384.

дычествовалъ надъ всѣми Сѣверо-Западными Славянами (1). Какъ Радагастъ Сварожичъ былъ почитаемъ за божество побѣдопосное, и страшно былъ вооруженъ; такъ и Святovidъ былъ чтимъ, какъ богъ побѣдъ, и у идола его лежало оружіе (2). Тотъ и другой имѣлъ своего священнаго вѣщаго коня (3). Святovidъ, по описанію Саксона Грамматика, изображался съ четырьмя головами: это папоминаетъ Индійскаго Брахму (Chaturmukhas), — то же солнце, — который представляемъ былъ также съ четырьмя головами (4). Припомнимъ еще, что праздникъ Святovidа приходился послѣ жатвы, осенью, въ Сентябрь, около времени равноденствія, времени празднествъ, посвященныхъ солнцу, какъ увидимъ послѣ.

Яровитъ или *Руевитъ*, подобно Святovidу, сравниваемъ былъ съ Марсомъ (5), и былъ то же божествомъ солнечнымъ. Именемъ Яровита называли его Гаволяне и Вольгастяне; именемъ Руевита — Корепичане; оба названія впрочемъ имѣютъ одно и то же значеніе буйности, силы (6). Яровиту былъ посвященъ щитъ, почитавшійся столь священнымъ, что къ нему никто не смѣлъ прикоснуться: не мудро, что и этотъ щитъ, какъ щитъ у древнихъ, былъ символомъ небснаго свода и власти солнца (7).

(1) *Дитмаръ*, VI, 18. *Адамъ Бр.* IV, 65, 167. III, 166. *Гельмольдъ*, I, 6, 36, 83.

(2) *Дитмаръ*, VI, 17. *Адамъ Бр.* III, 166. *Гельмольдъ*, I, 112. *Саксонъ Грам.* XIV, (Миллерова изд.) 823—824.

(3) *Саксонъ Грам.*

(4) *Саксонъ Грам. Vohlen.* I 202.

(5) *Эббо*, у Боллавиастовъ, I, 409, 442. *Саксонъ Грам.* 842.

(6) *Юнгманнъ*, *Slownik Cesky.* IV, 251. I, 570.

(7) *Uschold, Vorhalle.* I, 297—325.

Ясноѣ опредѣляется значеніе Яровита изъ словъ, гдѣ жрецъ его, именемъ самаго бога, высчитываетъ его качества,—словъ, извѣстныхъ изъ жизнеописаній Св. Оттона : «Я богъ твой; я тотъ, который одѣваетъ поля муравою, и листвіемъ лѣса; въ моей власти плоды нивъ и деревъ, приплодъ стадъ и все, что служить въ пользу человѣка : все это даю чтущимъ меня, и отнимаю отъ отвергающихъ меня» (1). У Хорутанъ, какъ мы видѣли, солнце и доселѣ изображается божествомъ събющимъ. Коляда, праздникъ возрожденія солнца, какъ начало года, была, и остается отчасти по-нынѣ, временемъ гаданій и пожеланій о дарованіи благъ земныхъ, почти у всѣхъ Славянъ (2). Такъ и на празднествахъ Святотида гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него въ этомъ помощи (3). Руевитъ изображался съ семью головами подъ однимъ черепомъ, и семь же мечей въ ножнахъ привязано было къ его поясу; а осмой, вынутый изъ ноженъ, идолъ держалъ на-голо въ правой рукѣ. Объяснить это трудно; но что число семь было священнымъ у всѣхъ Сабействова, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вспомнимъ семь планетъ и семь дней недѣли, семь коней солнца, семь преисподнихъ очистительныхъ, представляющихъ семь вратъ солнца Митры, семь стадъ Геліуса, седьмой день каждаго мѣсяца, какъ день рожденія Аполлона и пр. Другая форма корня «яръ» есть «ясъ», — и отъ нея произошло другое названіе

(1) *Сефридъ*, I, 128.

(2) См. Колядныя пѣсни.

(3) *Сакс. Грам.*

богъ свѣта—*Ясонъ* или *Хасонъ*, извѣстное Чехамъ (1) въ смыслѣ Феба. *Длугошъ*, а за нимъ и *Бѣльскій*, говорятъ о немъ (*Jesse*), какъ о Юпитерѣ (2); но это не должно наводить никакого сомнѣнія, если сообразить, что и *Сварожичей* мы знаемъ также двухъ—и бога свѣта, и бога огня, какъ дѣтей неба.

Таковы были главные мѣстныя проявленія идею обожанія солнца языческими Славянами и главные названія божества солнечнаго, сколько мнѣ удалось узнать ихъ. Передавая на судъ читателей эту часть моихъ изслѣдованій о сабеизмѣ древнихъ Славянъ, позволяю себѣ просить тѣхъ, которые ближе къ народу и его старожилымъ повѣрямъ, чтобы они обратили вниманіе на недостатки моего труда и дополнили его своими замѣчаніями. Между тѣмъ какъ уже не многого можемъ ждать отъ памятниковъ старины, для дополненія массы фактовъ о язычествѣ Славянскомъ, не лѣзя не быть внимательнымъ къ тому, что еще сохраняется въ суевѣріяхъ простаго народа, и пока онѣ еще живы, не лѣзя терять надежды, что если не многое, то, по крайней мѣрѣ, кое-что можетъ ими объясниться, и содѣйствовать сколько нибудь къ яснѣйшему представленію столь занимательной части нашихъ древностей.

Исправл. должн. Экстраорд. Проф. Харьковскаго Унив.

И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1846, № 7).

(1) *Jungmann, Slovnik*. I, стр. 571, 793.

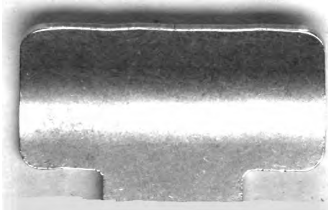
(2) *Длугошъ*. V, 9. *Бѣльскій*. I. подъ царствованіемъ Мечислава I.

UK-295 269

RECEIVED
[REDACTED]
2/25/12 12/19/12

RECEIVED

89000755272